

Agatha Christie
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Мэри Уэстмакомм
более известная как
Агата Кристи

Разлука весной

Мэри Уэстмакотт

Разлука весной

Mary Westmacott

Absent in the Spring

Absent in the Spring © 1944 The Rosalind Hicks
Charitable Trust. All rights reserved.

© Перевод. ООО «Центрполиграф», 2017

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство „Э“», 2018

Глава 1

Вглядываясь в полумрак гостиничной столовой, Джоан Скюдамор прищурила глаза. Она была чуть близорука.

Конечно, это она — нет, не может быть, — да она же. Бланш Хэггард.

Поразительно — в такой глупи встретить старую школьную подругу, с которой они не виделись уже... ой, целых пятнадцать лет.

В первую секунду Джоан обрадовалась. Она по натуре была женщиной общительной и любила компанию.

Но бедняжка Бланш, подумала она тут же, как же она страшно изменилась! Она выглядит намного старше своих лет. Совсем старуха. Сколько ей может быть — не больше сорока восьми?

Естественно, у Джоан сразу возникло желание посмотреть в зеркало, которое очень кстати висело как раз рядом со столом. То, что она увидела, еще больше подняло ей настроение.

Да, действительно, подумала Джоан Скюдамор, я выгляжу отлично.

Из зеркала на нее смотрела стройная женщина средних лет: никаких морщин, каштановые волосы едва-едва тронула седина, приятные голубые глаза и веселый улыбающийся рот. Женщина была одета в элегантный легкий дорожный костюм, и на плече у нее висела довольно большая сумка, в которой лежали самые необходимые вещи.

Джоан Скюдамор возвращалась из Багдада в Лондон по сухе. Нынче вечером она приехала поездом из Багдада, собираясь переночевать в этой железнодорожной гостинице, а на следующее утро отправиться дальше на машине.

Джоан бросила все дела в Англии и уехала, узнав о болезни младшей дочери. Уильям (ее зять) непрактичен, и она понимала, что в доме без хозяйской руки воцарится полный хаос.

Но теперь все в порядке. Она все устроила. Ребенок, Уильям и поправляющаяся Барбара ходили по струнке и вели себя идеально. Слава богу, у меня всегда была голова на плечах, подумала Джоан.

Уильям и Барбара, преисполненные благодарности, уговаривали ее остаться, не торопиться домой, но она с улыбкой, хотя и с легким вздохом, отказалась. Надо было подумать о Родни – бедняге Родни, который сидит в Крейминстере, уйдя с головой в работу, и, кроме прислуги, во всем доме о нем некому позаботиться.

– А чего ждать от прислуги? – проговорила печально Джоан.

– Твои слуги, мама, всегда само совершенство, – отзвалась Барбара. – Как тебе удается!

Джоан посмеялась, но все равно ей было приятно. Говоря и делая что-то, всегда рассчитываешь, что другие это оценят. Иногда она размышляла, не слишком ли ее семья привыкла к тому, что в доме всегда уютно и чисто, дела в безупречном порядке, а сама Джоан в любую минуту готова прийти на помощь.

Нет, она ни на кого не в обиде. Тони, Эверил и Барбара – замечательные дети, и они с Родни по праву могли гордиться их воспитанием и успехами в жизни.

Тони выращивал апельсины в Родезии, Эверил, хотя в свое время заставила родителей побеспокоиться, не-плохо устроилась, став женой богатого биржевого маклера, к тому же и человека достаточно приятного. Муж Барбары занимал хорошую должность в министерстве общественных работ Ирака.

Все трое были красивыми, здоровыми людьми и умели себя держать. Джоан считала, что им с Родни действительно повезло, а в глубине души полагала, что в успехах детей есть некоторая заслуга и их родителей. В конце концов, сколько они мучились, подбирая нянь и гувернанток, а потом школу, и всегда ставили на первое место интересы детей и их благополучие.

Отвернувшись от своего отражения в зеркале, Джоан почувствовала, как на нее нахлынула легкая, приятная волна. Да, подумала она, приятно сознавать, что ты добилась своего. Она никогда не хотела сделать карьеру. Ее вполне удовлетворяла роль жены и матери. Она вышла замуж за человека, которого любила, и он на своей работе преуспел – возможно, тут есть и доля ее труда. Многое можно добиться, подавая хороший пример. Мильный Родни!

Ее согревала мысль о том, что скоро, очень скоро она опять увидит Родни. Она никогда не уезжала от него так надолго. Как счастливо и спокойно они всегда жили!

Ну, спокойно – это, конечно, преувеличение. Семейная жизнь никогда не бывает спокойной. Праздники, болезни, лопнувшие от холода водопроводные трубы. На самом деле жизнь состояла из череды мелких драм. Род-

ни напряженно работал, наверное, даже усерднее, чем ему позволяло здоровье. Лет шесть назад он стал заметно сдавать. С легкими угрызениями совести Джоан подумала, что ее муж сохранился не так хорошо, как она. Он довольно сильно ссупуился, поседел, под глазами набрякли мешки.

Но, в конце концов, такова жизнь. А сейчас, когда дети вышли замуж и женились, а у фирмы так хорошо идут дела и новый совладелец вложил в нее деньги, Родни будет полегче. Они найдут время и на себя. Можно, например, проводить пару недель в Лондоне. Родни займется гольфом. Напрасно она не убедила его заняться гольфом раньше. Это полезно для здоровья, особенно тем, у кого «сидячая» работа.

Взяв это на заметку, миссис Скюдамор еще раз взглянула на женщину, которая, как она полагала, была когда-то ее школьной подругой.

Бланш Хэггард. Как же она обожала Бланш Хэггард в школе Сент-Энн! Все сходили с ума по Бланш. Она была такой смелой, такой остроумной и такой непередаваемо очаровательной. Как же можно думать об этом сейчас, глядя на худую, взвинченную и неопрятную пожилую женщину. Как странно она одета! И выглядит... да, действительно не меньше чем на шестьдесят.

Конечно, подумала Джоан, у нее неудачно сложилась жизнь.

На мгновение она ощутила раздражение. Ужасающая нелепость! Когда-то Бланш был двадцать один год и весь мир лежал у ее ног — внешность, положение, все, — и она связала свою судьбу с этим отвратительным человеком. Лекарем — да, именно лекарем. Лекарем, который к тому же был женат, что еще больше усложняло ситу-

ацию. Родные Бланш вели себя с похвальной твердостью, отправив ее в кругосветный развлекательный круиз. Но она сошла с корабля где-то в Алжире или в Неаполе и вернулась домой к своему лекарю. Он, естественно, потерял практику, начал пить, а жена не желала с ним разводиться. В конце концов они уехали из Крейминстера, и затем много лет Джоан не имела никаких известий о Бланш, пока как-то случайно не наткнулась на нее в Лондоне, в универмаге «Хэрродс», где они встретились в обувном отделе. Из короткого сдержанного разговора (сдержанного со стороны Джоан, потому что Бланш в жизни не была сдержанной) она узнала, что Бланш теперь была замужем за человеком по фамилии Холлидей, который работал в страховой фирме, но собирается оттуда уйти, чтобы посвятить все свое время книге об Уоррене Гастингсе^[1], которую он до сих пор писал урывками, прия с работы.

Джоан пробормотала, что в таком случае, как она полагает, у него есть какие-то сбережения или источники доходов. Бланш бодро ответила, что у него нет ни цента! Но в таком случае бросать работу довольно неразумно, если нет твердых гарантий того, что книга будет иметь успех. Ему ее заказали? О боже мой, все так же весело заявила Бланш, и вообще, она не рассчитывает, что книгу кто-нибудь издаст, потому что Том, хотя и очень старается, писать совсем не умеет. После этого Джоан, может быть, с излишней горячностью сказала, что Бланш следует проявить твердость, на что Бланш вздохнула и выпалила: «Но он так хочет писать, бедняжка! Он хочет этого больше всего на свете». Иногда, заметила Джоан,

^[1] Уоррен Гастингс (1732–1818) – английский колониальный деятель, первый генерал-губернатор Индии (1774–1785).

надо быть мудрой за двоих. Бланш засмеялась и ответила, что никогда не была достаточно мудрой даже за себя одну!

Вспоминая потом эту встречу, Джоан решила, что, к сожалению, так оно и есть. Год спустя она встретила Бланш в ресторане, в компании эксцентричной, развязной девицы и двоих богемного вида молодых людей. В дальнейшем единственным напоминанием о существовании Бланш было полученное через пять лет письмо, в котором она просила одолжить ей пятьдесят фунтов. Ее мальчику, писала она, нужна операция. Джоан послала ей двадцать пять фунтов вместе с теплым письмом, в котором спрашивала о подробностях. В ответ пришла открытка с накорябанной надписью: «Браво, Джоан. Я знала, что ты не бросишь меня в беде» – что можно было счесть благодарностью только при очень большом желании. А после этого молчание. И теперь здесь, в гостинице у железной дороги с мерцающими керосиновыми лампами, где пахнет прогорклым бараньим жиром, парафином и мышами, она встретила давнюю подругу: постаревшую, загрубевшую, плохо одетую.

Бланш закончила есть и направилась к выходу, когда вдруг почувствовала на себе взгляд Джоан. Она обернулась и остолбенела:

– Боже правый, Джоан!

Бланш схватила стул и через минуту уже устроилась за столиком.

– Ну, дорогая, ты замечательно выглядишь, – тараторила она. – Больше тридцати не дашь! Где ты была все это время? В холодильнике?

– Да что ты. Я жила в Крейминстере.

— Родилась, выросла, вышла замуж и похоронена в Крейминстере, — заявила Бланш.

— А что, плохая судьба?

— Нет. — Бланш покачала головой. — Хорошая. А как дети? У тебя же есть дети, так?

— Да, трое. Мальчик и две девочки. Сын в Родезии. Дочери замужем. Одна живет в Лондоне. А вторую я только что навещала в Багдаде. Ее фамилия теперь Рэй — Барбара Рэй.

Бланш кивнула:

— Я ее видела. Славная девочка. Она рано вышла замуж?

— Нет, — отрезала Джоан. — Всем нам нравится Уильям, и вместе они счастливы.

— Да, они, кажется, сейчас обустраиваются. Наверное, повлиял ребенок. Появление ребенка всегда остепеняет молодую женщину. Но, — задумчиво добавила Бланш, — это так и не остепенило меня. Я была очень привязана к двум моим ребятишкам — Лену и Мэри. Но когда мне встретился Джонни Пелхэм, я уехала с ним и оставила их без колебаний.

Джоан осуждающе взглянула на нее.

— Неужели, Бланш, — воскликнула она, — как ты могла?

— Я гадина, правда? — тихо спросила Бланш. — Конечно, я не сомневалась, что им будет хорошо с Томом. Он их обожал. Он женился на хорошей, добропорядочной девушке, которая подходила ему больше, чем я. Она заботилась о том, чтобы он хорошо питался, чинила ему нижнее белье и все такое. Милый Том, он всегда был ба-

ловнем. На протяжении многих лет он присыпал мне открытки к Рождеству и Пасхе. Очень мило с его стороны, как ты думаешь?

Джоан не ответила. В ее голове вертелось множество самых разных мыслей. И главной было удивление по поводу того, что это Бланш Хэггард, благополучная, веселая девчонка, одна из лучших учениц в школе Сент-Энн. Неряшливая женщина, сидевшая перед ней, не стеснялась рассказывать такие мерзкие подробности своей жизни, да еще таким грубым языком! Ведь Бланш Хэггард когда-то получила медаль в Сент-Энн по английскому!

Бланш вернулась к предыдущей теме:

– Надо же, малышка Барбара Рэй твоя дочь, Джоан. Вот как люди все извращают. Вбили себе в голову, что она была так несчастлива дома, что вышла замуж за первого встречного, который предложил ей уехать.

– Какая чушь. Откуда пошли эти сплетни?

– Понятия не имею. Но в чем я совершенно уверена, так это в том, что ты, Джоан, всегда была замечательной матерью. Не могу вообразить тебя сердитой или холодной.

– Очень мило с твоей стороны, Бланш. Думаю, я могу сказать, что мы всегда делали все возможное, чтобы у детей был теплый дом, где они живут счастливо. Знаешь, я думаю, очень важно стать другом своим детям.

– Да, это верно – для тех, кто так может.

– О, это нетрудно. Нужно лишь помнить собственную юность и ставить себя на их место. – Джоан чуть наклонилась к бывшей подруге. – Мы с Родни всегда старались так делать.

— Родни? Подожди, ты же вышла замуж за адвоката, так? Да, конечно, я ходила в их фирму, когда Гарри пытался получить развод у той ужасной женщины. Я полагаю, что мы видели твоего мужа — Родни Скюдамора. Такой любезный, добрый, понимающий. И ты оставалась с ним все эти годы? Никакого разнообразия.

— Никто из нас не хотел разнообразия, — довольно холодно отозвалась Джоан. — Родни и я вполне устраивали друг друга.

— Конечно, ты всегда была холодна как рыба, Джоан. Но надо сказать, твой муженек выглядел весьма озабоченно.

— Ты что, Бланш!

Джоан вспыхнула от гнева. Озабоченно. Родни!

И вдруг у нее мелькнула неприятная мысль, похожая на ту сверкнувшую на солнце змею, которая вчера переползала пыльную дорогу перед ее автомобилем, — извивающаяся зеленая ленточка, исчезнувшая почти тотчас же, как ее увидели.

Эту мысль можно было выразить парой слов, которые откуда-то выплыли и тут же растаяли.

Девица Рэндолф...

— Извини, Джоан, — с готовностью согласилась Бланш. — Давай лучше пойдем и выпьем кофе. Ты же знаешь, у меня всегда был вульгарный вкус.

— Нет, — торопливо и искренне запротестовала Джоан.

— Неужели ты не помнишь? — Бланш, казалось, была удивлена. — Не помнишь, как я убегала из школы, чтобы встречаться с сыном булочника?

Джоан поморщилась. Она уже забыла о том случае. В то время поступок Бланш казался верхом смелости и виделся ей в самом романтическом свете, хотя на самом деле был вульгарной и грязной эскападой.

Усевшись в плетеное кресло и заказав кофе, Бланш тихонько рассмеялась:

— Какая же я, наверное, противная. Да, это всегда было моей слабостью. Я слишком любила мужчин. И всегда подлецов! Чудовищно, правда? Сначала Гарри — он был негодяем, но при этом чертовски красивым. Потом Том, который ничего для меня не значил, хотя по-своему я была к нему привязана. Джонни Пелхэм — ох, с ним мы хорошо жили какое-то время. Джеральд меня меньше устраивал...

Тут официант принес кофе, прервав этот перечень, который Джоан выслушивала с глубоким отвращением.

— Извини, Джоан, я тебя шокировала. — Бланш заметила выражение ее лица. — Ты всегда была пуританкой.

— Надеюсь, достаточно терпимой. — Джоан выдавила из себя подобие улыбки. И довольно неловко добавила: — Мне просто жаль.

— Меня? — Бланш, казалось, поразила такая мысль. — Спасибо, моя дорогая, но не растречивай понапрасну свое сочувствие. Мне жилось очень весело.

Джоан просто не смогла не оглядеть еще раз подругу. Неужели Бланш не понимает, на что она похожа? Небрежно покрашенные хной волосы, грязноватая вычур-

ная одежда, изможденное морщинистое лицо старухи – истасканной старухи, потрепанной цыганки!

Бланш вдруг стала серьезной.

– Да, ты права, Джоан, – грустно произнесла она. – Ты добилась успеха в жизни. Ну а я – я положила свою в развалинах. Я все время катилась вниз, а ты – ты шла вверх, нет, ты оставалась той же, как была, девочкой из Сент-Энн, гордостью нашей старой школы!

– Хорошие были дни, правда? – Джоан попыталась перевести разговор на ту общую тему, которая у них еще оставалась.

– Ничего себе, – равнодушно бросила Бланш. – Иногда мне делалось скучно. Все было так чопорно и так подчеркнуто благопристойно. Мне хотелось выбраться оттуда и посмотреть мир. Ну, – рот Бланш насмешливо скривился, – я его повидала. О, я его повидала!

– Ты возвращаешься в Англию?

Сердце ее упало, когда она задала этот вопрос. Она совсем не хотела Бланш в качестве попутчицы. Случайная встреча – это еще куда ни шло, но она сильно сомневалась в том, что сможет соблюдать хотя бы видимость дружелюбия, пока они будут ехать через всю Европу. Воспоминания о прежних днях скоро развеются.

Бланш ухмыльнулась:

– Нет, мне в другую сторону. В Багдад. К мужу.

– Мужу?

Джоан искренне удивилась, что у Бланш есть что-то столь респектабельное, как муж.

— Да, он — инженер на железной дороге. Его фамилия Донован.

— Донован? — Джоан покачала головой. — Я ничего о нем не слышала.

— Конечно, дорогая. — Бланш рассмеялась. — Он — человек не твоего круга. Пьет как сапожник. Но в душе он ребенок. И хотя ты удивишься, он очень хорошо относится ко мне.

— Что же тут странного, — вежливо возразила Джоан.

— Добрая матушка Джоан. Ты всегда играешь, правда? Скажи спасибо, что я еду в другую сторону. Даже твое христианское терпение лопнуло бы за пять дней, проведенных в моем обществе. Не трудись отрицать это. Я знаю, кем я стала. Грубая старая развалина — вот что ты думаешь. Что ж, бывает кое-что и похуже.

В душе Джоан сомневалась, что бывает что-то хуже. Падение Бланш казалось ей величайшей трагедией.

— Надеюсь, ты удачно доберешься, — продолжала Бланш, хотя сильно в этом сомневалась. — Кажется, вот-вот начнутся дожди. И если так, ты можешь надолго застрять в какой-нибудь дыре.

— Надеюсь, этого не произойдет. У меня уже заказаны билеты.

— Ну, когда едешь по таким глухим местам, редко удается выдержать расписание. Если успеешь пересечь реки, дальше все просто. Конечно, водители берут с собой запас еды и питья. Но бывает довольно скучно, если где-то застряешь, и заняться можно только тем, что размышлять.

Джоан улыбнулась:

— Что ж, если так, это даже к лучшему. Знаешь, мне часто не хватает времени, чтобы отдохнуть. Порой просто хочется провести неделю ничего не делая.

— А я думала, ты можешь прохладиться как хочешь.

— О нет, моя дорогая. Я по-своему деловая женщина. Я — секретарь Общества садоводов, я состою в опекунском совете нашей больницы и, кроме того, не чураюсь политики. Вдобавок ко всему этому есть домашнее хозяйство, а еще мы с Родни частоходим в гости и принимаем друзей у себя. Для адвоката очень важно иметь широкий круг знакомств. Кроме того, я очень люблю свой садик, мне нравится бо́льшую часть работы делать в нем самой. Знаешь, Бланш, у меня едва ли находится минутка — разве что четверть часа перед обедом, когда я могу просто сесть и отдохнуть. А надо еще быть в курсе литературных новостей.

— Ты, кажется, со всем этим неплохо справляешься, — пробормотала Бланш, не спуская глаз с молодого и свежего лица собеседницы.

— Ну, лучше уставать, чем закиснуть! Должна признаться, у меня всегда было отличное здоровье — вот за что я по-настоящему благодарна судьбе. Но все равно — как замечательно, когда целый день или даже два тебе нечего делать, кроме как размышлять.

— Интересно, — спросила Бланш, — о чем же ты будешь размышлять?

Джоан тихо рассмеялась: мелодично и звонко:

— Всегда ведь есть множество вещей, о которых стоит подумать, разве нет?

Бланш усмехнулась:

— Например, о своих грехах!

— Да, конечно, — вежливо согласилась Джоан, хотя и без удовольствия.

Бланш смерила ее насмешливым взглядом:

— Только едва ли это займет тебя надолго! — Она нахмурилась и продолжала: — Тогда ты должна перейти к тому, чтобы подумать о своих хороших поступках. Обо всех благодеяниях, совершенных тобой в жизни! Гм, не знаю. Может быть, это довольно скучно. А правда, — Бланш ненадолго замолчала, — если на протяжении многих дней тебе не о чем думать, кроме как о себе самой, интересно, до чего можно дорыться...

Джоан недоумевающе взглянула на нее:

— По-твоему, можно выяснить что-то такое, чего не знала раньше?

— Наверное, можно... — Она вдруг поежилась. — Только я бы не хотела проводить этот опыт.

— Конечно, — согласилась Джоан, — у некоторых людей есть склонность к созерцанию. Я же никогда не могла их понять. Мистика — нечто совсем не мое. Боюсь, мой темперамент для этого не годится. Мне такие вещи кажутся ненужной крайностью, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Конечно, проще, — сказала Бланш, — молиться самой короткой из известных молитв. — И в ответ на вопрос

сительный взгляд Джоан она пояснила: – Господи, будь милостив ко мне, грешнице. Этим все сказано.

Джоан слегка смущалась.

– Да, – сказала она, – разумеется.

Бланш расхохоталась:

– Твоя беда в том, Джоан, что ты не грешница. Тебе незачем молиться! Я же для этого вполне подхожу. Иногда мне кажется, что я никогда не перестану делать то, что мне делать не следует.

Джоан молчала, не зная, что сказать.

Бланш продолжала уже более спокойно:

– Да, так устроен мир. Ты от чего-то отказываешься, когда за это надо держаться, и хватаетесь за то, что лучше не трогать. В какой-то момент жизнь настолько прекрасна, что в это с трудом верится, а потом вдруг наваливаются невзгоды и страдания! Когда все идет хорошо, тебе кажется, что так будет продолжаться вечно, но этого никогда не случается, а пережив очередной удар, ты думаешь, что больше никогда не оправишься. Это и есть жизнь, так ведь?

Это настолько не соответствовало представлениям Джоан, что она не находила слов, чтобы ответить так, как считала нужным.

Бланш поднялась:

– Ты совсем спиши, Джоан. И я тоже. А завтра нам рано вставать. Рада была увидеть тебя.

Женщины с минуту стояли, держась за руки. Быстро, неловко и с внезапной грубо-натуралистической нежностью в голосе Бланш сказала:

— Не беспокойся о своей Барбаре. Все у нее будет хорошо, я уверена. Знаешь, Билл Рэй — хороший парень, у них есть ребенок и все остальное. Просто она очень молода, а эта здешняя жизнь иногда кружит девушке голову.

Джоан молчала в полном недоумении.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — выдохнула наконец она.

Бланш посмотрела на нее с восхищением:

— Этот старый добрый дух нашей школы. Никогда ничего не признавать. Ты действительно ничуть не изменилась, Джоан. Кстати, я должна тебе двадцать пять фунтов. Никогда до сей минуты об этом не думала.

— О, не беспокойся.

— Я не беспокоюсь, — засмеялась Бланш. — Я, кажется, собирались тебе их вернуть, но, в конце концов, если кто-то одолживает кому-то деньги, он хорошо знает, что больше их не увидит. Поэтому я и не беспокоилась. Ты была одним из номеров, Джоан, и оказалась выигрышным, так что эти деньги нам бог послал.

— Одному из детей надо было сделать операцию, да?

— Врачи так думали. Но в конце концов выяснилось, что в этом нет необходимости. Поэтому деньги мы прокутили и еще купили Тому секретер с выдвижной крышкой. Он давно положил на него глаз.

Внезапно вспомнив ту давнюю встречу, Джоан спросила:

— Ну и как, написал он книгу об Уоррене Гастингсе?

Бланш просияла:

– Удивительно, что ты об этом помнишь! Да, написал, сто двадцать тысяч слов.

– И ее напечатали?

– Конечно, нет! После этого Том начал писать биографию Бенджамина Франклина. Получилось еще хуже. Странный у него вкус, правда? Если бы я писала биографию, это было бы что-нибудь наподобие Клеопатры или, скажем, Казановы, нечто пикантное. Но не могут же все думать одинаково. Том снова получил должность в фирме – правда, не такую хорошую, как раньше. Но я рада, что он какое-то время жил в свое удовольствие. Ужасно важно, чтобы люди занимались тем, что они действительно хотят делать, как ты думаешь?

– Все зависит от обстоятельств, – ответила Джоан. – Слишком многое надо принимать во внимание.

– А ты разве не делала то, что хотела?

– Я? – Джоан растерялась.

– Да, ты, – сказала Бланш. – Ты хотела выйти замуж за Родни Скюдамора, так? Хотела завести детей? И уютный дом? – Она рассмеялась и добавила: – И потом жить счастливо до скончания века. Аминь.

Джоан тоже засмеялась, чувствуя облегчение оттого, что разговор, кажется, обратился в шутку, и выдохнула:

– Не смейся. Я знаю, что мне очень повезло. – А потом, испугавшись, что ее последние слова выглядят бес tactностью по отношению к Бланш, поспешил произнести: – Ну, мне и вправду надо идти. Спокойной ночи – и приятно было тебя увидеть.

Она тепло пожала руку Бланш (не ожидала ли Бланш, что она поцелует ее? Конечно, нет) и легко взбежала по лестнице к себе в комнату.

Бедная Бланш, думала Джоан, раздеваясь, аккуратно складывая одежду и готовя на утро свежую пару чулок. Бедная Бланш. Все это – подлинная трагедия.

Она надела пижаму и начала расчесывать волосы.

Бедная Бланш. Так ужасно выглядит, такая вульгарная.

Она уже собралась лечь в постель, но в нерешительности остановилась.

Конечно же, никто не молится каждый вечер. На самом деле Джоан уже давно не произносила никаких молитв. Она даже не слишком часто ходила в церковь.

Но, конечно, была верующей.

Внезапно Джоан захотелось стать на колени у этой довольно неудобной кровати (такие отвратительные хлопчатобумажные простыни; слава богу, что она захватила с собой собственную мягкую подушку) и хорошенько, как ребенок, прочитать молитву.

При этой мысли ей стало как-то неловко.

Она быстро забралась в постель и, натянув одеяло, взяла книгу, которую положила на столик у изголовья кровати: «Воспоминания леди Кэтрин Дайзарт» – очень увлекательно написанная и занятная история Викторианской эпохи.

Но, прочтя несколько строк, Джоан поняла, что не может сосредоточиться.

Я очень устала, подумала она, отложила книгу и выключила свет.

Опять в голову пришла мысль о молитве. Что там говорила Бланш: «Тебе незачем молиться»? Что она имела в виду?

Джоан быстро сстроила в голове молитву – из отдельных слов.

Господи... спасибо Тебе... бедная Бланш... спасибо Тебе, что я не такая... Боже милостивый... мои благодарности... особенно за то, что я не такая, как бедная Бланш... бедная Бланш... это действительно страшно. Конечно, это ее вина... страшно... ужасно... спасибо, Боже... я не такая... бедная Бланш...

Глава 2

Когда на следующее утро Джоан покидала гостиницу, шел дождь — мелкий, тихий дождь, немного странный для этих краев.

Она оказалась единственной пассажиркой, ехавшей на запад, что тоже было необычным, хотя в это время года особенно много пассажиров никогда не набиралось. А тут еще в прошлую пятницу отправился большой транспорт.

Ее ждал потрепанного вида автомобиль с водителем-европейцем и сменщиком из местных. В серой утренней мгле хозяин гостиницы помог Джоан сесть в машину, покричал на арабов, пока они не разместили багаж так, что это его устроило, и пожелал мадемузель, как он называл всех женщин-постояльцев, удачной и приятной поездки. После этого он церемонно поклонился и вручил Джоан небольшую картонную коробку с завтраком.

— Пока, Сатан, до завтрашнего вечера или до следующей недели, — судя по всему, до следующей недели! — весело крикнул водитель, и автомобиль тронулся.

Они катили по извилистым улочкам восточного города, в котором кое-где попадались — нелепые в таком окружении — кварталы европейской застройки. Ревел гудок, ослы шарахались в сторону, дети убегали. За западными воротами началась широкая, неровная мощеная дорога, бежавшая вдаль прямо и неуклонно, словно вела на край света.

На самом деле километра через два она вдруг закончилась, превратившись в разбитую колею.

При нормальной погоде, такой, как сейчас, думала Джоан, они примерно за семь часов доберутся до Тель-абу-Хамида, железнодорожной станции турецкой дороги. Сегодня утром туда прибыл поезд из Стамбула, который отправится обратно сегодня же в половине девятого вечера. В Тель-абу-Хамиде была небольшая гостиница – там можно и поесть. И где-то на полпути им встретится транспорт, идущий на восток.

Машину трясло на разбитой дороге, и Джоан бросало вверх-вниз на сиденье.

Водитель обернулся, поинтересовался, все ли в порядке, и объяснил, что хочет на всякий случай проскочить побыстрее те два речных русла, которые никак не объедешь.

Время от времени он беспокойно поглядывал на небо.

Дождь пошел сильнее, машину стало заносить и болтать из стороны в сторону, а Джоан сделалось немножко нехорошо.

Около одиннадцати они добрались до первого русла. В нем была вода, но они – хотя в какой-то момент казалось, что машина застрянет, – благополучно перебрались на другой берег. Еще километра через два дорогу развезло, и там они засели.

Джоан накинула макинтош и вышла из машины. Она ела свой завтрак и прохаживалась, наблюдая, как мужчины работали лопатами, домкратами, подкладывали под колеса припасенные заранее доски. Они ругались и выбивались из сил, но колеса лишь сердито крутились в холостую. Джоан казалось, что положение их безвыходное, но водитель заверил ее, что это еще не самое худшее ме-

сто. Потом вдруг колеса неожиданно за что-то зацепились, машина зарычала и выбралась на более твердую землю.

Чуть дальше им попались навстречу два автомобиля. Все три машины остановились, водители перекинулись парой слов, обменявшись сведениями о дороге и выслушав советы.

В тех двух машинах ехали женщина с младенцем, молодой французский офицер, пожилой армянин и два англичанина, судя по виду, коммерсанты.

Они двинулись дальше. Еще дважды машина увязала, и каждый раз начиналась долгая возня с лопатами и домкратами. Вторая переправа оказалась труднее, чем первая. Когда они подъехали к реке, уже спустились сумерки, в русле бежала вода.

Джоан с беспокойством спросила:

– А поезд будет ждать?

– Обычно они любезно ждут нас примерно час. Столько еще можно наверстать в пути, но дальше половины десятого поезд ждать не будет. Ничего, скоро дорога станет лучше: на открытом месте грунт более твердый.

Они с трудом преодолели эту преграду – весь противоположный склон была сплошная скользкая грязь. Уже совсем стемнело, когда автомобиль наконец выехал на сухую дорогу. Водитель погнал вперед как только мог, но в Тель-абу-Хамиде они оказались только в четверть одиннадцатого. Поезд на Стамбул уже ушел.

Джоан настолько устала, что не замечала ничего вокруг. Она заставила себя пойти в столовую, но есть не

могла и попросила только чаю; потом прошла в тускло освещенную, мрачную комнату, где стояли три железные кровати, переоделась, упала в постель и заснула как убитая.

На следующее утро она чувствовала себя, как всегда, бодро и уверенно. На часах было половина десятого. Джоан встала, оделась и вышла в столовую. Заказав у индийца в великолепной чалме завтрак, она подошла к двери и выглянула наружу. Да, действительно, редкостная дыра.

Время здесь, подумала она, будет тянуться вдвое медленнее.

В Багдад Джоан летела самолетом из Каира. Путешествие было для нее в новинку. Но ей говорили, что в общей сложности такая поездка занимает неделю, — три дня поездом от Лондона до Стамбула, еще два — до Алеппо, еще ночь — до конечной станции железной дороги Тель-абу-Хамид, затем день на машине, ночь в гостинице, потом опять на машине до Киркука, и дальше поездом до Багдада.

Сегодня дождь, похоже, идти не собирался. Небо было синим и безоблачным. В загончике возле гостиницы бегали и громко кудахтали тощие куры. На отгороженной проволокой помойке над грязными консервными банками роями вились мухи. Внезапно появилось нечто напоминавшее кучу грязного тряпья, которое при ближайшем рассмотрении оказалось арабским мальчиком. На некотором расстоянии, еще за одним проволочным ограждением находилось приземистое строение, по-видимому станция, рядом с которой было что-то такое, что Джоан приняла за артезианский колодец или большой чан с во-

дой. К северу на горизонте вырисовывались смутные очертания холмов.

И больше ничего. Ни зданий, ни растительности, ни людей.

Станция, железнодорожное полотно, несколько кур, неуместное изобилие проволоки – вот и все.

Да, подумала Джоан. Действительно очень забавно застрять в таком месте.

Вышел слуга-индиец и объявил, что готов завтрак.

Джоан вернулась в зал, сразу окунувшись в знакомую атмосферу железнодорожной гостиницы, с ее полу-мраком, запахом бараньего жира, парафина и ощущением временности.

На завтрак подали кофе с молоком (консервированным), яичницу с несколькими черствыми тостами, джем и подозрительно выглядевший чернослив.

Джоан ела с аппетитом. Потом опять появился индиец и спросил, в какое время госпожа хотела бы обедать. Джоан ответила, что скоро, и они договорились, что в полторого будет в самый раз.

Она знала, что поезда ходят три раза в неделю – по понедельникам, средам и пятницам. Сейчас утро вторника, поэтому уехать можно будет только завтра вечером. Джоан спросила у слуги, так ли это.

– Правильно, госпожа. Опоздали на вчерашний поезд. Очень неудачно. Дорога очень плохая, ночью шел сильный дождь. Несколько дней машины не смогут приезжать сюда и уезжать в Мосул.

– Но с поездами все в порядке?

Джоан не интересовала дорога на Мосул.

— О да, поезд придет завтра утром. Уйдет завтра вечером.

Джоан кивнула. Она спросила о машине, которая привезла ее.

— Уехала сегодня рано утром. Шофер надеется пробраться. Но я не надеюсь. Кажется, он застрянет на день или два.

Джоан равнодушно подумала, что это весьма вероятно.

— Станция, госпожа, вон там, — продолжал делиться своими познаниями слуга.

Джоан сказала, что она так и решила.

— Турецкая станция. В Турции. Железная дорога турецкая. С другой стороны проволоки, видите? Проволока — это граница.

Джоан почтительно посмотрела в дверь на ограждение и подумала, какая странная вещь — границы.

Индиец радостно объявил:

— Обед ровно в полвторого, — и ушел. Через пару минут откуда-то из глубин дома донесся его сердитый и пронзительный вопль. Потом присоединились еще два голоса, яростно пререкавшихся на арабском.

Интересно, почему подобные гостиницы содержат всегда именно индийцы? Может, они больше общались с европейцами? Впрочем, это не столь важно.

Что же ей делать сегодня утром?

Джоан могла читать дальше свою книгу — «Воспоминания леди Кэтрин Дайзарт». Или написать письма, что-

бы отправить их из Алеппо. У нее был с собой блокнот и несколько конвертов. Но в гостинице так темно и так пахнет. Пожалуй, лучше пойти погулять.

Джоан достала свою толстую фетровую шляпу – не то чтобы солнце было опасно в это время года, но осторожность не помешает, – надела темные очки и засунула в сумку блокнот и ручку.

Она проследовала мимо свалки в противоположную от станции сторону, подальше от границы и возможных неприятностей.

Как странно гулять подобным образом, подумала Джоан, ведь идти-то некуда.

Это была новая и довольно интересная мысль. Когда гуляешь по холмам, по заросшим вереском лугам, по берегу, вдоль дороги – всегда идешь куда-то. От этого холма – к тем деревьям, потом вон к тем зарослям вереска, по этой тропинке – к ферме, по этой дороге – к другому городу, вдоль моря – к следующей бухте.

А здесь она шла «от» и не «к». От гостиницы – и все. Направо, налево, прямо – везде голая серовато-коричневая земля.

Она не торопилась. День был приятным: теплым, но не жарким, дул легкий ветерок.

Джоан прошла так минут десять, потом оглянулась.

Гостиница с ее убогим окружением издали смотрелась весьма прилично и даже приятно. Располагавшаяся за ней станция походила на нагромождение камней.

Джоан улыбнулась и двинулась дальше. Воздух был поистине восхитителен! В нем чувствовались чистота и свежесть – никакой затхлости, никаких признаков людей

или цивилизации. Солнце, небо и песок под ногами – в этом было что-то пьянящее. Джоан дышала полной грудью. Теперь случившееся ее радовало. Настоящее приключение. Желанный просвет в монотонности бытия. Как хорошо, что она опоздала на поезд. Двадцать четыре часа покоя и тишины пойдут ей на пользу. А в ее возвращении на самом-то деле нет никакой срочности. Из Стамбула она пошлет Родни телеграмму и объяснит, почему задержалась.

Милый Родни! Она задумалась, что он сейчас делает. Но тут и гадать особенно было не о чем, потому что Джоан и так знала. Он сидит в офисе своей фирмы «Олдерман, Скюдамор энд Уитни» – приятной комнатке на первом этаже с окнами на Маркет-сквер. Родни переехал туда, после того как старый мистер Уитни умер. Ему нравилась эта комната – Джоан помнила, как однажды пришла к нему и увидела, что он стоит у окна и смотрит на рыночную площадь (это был торговый день) и на коров, которых гнали на продажу.

– Какая отличная шортгорнская порода, – сказал он. (Но возможно, это была и не шортгорнская порода – Джоан не слишком хорошо разбиралась в сельскохозяйственной терминологии, – но что-то в таком духе.)

Она сказала:

– Что касается нового котла для центрального отопления, по-моему, Гэлбрейт запросил за работу слишком дорого. Может, мне узнать, сколько хочет Чемберлен?

Джоан припомнила, как Родни медленно повернулся, снял очки, протер глаза и посмотрел на нее невидящим взглядом, потом переспросил: «Котел?» – словно это был какой-то трудный и далекий от него предмет, о

котором он никогда не слышал, после чего – довольно глупо – заметил:

– Кажется, Ходдесдон продает того молодого бычка. Наверное, ему нужны деньги.

Джоан подумала, что со стороны Родни очень благородно проявлять такой интерес к старику Ходдесдону с фермы «Лоуэр-Мид». Бедный стариk, все знали, что он катится по наклонной плоскости. Но ей хотелось бы, чтобы Родни быстрее реагировал на то, что ему говорят. Поэтому что, в конце концов, люди ждут от адвоката, чтобы он был проницательным и сметливым, а если Родни станет смотреть на клиентов таким же туманным взором, они могут составить о нем невыгодное впечатление.

Поэтому она ласково, но с напором проговорила:

– Не витай в облаках, Родни. Я говорю о котле для центрального отопления.

И Родни согласился, что, конечно, надо спросить еще у кого-нибудь, но другой мастер наверняка заломит цену еще выше, так что придется пойти на такую трату. Потом он взглянул на наваленные на письменном столе бумаги, а Джоан сказала, что не должна его задерживать – похоже, у него много работы.

Родни улыбнулся: у него действительно накопилось много работы, а он и так потерял время, наблюдая за коровами.

– Вот почему мне нравится эта комната, – сказал он.
– Я предвкушаю пятницу. Послушай.

Он поднял руку, Джоан прислушалась и различила мычание и блеяние – довольно неприятные звуки, но

Родни, смешно подумать, это, кажется, нравилось. Он стоял, слегка наклонив голову, и улыбался...

Ну а сегодня не торговый день. Родни сидит за столом, ничто его не отвлекает. И ее тогдашние опасения, что клиенты могут счесть Родни рассеянным, оказались необоснованными. Он был самым популярным работником фирмы. Он всем нравился, а это – половина дела в адвокатской практике.

А для меня, с гордостью подумала Джоан, он бы перевернул весь мир.

Она перенеслась мыслями в тот день, когда Родни рассказал ей о предложении своего дяди. Это был старый семейный бизнес, и всегда предполагалось, что Родни займется им после того, как сдаст экзамены и получит лицензию. Но то, что дядюшка Гарри предложил сделать его своим компаньоном, да еще на таких прекрасных условиях, было настоящей удачей.

Джоан выразила свою радость и удивление, тепло поздравила Родни и только тогда заметила, что Родни, по-видимому, не разделяет ее чувств. Он даже произнес нечто невероятное:

– Если я приму...

И она с тревогой воскликнула:

– Но, Родни!

Джоан ясно помнила его бледное лицо. Она никогда раньше не думала, что он настолько нервный человек. Руки его дрожали. В темных глазах читалась мольба.

– Я ненавижу кабинетную жизнь! – воскликнул Родни. – Ненавижу!

— Я знаю, дорогой, — поспешил согласиться Джоан.
— Там всегда душно, работа монотонная и неинтересная.
Но сейчас другое дело — у тебя ведь будет свой интерес.

— В силу вышеизложенного, по условиям контракта
стороны обязуются...

Родни выпалил абсурдный и бессвязный набор юри-
дических терминов, рот его смеялся, а глаза были груст-
ными и молящими — и эта мольба обращалась к ней. И
она так любила Родни!

— Но ведь всегда считалось, что ты пойдешь рабо-
тать в фирму.

— Да, я знаю, знаю. Но откуда я мог знать, что мне
это так противно?

— Но... я хочу сказать... что еще... что ты хочешь де-
лать?

И он быстро и нетерпеливо выпалил:

— Я хочу завести свою ферму. «Литтл-Мид» пойдет
на продажу. Она в плохом состоянии — Хорли ее запу-
стил, — поэтому ее можно приобрести дешево, а земля
там, заметь, хорошая...

Родни говорил без умолку, строя планы и сыпя спе-
циальными словечками, которые совсем сбили Джоан с
толку, потому что сама она ничего не знала о пшенице,
ячмене, ротации посевов и молочных породах скота.

Она смогла лишь с тревогой произнести:

— «Литтл-Мид» — это же под Эшелдауном — такая
далъ.

— Там хорошая земля, Джоан, и хорошее место...

И он продолжил. Она понятия не имела, что Родни может с таким энтузиазмом, так много и горячо говорить.

С сомнением она спросила:

– Но, дорогой, сможешь ли ты на это жить?

– Жить? О да, по крайней мере, сводить концы с концами.

– Это как раз то, что я и имею в виду. Люди всегда говорят, что на сельском хозяйстве денег не сделаешь.

– Да, не сделаешь. Если только тебе крупно не повезет и у тебя нет большого капитала.

– Но это же неразумно.

– Да нет, Джоан. Помнишь, у меня есть немного своих денег, а когда ферма станет окупаться и приносить небольшие доходы, все у нас будет в порядке. И подумай, как мы заживем! Это же великолепно – жить на ферме!

– Я не верю, что ты хоть что-нибудь об этом знаешь.

– Знаю. Отец моей матери был отличным фермером в Девоншире. Детьми мы проводили там праздники. Это лучшие дни моей жизни.

Правильно говорят, подумала Джоан, что мужчины как дети.

– Осмелюсь сказать, – мягко заметила она, – не сплошные праздники. Нам надо думать о будущем, Родни. У нас Тони.

Тони тогда было одиннадцать месяцев.

– И могут появиться еще дети, – добавила она.

Родни быстро и вопросительно взглянул на нее, а она улыбнулась и кивнула.

— Но неужели ты не понимаешь, Джоан, что там лучше? Ферма для детей — хорошее место. Здоровое. У них будут свежие яйца и молоко, они смогут много гулять и научатся ухаживать за животными.

— Но, Родни, надо учитывать и другое. Школа. Им надо ходить в хорошие школы. А это дорого. Обувь, одежда, зубы, врачи. Обзавестись хорошими друзьями. Почему они должны делать только то, что хочешь делать ты? Надо думать о детях, если производишь их на свет. В конце концов, ты несешь за них ответственность.

Родни проговорил упрямо, на этот раз не настолько уверенно:

— Им будет хорошо...

— Родни, это неразумно в самом деле. Ведь если ты пойдешь работать в фирму, ты когда-нибудь сможешь зарабатывать две тысячи фунтов в год.

— Запросто. Дядя Гарри зарабатывает больше.

— Ну вот! Видишь! Нельзя отказываться от такого. Это сумасшествие!

Джоан говорила очень решительно и безапелляционно, поскольку чувствовала, что здесь надо быть твердой. Она должна проявить мудрость за двоих. Если Родни не видит, что для него лучше, она должна взять на себя всю ответственность. Эта идея с фермой очень мила, глупа и смешна. Родни ведет себя как мальчик. Она же ощущала себя матерью.

– Не думай, что я тебе не сочувствую или чего-нибудь не понимаю, Родни, – сказала она. – Я все понимаю. Но это нечто нереальное.

Он перебил ее и сказал, что его планы вполне реальны.

– Да, но это просто не для тебя. Не для нас. У тебя прекрасный семейный бизнес с первоклассными возможностями – и поистине щедрое предложение от твоего дяди...

– О, я знаю. Это больше, чем я ожидал.

– И ты не вправе, просто не вправе отказаться. Если ты это сделаешь, то будешь жалеть всю жизнь. Ты будешь чувствовать себя ужасно виноватым.

– Эта проклятая контора! – пробормотал Родни.

– О, Родни, ты не настолько ее ненавидишь, как тебе кажется.

– Ненавижу. Я работаю там уже пять лет и знаю, что говорю.

– Ты привыкнешь. И теперь все будет по-другому. Совсем по-другому. И в конце концов, ты увлечешься работой и людьми, с которыми будешь иметь дело. Вот увидишь, Родни, ты будешь по-настоящему счастлив.

Тогда он посмотрел на нее долгим и печальным взглядом. В нем читались и любовь, и отчаяние, и что-то еще такое, что было, возможно, последней слабой вспышкой надежды...

– Откуда ты знаешь, что я буду счастлив? – спросил он.

Она быстро и весело ответила:

— Я в этом уверена. Вот увидишь, — и уверенно кивнула.

— Ну что ж. Пусть будет по-твоему.

Да, подумала Джоан, наша жизнь висела на волоске. Как же повезло Родни, что она проявила твердость и не позволила ему погубить свою карьеру из пустой блахи! Мужчины, думала она, превратили бы все вокруг в груду развалин, если бы не женщины, которым от природы даны уравновешенность, чувство реальности.

Да, Родни повезло, что у него была она.

Джоан взглянула на часы. Половина одиннадцатого. Не было смысла уходить особенно далеко, тем более (она улыбнулась) что идти-то некуда.

Она оглянулась через плечо. Невероятно, но гостиницу было почти не видно, настолько она слилась с окружающим пейзажем. Надо поостеречься и не заходить чрезсчур далеко, решила Джоан. Можно заблудиться.

Нелепая мысль — да нет, может быть, не такая уж и нелепая, в конце концов. Те далекие холмы невозможно отличить от облаков. Станция же просто исчезла.

Джоан с удовольствием осмотрелась. Ничего. Никого.

Она грациозно легла на землю и, открыв сумку, достала из нее блокнот и ручку. Хорошее место, чтобы писать письма. Будет забавно поделиться своими ощущениями.

Кому же написать? Лайонелу Весту? Джанет Аннесмор? Дороти? В общем, пожалуй, Джанет.

Она отвернула колпачок ручки и начала писать легким, размашистым почерком:

«Милейшая Джанет, ты ни за что не догадаешься, где я пишу это письмо! Посреди пустыни. Я попала в перерыв между поездами – они ходят только три раза в неделю.

Здесь есть только гостиница, которую содержит индеец, множество кур, несколько своеобразного вида арабов и я. Не с кем поговорить и нечего делать. Не могу описать тебе, какое удовольствие мне это доставляет.

Воздух в пустыне чудесный – невероятно свежий. А тишина такая, что надо почувствовать, чтобы понять. Как будто впервые за многие годы я слышу собственные мысли. Мы вечно торопимся, хватаемся то за одно, то за другое. Наверное, здесь уже ничем не поможешь, но все-таки надо хоть иногда останавливаться – думать и отдыхать.

Я провела здесь всего полдня, но уже чувствую себя намного лучше. Народу нет. Я никогда не осознавала, как мне хочется побывать вдали от людей. Успокаиваются нервы, когда знаешь, что на сотни миль вокруг тебя нет ничего, кроме песка и солнца...»

Ручка Джоан плавно скользила по бумаге.

Глава 3

Джоан закончила писать и посмотрела на часы.

Четверть первого.

Она написала три письма, и в ручке кончились чернила. От блокнота тоже почти ничего не осталось, и это ее немного раздосадовало. Иначе можно было бы написать еще нескольким знакомым.

Хотя, подумала она, пишешь-то почти одно и то же... Солнце, песок и как приятно отдохнуть и поразмышлять! Все это так, но устаешь оттого, что каждый раз стараешься облечь одни и те же мысли в немножко разные слова.

Джоан зевнула – ее разморило на солнце. После обеда она уляжется на кровать и поспит.

Она встала и медленно побрела обратно, к гостинице.

Интересно, что сейчас делает Бланш? Наверное, уже добралась до Багдада и встретилась с мужем. Это, кажется, не слишком приятный человек. Бедная Бланш – как страшно оказаться в таком положении. Если бы не тот красавец лекарь – Гарри Марстон, если бы она встретила какого-нибудь хорошего человека вроде Родни. Бланш сама сказала, что Родни добрый и понимающий.

Но она говорила и что-то еще. Что-то насчет озабоченного вида. Обычное выражение, но здесь совсем неуместное! Совсем! Родни никогда, ни разу...

Та же мысль, что и раньше, но не столь молниеносно, проскочила в голове Джоан.

Девица Рэндольф...

В конце концов, с негодованием думала Джоан, немного ускоряя шаг, словно хотела уйти от неприятных воспоминаний, с какой стати я привязалась к этой Рэндольф? Не потому же, что Родни...

Я уверена, в этом ничего нет...

Совсем ничего...

Дело просто в том, что Мирна Рэндольф была такой. Крупная, смуглая, смазливая девица, которая, если ей приглянулся мужчина, не стеснялась рассказывать об этом всем и каждому.

Короче говоря, она буквально вешалась на шею Родни. Не переставая твердила, какой он замечательный. Всегда старалась оказаться с ним в паре в теннисе, а на вечеринках не сводила с него глаз.

Естественно, Родни это немного льстило. В самом деле, нелепо, если бы ему не доставляло удовольствие внимание девушки на много лет моложе его, к тому же одной из самых красивых в городе.

Но разве в этой ситуации я не проявила мудрости и такта? – подумала Джоан.

Она оглянулась на свое поведение с легкой гордостью. Да, она держалась очень хорошо – действительно достойно.

– Тебя ждет твоя подружка, Родни. Не заставляй ее ждать... Конечно, Мирна Рэндольф... О да, она такая милашка... Но порой выставляет себя в смешном свете.

– Я не хочу играть в теннис с этой девицей, – ворчал Родни. – Поставь ее в другой сет.

– Ну, Родни, это невежливо. Ты должен с ней сыграть.

Это было верной линией поведения – говорить легко, игриво, ясно давая понять, что тут не может быть ничего серьезного...

И Родни было полезно ворчать и притворяться, что Мирна Рэндольф его раздражает. Перед такой девушкой, пожалуй, редкий мужчина сумел бы устоять. Она была капризна и обращалась со своими поклонниками высокомерно, говоря им грубости, а потом взглядами заманивая их к себе обратно.

Действительно, думала Джоан (с необычным для нее пылом), мерзкая девица. Она делала все, чтобы разрушить мою семейную жизнь.

Нет, Родни не виноват. Мужчины ведь так падки на лесть. А Родни к тому времени был женат уже сколько – десять лет?

Или одиннадцать? Десять лет – это такой срок, который писатели называют критическим в семейной жизни. В этот момент одного из супругов может потянуть на сторону, но, если его пережить, все уляжется и встанет на свои места.

Они с Родни пережили...

Нет, она не винила Родни – даже за тот поцелуй, свидетельницей которого невольно стала.

Поцелуй под омелой!

Вот что эта девица имела наглость сказать, когда Джоан вошла в кабинет.

— Мы крестили омелу, госпожа Скюдамор. Надеюсь, вы не возражаете.

Да, подумала Джоан, но я не потеряла голову и постаралась обратить все в шутку.

— А ну-ка отпусти моего мужа, Мирна! Пойди и поищи себе молодого человека. — И она со смехом выпроводила Мирну из комнаты.

Тогда Родни сказал:

— Извини, Джоан. Она — симпатичная девочка, а сейчас Рождество.

Он стоял и смотрел на Джоан с виноватой улыбкой, но в его взгляде не замечалось ни особого смущения, ни испуга. Это говорило о том, что далеко дело не зашло.

И не должно было заходить дальше! Это Джоан решила твердо. И сделала все, чтобы Родни не попадался Мирне на глаза. А на Пасху Мирна обручились с сыном Арлингтонов.

Так что в действительности этот случай не значил ровно ничего. Для Родни, возможно, он стал небольшим развлечением. Бедняга Родни — он на самом деле заслужил это маленькоe удовольствие. Ведь он так упорно работал.

Десять лет — да, это опасное время. Джоан припомнила, что и сама испытала некоторое беспокойство...

Тот странного вида молодой человек, художник — как же его звали? По правде говоря, Джоан забыла его имя. Разве она не увлеклась им немного?

С улыбкой она признавалась себе, что да, он вскружил ей голову. Он был таким серьезным — смотрел на нее

с таким обезоруживающим вниманием. Потом спросил, не согласится ли она ему попозировать.

Конечно, это был только предлог. Он сделал пару набросков углем и потом разорвал их. Сказал, что не может ее «увидеть».

Джоан помнила, что в глубине души была польщена. Бедный мальчик, думала она, боюсь, он действительно в меня влюбился...

Да, это был приятный месяц...

Хотя закончился он довольно разочаровывающе. Совсем не в соответствии с планом. На самом деле Майкл Коллавэй (да, конечно же, так его звали) оказался не слишком порядочным человеком.

Джоан вспомнила, как они вместе отправились на прогулку в Хэйлинг-Вудс и шли по тропинке, там, где Медавэй, извиваясь, спускается с вершины Эшелдауна. Майкл попросил ее пойти с ним резковатым, но довольно робким голосом.

Она предполагала, о чем пойдет разговор. Наверное, он скажет, что любит ее, а она будет очень ласковой, нежной и выразит небольшое – совсем небольшое – сожаление. Джоан сочинила несколько прекрасных слов, которые она могла бы сказать, слов, которые Майкл вспомнил бы впоследствии.

Но все вышло не так.

Все вышло совсем не так!

Вместо этого Майкл Коллавэй схватил ее и насилино поцеловал так грубо, что у нее перехватило дыхание, а потом, разжав руки, громко и самодовольно воскликнул:

– Боже мой, вот чего я хотел! – и стал набивать трубку, не слушая ее сердитых упреков.

Потянувшись и позевывая, он лишь сказал:

– Теперь лучше.

Вспоминая эту сцену, Джоан подумала, что точно так может сказать мужчина, пропустив в жаркий день кружку пива.

После этого они молча пошли домой – то есть молчала Джоан. Судя по тем непонятным звукам, которые издавал Майкл Коллавэй, он пытался что-то напевать. Уже на краю леса, перед тем как они вышли на шоссе, он остановился, бесстрастно оглядел Джоан и задумчиво заметил:

– Знаете, вы из тех женщин, которых следовало бы изнасиловать. Может, это пошло бы вам на пользу. – И пока она стояла, онемев от гнева и удивления, бодро добавил: – Я бы сам хотел вас изнасиловать – и посмотреть, изменитесь ли вы хоть на сколько-нибудь после этого.

Потом он вышел на шоссе и, оставив попытки петь, начал весело насвистывать.

Естественно, что после этого Джоан с ним больше не разговаривала, а через несколько дней он уехал из Крейминстера.

Странный, нелепый и неприятный случай. Не тот, который Джоан хотелось бы вспоминать. Удивительно, что она до сих пор о нем не забыла...

Ужасно все это было, ужасно.

Это надо сразу выбросить из головы. В конце концов, зачем вспоминать о неприятном, когда нежиешься на

песке под солнцем? Можно ведь подумать о многом другом, что доставляет удовольствие.

Наверное, обед уже готов. Джоан посмотрела на часы, но было еще только четверть первого.

Вернувшись в гостиницу, она направилась в свой номер и поискала в чемодане, нет ли у нее еще бумаги для писем. Не было. Ну что ж, неважно. Ей надоело писать письма. Больше особенно не о чем рассказать. Нельзя же писать об одном и том же. Какие у нее есть книги? Конечно же, леди Кэтрин. И детектив, который ей дал Уильям. Очень любезно с его стороны, но ей не очень нравились детективы. Еще «Дом власти» Бьюкэна. Конечно, это очень старая книга. Она читала ее много лет назад.

Ну ладно, можно будет купить что-нибудь еще почтить на вокзале в Алеппо.

Обед состоял из омлета (довольно жесткого и пережаренного), яиц с карри, лосося (консервированного), печеных бобов и консервированных персиков.

После такой плотной еды Джоан прилегла. Она пропала три четверти часа, потом просто валялась и читала леди Кэтрин Дайзарт. Затем выпила чаю (со сгущенным молоком и печеньем), пошла прогуляться, вернулась и закончила книгу леди Кэтрин. Потом был ужин из лосося с карри и риса, яиц, печеных бобов и консервированных абрикосов. После этого она принялась за детектив, и когда дочитала его, пора было идти спать.

— Спокойной ночи, госпожа, — бодро заявил индиец.
— Поезд завтра придет в полвосьмого утра, но уйдет только вечером, в половине девятого.

Джоан кивнула.

Впереди еще целый день. Хорошо, что у нее есть «Дом власти». Жаль, что он такой короткий. Потом ей в голову пришла новая мысль:

– Завтра же на поезде приедут пассажиры. Они поедут прямо в Мосул?

Индиец покачал головой:

– Я думаю, не завтра. Завтра машины не приедут. Дорога на Мосул очень плохая. На многие дни все застрянут.

Джоан просияла. Завтра с поездом в гостиницу прибудут пассажиры. Замечательно – будет с кем поговорить.

Она пошла спать с лучшим настроением, чем было у нее десять минут назад. В здешней атмосфере есть что-то давящее, подумала она, наверное, этот ужасный запах прогорклого жира. Он невыносим.

В восемь часов на следующее утро Джоан проснулась, встала и оделась. Пошла в столовую. Стол был накрыт на одного. Она позвала индийца, и тот появился.

Он казался возбужденным.

– Поезд не приехал, госпожа.

– Не приехал? Вы имеете в виду, опаздывает?

– Вообще не приехал. На пути очень сильные дожди – с другой стороны Ниссибина. Вся железная дорога размыта – поездов, наверное, не будет три, а то и шесть дней.

– Ну и что же мне теперь делать? – Джоан с тревогой посмотрела на него.

— Оставайтесь здесь, госпожа. Много еды, пива, чая. Все очень хорошо. Ждите, пока придет поезд.

О боже, подумала Джоан, эти восточные люди. Время для них ничего не значит.

— А нельзя взять машину? — спросила она.

Он, кажется, удивился:

— Машину? Где вы ее возьмете? Дорога на Мосул очень плохая, все застрияли по другую сторону.

— А вы можете позвонить на соседнюю станцию?

— Позвонить? Это турецкая дорога. Турки — люди трудные, они ничего не делают. Они только гоняют поезда.

Вот уж действительно отдых вдали от всякой цивилизации, сказала себе Джоан, пытаясь найти в этой ситуации хотя бы нечто забавное. Ни телефона, ни телеграфа, ни машин.

Индиец сказал утешительно:

— Очень хорошая погода, много еды, все очень удобно.

Ну, согласилась Джоан, погода действительно хорошая. Хоть с этим повезло. Было бы ужасно целыми днями сидеть в четырех стенах.

— Погода здесь хорошая, дождь бывает редко, — словно прочитав ее мысли, добавил хозяин гостиницы. — Дожди идут ближе к Мосулу, вниз по дороге.

Джоан села на приготовленное место за столиком и подождала, пока принесут завтрак.

Тревога ее улеглась. Незачем волноваться – у нее хватало здравого смысла осознать это. В подобных случаях помочь ничем нельзя. Жаль только терять время.

С легкой улыбкой она подумала: «Бойтесь собственных желаний – они иногда исполняются. Я сказала Бланш, что буду рада передышке. Ну и вот я ее получила! Здесь совсем нечего делать. Даже нечего читать. Действительно, это пойдет мне на пользу. Отдых в пустыне».

Мысль о Бланш вызывала неприятные ассоциации – что-то такое, чего она явно не хотела помнить. Правда, зачем вообще думать о Бланш?

После завтрака Джоан отправилась погулять. Как и в прошлый раз, она отошла немного от гостиницы, села на землю и какое-то время сидела почти неподвижно, полуприкрыв глаза.

Чудесно, думала она, чувствовать, как в тебя вливается умиротворение и покой. Она почти физически ощущала, какую пользу это ей приносит. Целебный воздух, замечательное теплое солнце – все это действовало расслабляющее.

Она еще немного так посидела. Потом взглянула на часы. Было десять минут одиннадцатого.

Утро проходит довольно быстро.

А что, если написать несколько строк Барбаре? Право удивительно, что она не подумала написать Барбаре еще вчера вместо всех этих глупых писем друзьям в Англии.

Джоан достала блокнот и ручку.

«Моя любимая Барбара, – написала она. – У меня получилось не очень удачное путешествие. В понедельник я опоздала на вечерний поезд и теперь, видимо, застряла на несколько дней. Здесь очень спокойно, светит солнце, и я вполне довольна».

Она остановилась. О чём еще написать? Что-нибудь о ребенке или об Уильяме? Что могла иметь в виду Бланш, когда сказала: «Не беспокойся о Барбаре»? Конечно! Вот почему Джоан не хотела думать о Бланш. Бланш так странно говорила о Барбаре.

Как будто она, мать Барбары, не знала все, что надо знать о своем собственном ребенке.

«Я уверена, теперь у нее все будет в порядке».

Что, она подразумевала, что раньше что-то было не в порядке?

Но что именно? Бланш намекнула, что Барбара слишком рано вышла замуж. Джоан передернуло. Тогда, вспомнила она, и Родни говорил что-то в этом духе. Совершенно неожиданно и с необычной для него безапелляционностью он сказал:

– Я не рад этому замужеству, Джоан.

– О, Родни, но почему? Он такой славный, и они, кажется, хорошо подходят друг другу.

– Он симпатичный молодой человек, но она не любит его, Джоан.

Джоан была поражена – абсолютно поражена.

– Родни, это просто нелепо! Конечно же, она любит его. Иначе с какой стати ей выходить за него замуж?

Он ответил довольно непонятно:

– Вот этого-то я и боюсь.

– Но, дорогой, на самом деле – разве это не глупо?

Не обращая внимания на ее наигранно легкий тон, он продолжал:

– Если она его не любит, ей не стоит выходить за него замуж. Она для этого слишком молода и слишком темпераментна.

– Но, Родни, тебе ли судить о темпераменте?

Она не могла не удивляться.

Но Родни даже не улыбнулся.

– Девушки иногда выходят замуж только для того, чтобы уйти из дома.

При этих словах Джоан просто рассмеялась:

– Не из такого дома, как у Барбары! Едва ли найдется девушка более счастливая в этом смысле.

– Ты на самом деле так думаешь, Джоан?

– Разумеется. Здесь всегда для детей был рай.

– Но они, кажется, не слишком часто приводят в дом своих друзей, – медленно проговорил Родни.

– Почему, дорогой? Я постоянно устраиваю вечеринки и приглашаю на них молодежь! Мне это кажется важным. Это сама Барбара всегда говорила, что не хочет вечеринок, и не желала никого приглашать.

Родни озадаченно и печально покачал головой.

А позднее в тот вечер Джоан вошла в комнату как раз в тот момент, когда Барбара возбужденно кричала:

— Нет, папа, я должна уехать! Я не могу больше этого выносить и не говори мне, чтобы я пошла куда-нибудь работать, мне даже думать об этом противно.

— В чем дело? — спросила Джоан.

Помолчав немного, совсем немного, Барбара объяснила причину своей вспышки:

— Просто папа считает, что он все знает лучше всех! Он хочет, чтобы я обручились с Уильямом и подождала несколько лет. Я сказала ему, что не могу ждать, а хочу выйти замуж и уехать в Багдад. Там все будет прекрасно.

— О, дорогая, — тревожно сказала Джоан. — Мне бы не хотелось, чтобы ты жила так далеко, где я не смогу приглядывать за тобой.

— Но, мама!

— Я знаю, милая, но ты так молода и неопытна. Я смогла бы тебе помочь, если б ты жила где-нибудь поблизости.

Барбара улыбнулась и сказала:

— Ну, значит, мне придется вести свою семейную ладью, не пользуясь преимуществами твоего опыта и мудрости.

Но когда Родни медленно направился к дверям, она вдруг бросилась к нему, обхватила за шею, крепко обняла и забормотала:

— Папочка, милый. Милый, милый, милый...

Да, подумала Джоан, девочка становится очень экспансивной. Но по крайней мере, все это доказывает, что Родни совершенно не прав. Барбара радовалась при мысли уехать на Восток со своим Уильямом — и было очень

приятно видеть двух влюбленных молодых людей, строящих планы на будущее.

Странно, что по Багдаду ходят слухи о том, что Барбара была несчастлива дома. Но это такой город, где единственный способ избежать пересудов – вообще ни о чем не говорить.

Например, майор Рид.

Сама Джоан никогда не видела майора Рида, но Барбара довольно часто упоминала его в письмах домой. Майор Рид был на обеде. Они ходили на охоту с майором Ридом. На летние месяцы Барбара уезжала в Аркандос. Она и еще одна молодая замужняя женщина вместе жили на даче, там оказался и майор Рид. Они много играли в теннис. А потом Барбара и он победили в клубном турнире.

Поэтому Джоан сочла вполне естественным спросить о майоре Риде – она о нем так много слышала, сказала она, что ей не терпится его увидеть.

Удивительно, что ее вопрос вызвал замешательство. Барбара побледнела, Уильям покраснел, а через минуту странным голосом пробормотал:

– Мы с ним больше не видимся.

Его тон был настолько недружелюбным, что Джоан не стала больше ничего спрашивать. Но потом, когда Барбара ушла спать, она снова завела разговор на эту тему, с улыбкой заметив, что, похоже, допустила бес tactность. Но ей казалось, что майор Рид – их близкий друг.

Уильям встал и выбил трубку о камин.

— Ну, я не знаю, — неопределенно ответил он. — Мы пару раз охотились вместе, вот и все. Но мы уже давно с ним не виделись.

Неубедительно, подумала Джоан и про себя улыбнулась — мужчин всегда можно видеть насквозь. Ее немного позабавила старомодная скрытность Уильяма. Он, вероятно, считает ее чопорной ханжой — обычной тещей.

— Понимаю, — сказала она. — Какой-то скандал.

— Что вы имеете в виду? — Уильям сердито повернулся к ней.

— Мой дорогой мальчик! — улыбнулась ему Джоан. — Это видно из твоего поведения. Я полагаю, что вы о нем что-то узнали, из-за чего вам пришлось отказать ему от дома. О, не буду углубляться. Я знаю, такие вещи очень болезненны.

— Да, да, вы правы, — выдавил Уильям. — Это правда больно.

— Люди часто пытаются казаться лучше, чем они есть на самом деле, — заметила Джоан. — А когда обнаруживаешь, что в ком-то ошибся, всегда бывает очень не приятно.

— Одно хорошо, его больше здесь нет, — сказал Уильям. — Он уехал в Восточную Африку.

И вдруг Джоан припомнила обрывки разговора, случайно услышанного в клубе «Алвай». Что-то о Нобби Риде, который едет в Уганду.

Одна из женщин сказала:

— Бедняжка Нобби, он совсем не виноват в том, что каждая здешняя маленькая идиотка бегает за ним.

Другая, постарше, язвительно усмехнулась и добавила:

— Он наживает с ними массу неприятностей. Свеженькие и невинные — это по его части. Неопытные невесты. И надо сказать, у него отличные методы. Он может быть невероятно привлекательным. Девушка всегда думает, что он в нее страстно влюблен. И обычно это происходит как раз в тот момент, когда он прикидывает, не заняться ли другой.

— Да, — вздохнула первая женщина. — Всем нам будет его недоставать. Он такой забавный.

Ее собеседница засмеялась:

— А вот мужчины не будут слишком сожалеть о его отъезде! Мало кому из них он нравился.

— Да, для Нобби здесь запахло жареным.

— Т-с-с, — бросила вдруг вторая женщина и понизила голос, так что Джоан больше ничего не услышала. В то время она не обратила внимания на этот разговор, но сейчас он всплыл в памяти, и ей стало любопытно.

Если Уильям не хочет об этом говорить, то, может быть, Барбара будет менее скрытной.

Но Барбара сказала совершенно ясно и довольно грубо:

— Я не желаю слышать о нем, мама, понятно?

Барбара, размышляла Джоан, не хотела ничего рассказывать. Она держалась замкнуто и вставала на дыбы при любой попытке заговорить о ее болезни. Все началось с пищевого отравления, как естественно решила Джоан. В странах с жарким климатом это часто случается. Но и Уильям, и Барбара не хотели вдаваться в по-

дробности, и даже доктор, к которому она, объяснив конечно же, что она мать пациентки, обратилась за информацией, ограничился неопределенными общими фразами. Практически все его речи сводились к тому, что миссис Рэй нельзя расспрашивать или заставлять рассказывать о своей болезни.

— Сейчас ей необходимы только уход и отдых. Почему и отчего — очень неблагодарные темы для обсуждения, и подобные разговоры не принесут больной никакой пользы. Это единственное, что я могу вам сказать, госпожа Скюдамор.

Невежка и сухарь, подумала о докторе Джоан, но его не тронула даже преданность матери, приехавшей в спешке из Англии.

Ну, во всяком случае, Барбара была благодарна. По крайней мере, Джоан так показалось... Она очень тепло поблагодарила мать. Уильям тоже сказал, что с ее стороны это очень любезно.

Джоан посетовала, что хотела бы остаться подольше, и Уильям заверил ее, что ему тоже хотелось бы этого. Но, вздохнула она, не надо ее уговаривать, потому что как ни заманчиво провести зиму в Багдаде, но в конце концов надо подумать и об отце Барбары — по отношению к нему это было бы несправедливо.

А Барбара тихо проворковала:

— Милый папочка, — и, замолчав на секунду, добавила: — Слушай, мама, почему бы тебе не остаться?

— Ты должна подумать о своем отце, дорогая.

Барбара заметила сухо, как она иногда говорила, что думает о нем, но Джоан ответила: нет, она не может оставлять бедняжку Родни на попечение прислуги.

За несколько дней до отъезда она чуть не передумала. Можно было остаться еще хотя бы на месяц. Но Уильям настолько убедительно рассказывал о непредвиденных ситуациях, которые возникают в пустыне, если ехать слишком поздно, что Джоан встревожилась и решила придерживаться первоначального плана. После этого Уильям и Барбара были настолько добры к ней, что она опять чуть не передумала, но все же удержалась.

Хотя на самом деле, задержись Джоан, хуже от этого не было бы.

Джоан опять взглянула на часы. Без пяти одиннадцать. Оказывается, за короткое время можно подумать об очень многом.

Она пожалела, что не взяла с собой «Дом власти», хотя это у нее последняя книга и лучше бы придержать ее про запас.

Еще надо убить два часа до обеда. Она сказала, что сегодня будет обедать в час. Можно еще немножко пройтись, но довольно глупо просто бесцельно идти никуда. Да и солнце стало припекать.

О, как часто ей хотелось уделить хотя бы немного времени себе, что-то обдумать. Теперь такая возможность представилась. Какие же вопросы она хотела решать?

Джоан порылась в памяти, но все проблемы казались какими-то мелкими: куда она положила то-то и то-

то, как распланировать летние отпуска слуг, каким образом переоборудовать старую классную комнату.

Все это было сейчас неважно. В ноябре планировать отпуска слуг еще рано, а кроме того, надо знать, на какой день приходится Троица, а для этого нужен календарь на будущий год. Можно решить вопрос о классной комнате. Светло-бежевые стены, чехлы цвета овсянки и какие-нибудь красивые и яркие подушки. Да, это было бы очень неплохо.

Десять минут двенадцатого. На классную комнату ушло немного времени!

Джоан посетовала, что, зная она, можно было бы взять с собой какую-нибудь интересную научно-популярную книгу, где объясняется, например, квантовая теория.

Потом она удивилась, почему ей в голову пришла именно квантовая теория, и сама себе ответила: конечно же, чехлы – и госпожа Шерстон.

Джоан вспомнила, как однажды обсуждала расцветки ситца и кретона для чехлов в гостиной с женой управляющего банком госпожой Шерстон и в самый разгар этой беседы госпожа Шерстон, как всегда ни с того ни с сего, заявила:

– Как бы я хотела быть настолько умной, чтобы понимать квантовую теорию. Это такая захватывающая идея – вся энергия разбита на маленькие порции...

Джоан уставилась на нее, потому что решительно не могла понять, какое отношение научные теории имеют к ситцу, а госпожа Шерстон покраснела и сказала:

— Глупо с моей стороны, но вы ведь знаете, как неожиданно приходят мысли в голову, а это увлекательная тема, ведь правда?

Джоан не считала эту тему особо увлекательной, и на том разговор закончился. Но она хорошо помнила кретон у самой госпожи Шерстон — или скорее раскрашенные вручную льняные чехлы. На них был рисунок листвьев, выполненный в коричневых, серых и красных тонах. Джоан тогда сказала: «Они такие необычные, наверное, очень дорогие?» И госпожа Шерстон ответила, что дорогие. И добавила, что купила их потому, что любила леса и деревья, а мечтой ее жизни было поехать куда-нибудь в Бирму или Малайю, где все растет очень быстро! По-настоящему быстро, добавила она с горячностью и неловко всплеснула руками, выражая нетерпение.

Эти льняные чехлы, рассуждала теперь Джоан, должны были стоить по меньшей мере восемнадцать шиллингов за ярд — цена по тем временам баснословная. Прикинув, сколько выдавал капитан Шерстон своей жене на ведение домашнего хозяйства и на мебель, не так уж трудно было догадаться, что за этим стоит.

Самой ей никогда не нравился этот человек. Джоан вспомнила, как однажды сидела в банковском офисе, обсуждая реинвестицию каких-то акций, а напротив нее за столом восседал Шерстон — очень крупный и веселый мужчина, лучившийся дружелюбием. Этакий рубаха-парень... Он, кажется, говорил: «Я — человек светский, дорогая леди. Не думайте обо мне просто как о денежной машине — я играю в теннис, в гольф, танцую, режусь в бридж. Настоящий я — это кавалер, которого вы встретите на вечеринке, а не официальное лицо, заявляющее: „Больше никаких задолженностей“».

Надутый болтун, с негодованием думала Джоан. Мошенник, бессовестный мошенник. Наверняка он уже тогда подделывал банковские документы и занимался другими надувательствами. Но тем не менее он многим нравился, многие говорили, что старина Шерстон славный человек, совсем не похож на управляющего банком.

Что ж, и то верно. Обычно управляющий банком не подделывает бумаг и не ворует.

Ладно, зато Лесли Шерстон купила свои чехлы ручной работы. Конечно, никому и в голову не приходило, что это жена заставила Шерстона пойти на подлоги. Стоило лишь взглянуть на Лесли Шерстон, чтобы понять, что деньги для нее ничего не значат. Она носила потрепанные твидовые вещи, копалась у себя в саду или бродила по округе. И дети их были одеты кое-как. Джоан вспомнила, как однажды, уже значительно позже, Лесли Шерстон устроила чаепитие и подала большой каравай, кусок масла и домашний джем, все это – вместе с чашками и чайниками – она водрузила на большой поднос. Неопрятная, веселая и беспечная женщина с неуклюжей, кособокой походкой и лицом, которое тожеказалось кособоким, но улыбалась она приятно и людям нравилась.

Что ж, бедная госпожа Шерстон. У нее была печальная, очень печальная жизнь.

Джоан беспокойно поерзала. Зачем только ей пришли в голову эти слова о печальной жизни? Они напомнили ей о Бланш Хэггард (хотя у той была печальная жизнь совсем иного рода!), а мысль о Бланш опять вернула ее к Барбаре и к обстоятельствам ее болезни. Неуже-

ли нельзя ни о чем подумать, не уколовшись в конце концов о какую-нибудь неприятную подробность?

Джоан еще раз взглянула на часы. По крайней мере, воспоминания о раскрашенных чехлах и бедной госпоже Шерстон заняли почти полчаса. О чем же теперь поразмышлять еще? О чем-нибудь приятном.

Наверное, лучше всего подумать о Родни. Милый Родни. Джоан с удовольствием представила его себе таким, каким в последний раз видела на платформе вокзала Виктория, когда он провожал ее на поезд.

Да, милый Родни. Он стоял, смотрел на нее, а солнце падало на его лицо, безжалостно вычерчивая сеть морщинок в уголках его глаз – таких усталых глаз. Да, усталые глаза, глаза, полные глубокой печали. (Не потому, сказала себе Джоан, что Родни действительно печен. Это просто шутка природы. У некоторых животных тоже печальные глаза.) Обычно Родни носил очки, и тогда печаль в его глазах была незаметна. Но конечно же, он выглядел очень усталым. Неудивительно, если учесть, как он напряженно работал. Он почти никогда не брал выходных. (Всему этому я положу конец, когда вернусь, подумала Джоан. У него должно быть больше времени для отдыха. Мне следовало подумать раньше.)

Да, на ярком свету Родни выглядел на свои годы или даже старше. Она сверху посмотрела на него, а он на нее снизу, и они, как обычно в таких случаях, обменялись последними идиотскими словами.

– Надеюсь, тебе не придется проходить таможню в Кале.

– Нет, кажется, поезда идут прямо на Симплон.

– Бриндизи, запомни. Только бы не было штормов.

– Как бы мне хотелось остановиться на денек-другой в Каире.

– А почему нет?

– Дорогой, я тороплюсь к Барбаре. Самолет летает только раз в неделю.

– Да, конечно, я забыл.

Просвистел свисток. Родни улыбнулся:

– Будь осторожна, малышка Джоан.

– До свидания. Не скучай по мне слишком сильно.

Поезд тронулся. Джоан отступила от окна. Родни помахал и зашагал прочь. Сама не зная зачем, Джоан высунулась в окно и бросила на него взгляд. Родни уже спускался с платформы.

Что-то кольнуло ее при виде этой хорошо знакомой спины. Как молодо он вдруг стал выглядеть – голова откинута назад, плечи расправлены. Джоан изумилась. Родни походил на молодого беззаботного человека, он был почти таким, каким она впервые его встретила.

Ее представили ему на теннисном турнире, и они сразу же вышли на корт.

Он спросил: «Мне играть у сетки?»

И именно в тот момент, когда он шел к своему месту у сетки, она посмотрела ему вслед и подумала о том, какая у него красивая спина... как уверенно он шел, как держал голову...

Джоан вдруг раз волновалась, сделала подряд две ошибки при подачах, ей стало жарко и расхотелось играть.

И тогда Родни обернулся к ней и ободряюще улыбнулся – своей доброй, дружеской улыбкой. И она подумала, что это очень красивый молодой человек... и сразу же в него влюбилась.

Теперь, выглядывая из окна вагона, Джоан мысленно вернулась в тот летний день, который был так много лет назад.

Родни словно стряхнул с себя все эти годы, став снова энергичным, уверенным в себе молодым человеком.

Словно стряхнул с себя...

В пустыне, под жарким солнцем Джоан вдруг прорвала дрожь.

Нет-нет, сказала себе она, я не хочу продолжать – не хочу думать об этом.

Спускающийся с платформы Родни – его свесившаяся чуть набок голова, сутулые плечи – где все это? Все ушло. Человек словно избавился от невыносимого бремени...

В самом деле, что с ней такое? Она напридумывала себе непонятно чего. Это все было просто обманом зрения.

Почему Родни не подождал, пока поезд уйдет?

Ну а зачем ему ждать? Он спешил заняться делами, которые у него были в Лондоне. Кроме того, некоторые

не любят смотреть на поезда, которые увозят тех, кого они любят.

Но она же ясно помнит, как выглядела спина Родни!

Она напридумывала себе...

Стоп, от этого не станет лучше. Если придумываешь подобные вещи, значит, такая мысль сидит у тебя в голове.

Но это не может быть так: то, к чему она пришла, — чистая нелепость.

Получается, что Родни был рад, что она уезжает...

А это просто не могло быть правдой!

Глава 4

Джоан вернулась в гостиницу, явно перегревшись. Она бессознательно ускоряла шаг, словно для того, чтобы убежать от неприятных мыслей.

Индиец с любопытством посмотрел на нее:

— Госпожа ходит очень быстро. Зачем ходить быстро? Времени много.

Боже мой, подумала Джоан, действительно, у меня же полно времени.

Индиец, гостиница, куры, консервные банки, проволока — все это определенно действовало ей на нервы.

Она прошла к себе в спальню и отыскала «Дом власти».

Во всяком случае, здесь прохладно и темно.

Она открыла «Дом власти» и начала читать.

До обеда Джоан прочла почти половину.

На обед был омлет с печеной фасолью, потом горячий лосось с рисом и консервированные абрикосы.

Джоан съела не очень много. Потом легла. Если она перегрелась, когда слишком быстро шла по жаре, спать будет полезно.

Джоан закрыла глаза, но сон не шел.

Сна не было ни в одном глазу, голова работала совершенно четко.

Она встала, приняла три таблетки аспирина и снова легла.

И каждый раз, закрывая глаза, она видела удаляющуюся спину Родни. Невыносимо!

Она раздвинула занавески, чтобы стало светлее, и взяла «Дом власти». Когда до конца оставалось несколько страниц, Джоан заснула.

Ей снилось, что они с Родни собираются сыграть в теннис. Они никак не могли найти мячи, но наконец вышли на корт. Джоан стала подавать и тут увидела, что играет против Родни и девицы Рэндолльф. При подачах она все время ошибалась. Родни мне поможет, подумала она, но когда стала искать его глазами, не могла найти. Все ушли, и начало темнеть. Я совсем одна, подумала Джоан. Я совсем одна.

С этим она и проснулась.

— Я совсем одна, — громко сказала она.

Но сон не уходил. Слова, которые она только что произнесла, были страшными.

— Я совсем одна, — повторила Джоан.

В дверь просунулась голова индийца.

— Госпожа звала?

— Да, — ответила Джоан. — Принесите мне чаю.

— Госпожа хочет чаю? Еще только три часа.

— Ничего, я хочу чаю.

Она слышала, как, уходя, он выкрикнул:

— Чай, чай!

Джоан встала, подошла к засиженному мухами зеркалу. Созерцание глядевшего на нее оттуда приятного, правильного лица немногого ее успокоило.

— Интересно, — спросила Джоан свое отражение, — ты что, собираешься заболеть? Ведешь себя очень странно.

Или это тепловой удар?

Когда принесли чай, Джоан чувствовала себя уже вполне正常ально. Право же, просто смешно. У нее, Джоан Скюдамор, случился нервный срыв! Хотя, скорее всего, это солнечный удар. Не стоит выходить до тех пор, пока солнце не сядет.

Джоан съела несколько печений и выпила две чашки чаю. Потом она дочитала «Дом власти», а закрыв книгу, ощущала чуть ли не страх.

Теперь мне читать уже нечего, подумала она.

Нечего читать, нечего писать, никакого шитья с собой. Совсем нечего делать, кроме как ждать этот сомнительный поезд, который может не прийти еще несколько дней.

Когда вошел индиец, чтобы убрать чайную посуду, она спросила:

— А что вы здесь делаете?

Вопрос, похоже, его удивил.

— Я обслуживаю пассажиров, госпожа.

— Я знаю. — Джоан постаралась не дать выход своему раздражению. — Но это же не занимает все ваше время.

— Я подаю им завтрак, обед, чай.

— Нет-нет, я не это имею в виду. У вас есть помощники?

— Мальчик-араб — очень глупый, очень ленивый, очень грязный. Я все делаю сам, не доверяю мальчику. Он приносит воду для мытья, выливает воду из-под грязной посуды, помогает готовить.

— Тогда, значит, вас трое — вы, повар и мальчик? У вас, должно быть, остается много времени от работы. Вы читаете?

— Читаю? Что читаю?

— Книги.

— Нет.

— Что же вы делаете, когда не работаете?

— Я жду, когда придет время, чтобы работать еще.

Бесполезно, подумала Джоан. С ними невозможно говорить. Они не понимают, о чем идет речь. Вот этот человек, он живет здесь всегда, месяц за месяцем. Время от времени, я полагаю, он берет выходной, едет в город, напивается и видится с друзьями. Но целыми неделями он здесь. Конечно, у него есть повар и мальчик... Мальчик, когда не работает, лежит на солнце и спит. Для него все просто. Мне от них никакого толку. По-английски этот человек знает только, как называется еда и напитки и «прекрасная погода».

Индиец вышел. Джоан беспокойно ходила по комнате.

Не глупи, говорила она себе. Надо составить какой-то план размышлений. Нельзя же позволить себе, ну... опуститься.

Вся беда в том, размышляла она, что моя жизнь всегда была такой наполненной и интересной. И когда в твоей жизни все налажено, ничего удивительного, если ты

малость растеряешься перед пустой бесполезностью ничего неделания. Чем выше по уровню женщина, тем для нее это труднее.

Конечно, даже дома были люди, которые часто часами сидели и ничего не делали. Надо полагать, их вполне устраивала такая жизнь.

Даже миссис Шерстон, обычно пышущая энергией и вечно чем-то занятая, порой сидела и ничего не делала. Чаще всего это было во время прогулок. Она бежала куда-то бодрым шагом, а потом вдруг садилась на бревно или в заросли вереска и сидела, просто глядя в пространство.

Совсем как в тот день, когда она, Джоан, подумала, что это девица Рэндолльф...

Джоан слегка покраснела, припомнив собственное поведение.

Конечно, она тогда шпионила и до сих пор немного этого стыдилась. По сути, такие вещи не в ее характере.

Однако с девушкой вроде Мирны Рэндолльф...

Настолько безнравственной...

Джоан попыталась вспомнить, как это все было.

Она относила цветы старушке – миссис Гарнетт – и только вышла из дома, как услышала с дороги за оградой голос Родни. Родни разговаривал с какой-то женщиной.

Джоан быстро попрощалась с миссис Гарнетт и вышла на дорогу. Она заметила Родни и, как она была уверена, девицу Рэндолльф, свернувших на тропинку, ведущую к Эшелдауну.

Нет, у нее не было повода гордиться тем, что она тогда сделала. Но тогда она чувствовала одно — что должна все знать. И Родни здесь ни при чем — ведь всем известно, что представляет собой Мирна Рэндольф.

Джоан отправилась по тропинке, ведущей через Хэйлинг-Вудс к подножию Эшелдауна. Там она их сразу увидела — они сидели неподвижно и смотрели на блеклую, озаренную солнцем пустошь внизу.

Какое же облегчение испытала Джоан, когда увидела, что это вовсе не Мирна Рэндольф, а миссис Шерстон! И между ней и Родни было по крайней мере четыре фута. Даже друзья так не сидят. Но Лесли Шерстон со всеми держалась на расстоянии — по крайней мере, внешне. И уж конечно, видеть в ней сирену просто нелепо. Нет, она наверняка отправилась на свою очередную прогулку, а Родни, встретив ее, по доброте душевной решил составить ей компанию.

Сейчас, взобравшись на гребень Эшелдауна, они отдыхали и любовались видом, прежде чем отправиться назад.

Странно, конечно, что ни он, ни она не двигались и ничего не говорили. Это не слишком вежливо. Впрочем, возможно, они полагали, что знают друг друга достаточно хорошо, чтобы не утруждать себя болтовней.

К тому времени Скюдаморы узнали Лесли Шерстон намного лучше. Махинации Шерстона открылись, и это взбудоражило весь Крейминстер, а сам Шерстон тогда уже отбывал срок в тюрьме. Родни защищал его на суде и многое делал для Лесли, которая осталась с двумя маленькими детьми и без денег. Все поначалу очень сочувствовали миссис Шерстон, а если потом перестали, то ис-

ключительно по ее же вине. Ее веселость кое-кого шокировала.

— Мне она кажется довольно бесчувственной, — сказала как-то Джоан Родни.

Тот резко ответил, что такого мужественного человека, как Лесли Шерстон, он еще не встречал.

— О да, в мужестве ей не откажешь, — согласилась Джоан. — Но мужество — это еще не все!

— Не все? — переспросил Родни. Он сказал это как-то странно и ушел к себе в кабинет.

В мужестве Лесли Шерстон, конечно, не откажешь. Ей, женщине без профессии, приходилось теперь содержать себя и двоих детей, и она с этим справилась.

Лесли устроилась на ферму, где выращивали овощи на продажу, и работала там, пока сама хорошо не овладела этим делом. Шерстон, выйдя из тюрьмы, нашел себе место в ее новой жизни. Он гонял грузовик в соседний городок, дети тоже помогали, и Шерстонам удавалось неплохо на этом зарабатывать. Лесли работала день и ночь, и это тем более похвально, что, должно быть, к тому времени она уже сильно страдала от болезни, которая в конце концов свела ее в могилу.

Ну что ж, думала Джоан, видимо, она любила этого человека. Шерстон считался красивым мужчиной, пользовался успехом у женщин. Он сильно изменился, когда вышел из тюрьмы. Она, Джоан, встретила его только раз: с бегающими глазами, осунувшийся, он по-прежнему пыжился, шумел и лгал. Сломанный человек. Но жена его по-прежнему любила и держалась за него, за что Джоан уважала Лесли Шерстон.

С другой стороны, она считала, что Лесли была абсолютно не права в своем отношении с детьми.

Тетка Лесли, которая немного поддерживала ее материально, пока Шерстон сидел в тюрьме, когда тот вышел из тюрьмы, предложила усыновить младшего мальчика. Мало того, она убедила своего мужа платить за учебу старшего и обещала брать обоих детей на каникулы. Они с мужем могли бы дать детям свою фамилию и обеспечить их будущее.

Лесли Шерстон без колебаний отвергла это предложение, и Джоан сочла, что она поступила эгоистично. Лишила своих детей возможности жить гораздо лучшей жизнью, чем она сама могла им обеспечить, и избавиться от позора.

Как бы сильно она ни любила своих мальчиков, думала Джоан, и Родни в этом с ней соглашался, ей следовало бы ставить их интересы выше своих собственных.

Но Лесли была упрямая, а Родни просто умыл руки, сказав со вздохом, что, по его мнению, миссис Шерстон лучше знать. Ну да, согласилась Джоан, если уж она вбила себе что-то в голову, ее не переубедишь.

Беспокойно ходя взад-вперед по комнате, Джоан вспоминала Лесли Шерстон на склоне Эшелдауна.

Она тогда сидела ссутулившись, уперев локти в колени и положив подбородок на сплетенные пальцы. Сидела удивительно спокойно. Оглядывала пашни, склоны холмов с уже тронутыми золотом и багрянцем дубами и буками леса Литтл-Хэверинг.

Они с Родни сидели не шевелясь – и смотрели перед собой.

Джоан едва ли понимала, почему она не окликнула их, не подошла ближе.

Может быть, ее мучила совесть за нелепые подозрения по поводу Мирны Рэндолльф?

Так или иначе, она с ними не заговорила, а тихо отошла за деревья и отправилась домой. Об этом случае она не любила вспоминать и, конечно, никогда не говорила о нем Родни. Он мог бы решить, что она его подозревает.

Родни спускается с платформы вокзала Виктория...

О боже, разумеется, она не собирается начинать все это сначала.

Что это ей взбрело в голову? Чтобы Родни (который всегда был ей верен) радовался разлуке с ней?

Как будто о чем-то можно судить по походке человека?

Она просто выкинет весь этот вздор из головы.

Она не станет больше думать о Родни, чтобы не воображать всякие глупости.

До сих пор больные фантазии были не по ее части.

Это, должно быть, солнце.

Глава 5

Время от полудня до вечера тянулось бесконечно долго.

Джоан не хотелось выходить опять на солнце, пока оно не опустится совсем низко, поэтому она сидела в гостинице.

Примерно через полчаса ей стало просто невыносимо сидеть в кресле. Она пошла в спальню и начала распаковывать вещи. Чемоданы, сказала она себе, сложены неаккуратно. Это могло дать хорошее занятие.

Когда Джоан закончила, было пять часов. Теперь выходить неопасно. В комнате так душно. Если бы что-нибудь почитать...

Или хотя бы кроссворд! – в отчаянии думала Джоан.

Выходя из гостиницы, она с отвращением посмотрела на консервные банки, кур и проволоку. Какое ужасное место. Просто ужасное!

Для разнообразия она пошла вдоль железной дороги и турецкой границы. Это давало ощущение приятной новизны. Но через четверть часа оно исчезло. Железнодорожные рельсы, проходившие в четверти мили справа от Джоан, не вносили никакого разнообразия.

Ничего, кроме тишины – тишины и солнечного света.

Джоан пришло в голову, что можно почитать стихи. Девочкой она очень хорошо декламировала. Интересно, что она помнит через столько лет? Было время, когда она знала много стихов наизусть.

Мир добрых чувств на нас нисходит свыше,

Как благодатный теплый летний дождь.

Как дальше? Глупо. Она не помнила.

Ты не страшись ни солнечного зноя...

(По крайней мере, начало успокаивающее! А как дальше?)

Ни дико завывающей зимы.

Окончен путь земной, пришла пора
покоя —

Нет ни душевных мук, ни жизни кутерьмы,

А золотое детство, радости и страх

Сгорели, обратившись в прах.

Нет, в целом не слишком весело. А если вспомнить что-нибудь из шекспировских сонетов? Раньше она их знала. Соединенье двух сердец и тот, о котором ее спрашивал Родни.

Забавно, однажды вечером он вдруг сказал:

— А у тебя не убывает день. Не увядает солнечное лето — это из Шекспира, да?

— Да, из сонетов.

— Мешать соединению двух сердец? Из этого?

— Нет, из того, который начинается: «Сравню ли с летним днем твои черты?»

И тогда она продекламировала ему весь сонет: красиво, с выражением, с нужными паузами.

А Родни, вместо того чтобы похвалить, лишь задумчиво пробормотал:

— Ломает буря майские цветы... Но на дворе ведь октябрь, правда?

Это было так странно, что Джоан удивленно уставилась на него. И тогда он спросил:

— А ты знаешь другой? Тот, о соединенье двух сердец?

— Да.

Джоан сделала минутную паузу и начала:

Двух душ соединенью воедино

Кто смеет помешать? Но это ли любовь,

Когда она покорною осиной

Под ветром клонится, дрожит и гнется
вновь.

О нет, любовь — неколебимый знак

Могучей силы, неподвластной бурям,

Звезда, зовущая сквозь ночи мрак,

Бесценный клад, что нам судьбой даруем.

Любовь — не шут у века в услуженьи,

Пусть вяннут розы уст и лилии ланит,

Она переживет и бремя лет, и сладкие
мгновенья —

Все, что умчала жизнь, и все, что рок
сулит.

Но если я солгал, то не писал, не жил,
И никогда никто на свете не любил.

Она закончила читать, с особой страстью выдохнув последние строчки.

— Хорошо я читаю Шекспира? В школе все так считали. Говорили, что я декламирую с большим чувством.

А Родни рассеянно ответил:

— Да тут и не нужно особого чувства. Слова говорят сами за себя.

— Шекспир прекрасен, правда ведь?

— Удивительно, что он был таким же беднягой, как все мы.

— Родни, какие странные вещи ты говоришь.

Он ей улыбнулся, словно очнувшись:

— Да? — и вышел из комнаты, по ходу бормоча:

Ломает буря майские цветы,

И увядает нежная листва...

Почему же, гадала Джоан, он сказал: «Ведь на дворе октябрь?»

О чем он мог тогда думать?

Да, тот октябрь был особенно ясным и теплым.

Любопытно, что Родни расспрашивал ее о сонетах в тот самый вечер, когда они сидели с миссис Шерстон на холме в Эшелдауне. Может быть, миссис Шерстон читала

тогда Шекспира, но вряд ли. Лесли Шерстон образованностью и интеллектом не блистала.

В тот год был прелестный октябрь.

Джоан совершенно ясно вспомнила, как Родни несколько дней спустя изумленно спросил ее:

— Разве они цветут в такое время года?

Он показал на рододендроны. На те ранние, которые обычно цвели в марте или в конце февраля. Они роскошно цвели алыми цветами и были все усыпаны бутонами.

— Нет, — сказала она ему. — Для них время — весна. Но иногда они начинают цвети и осенью, если она солнечная и теплая.

Родни нежно потрогал один из бутонов пальцами и тихо сказал:

— Майские цветы.

— Март, — заметила Джоан, — а не май.

— Они как кровь, — продолжал он. — Кровь сердца.

Как не похоже на Родни, подумала Джоан, проявлять такой интерес к цветам.

Но после этого ему особенно нравились рододендроны.

Она вспомнила, как много лет спустя он носил большой бутон в петличке.

Конечно, цветок был чересчур тяжел и, как Джоан и предполагала, выпал.

Она увидела Родни на городском кладбище, проходя мимо церкви.

— Что ты здесь делаешь, Родни? — спросила Джоан, подходя.

Он рассмеялся и ответил:

— Придумываю себе надгробный памятник. Только не гранитную плиту, она слишком жеманна. И конечно, не дородного мраморного ангела.

Они одновременно опустили глаза и посмотрели на новую могильную плиту, на которой было выгравировано имя Лесли Шерстон.

Перехватив взгляд жены, Родни медленно произнес:

— Лесли Эделайн Шерстон, нежно любимая жена Чарльза Эдварда Шерстона, упокоилась 11 мая 1930 года. Господи, утри их слезы. — Затем, помолчав немного, добавил: — До идиотизма глупо думать, что Лесли Шерстон лежит под этим холодным куском мрамора, и только кретин вроде Шерстона мог выбрать такую надпись. Не думаю, что за всю свою жизнь Лесли когда-нибудь плакала.

Потрясенная и смущенная, словно совершилось нечто запретное, Джоан спросила:

— А что бы ты выбрал?

— Для нее? Не знаю. В псалмах нет ничего подходящего? В твоем присутствии полнота радости. Что-нибудь вроде этого.

— Я имела в виду для себя самого.

— О, для себя? — Он задумался на мгновение и улыбнулся сам себе. — Бог — вот мой пастырь. Он ведет меня по зеленым пастбищам. Это мне подойдет.

— Я всегда считала, что это довольно глупое представление о Небесах.

— А ты как представляешь себе Небеса, Джоан?

— Ну конечно же, не сплошные златые врата и тому подобное. Я думаю о них как о государстве, в котором каждый занят тем, что неким чудесным образом помогает сделать этот мир, возможно, красивее и счастливее. Служение — вот как мне видятся Небеса.

— Какая же ты ужасная формалистка, Джоан. — И он рассмеялся, словно пытался просто подразнить ее. Потом сказал: — Нет, для меня достаточно зеленой долины и овец, бредущих за пастырем в вечерней прохладе... — Он помолчал минуту, потом добавил: — Как ни нелепо, Джоан, но иногда я воображаю себе, как я иду в свою кабинет по Хай-стрит, поворачиваю в переулок, ведущий к Белл-Уок, но вместо этого вдруг попадаю на зеленый луг, окруженный пологими лесистыми холмами с обеих сторон. Он все время был там, спрятанный в самом сердце города. Ты сворачиваешь с шумной Хай-стрит, изумляешься и, возможно, говоришь: «Где я?» И тебе очень спокойно отвечают, что ты мертв...

— Родни! — Джоан по-настоящему испугалась. — Ты болен. Это бред.

В тот момент она впервые встревожилась и задумалась о состоянии Родни — а он был на грани нервного срыва, после которого его отправили на два месяца в санаторий в Корнуолл, чтобы он отдохнул там хорошенько, слушая чаек и глядя на море поверх голых холмов.

До того разговора в церковном дворике она не отдавала себе отчета в том, что он действительно переутомился. И когда они собирались идти домой и она взяла его

под руку, подталкивая вперед, она увидела, как из петлички его пальто упал тяжелый бутон азалии и лег на могилу Лесли.

— О, смотри, твой рододендрон, — сказала она и наклонилась, чтобы поднять цветок. А Родни торопливо проговорил:

— Пусть лежит. Оставь его Лесли Шерстон. В конце концов, она была нашим другом.

Джоан также быстро согласилась, что это — прекрасная идея и что она завтра принесет сюда большой букет желтых хризантем.

Ее немного напугала странная улыбка, которой он ей улыбнулся.

Да, она определенно чувствовала, что Родни в тот вечер был не в себе. Она, конечно, не осознавала, что он на грани нервного истощения, но отчетливо видела, что он ведет себя как-то не так.

Всю дорогу домой она забрасывала его беспокойными расспросами, но он говорил только:

— Я устал, Джоан... Я очень устал. — А потом пробормотал: — Мы не можем все быть храбрыми...

А спустя неделю он как-то утром сонно сказал:

— Сегодня я не буду вставать.

И лежал в постели, ни с кем не разговаривая, ни на кого не глядя, просто лежал и тихо улыбался.

Потом приходили врачи, и в конце концов Родни поместили на лечение в Тревельян. Никаких писем, никаких посетителей. Они не разрешили даже Джоан приезжать и видеться с ним. Даже его собственной жене.

Это было печальное, тяжелое время. С детьми было очень трудно. Вместо поддержки они вели себя так, будто она, Джоан, во всем этом виновата.

— Ты позволяла ему работать как проклятому в этой конторе. Ты отлично знала, мама, что отец уже много лет переутомлялся.

— Я знаю, мои дорогие. Но что я могла с этим поделать?

— Ты давно должна была вытащить его оттуда. Нужели ты не знаешь, что он ненавидит свою работу? Ты что, вообще об отце ничего не знаешь?

— Ну хватит, Тони. Конечно, я знаю о твоем отце — намного больше, чем ты.

— Иногда я в этом сомневаюсь. Мне иногда кажется, что ты ничего не знаешь ни о ком.

— Тони, в самом деле!

— Замолчи, Тони, — это говорила уже Эверил. — Что толку!

Эверил всегда была такой. Сухой, бесчувственной, не по годам циничной. Она не любила ласк и никогда не поддавалась на уговоры быть добре.

— Милый папочка... — причитала Барбара. Она была младшей и еще меньше могла сдерживать свои чувства. — Ты во всем виновата, мама. Ты обращалась с ним жестоко — жестоко.

— Барбара! — Джоан потеряла терпение. — О чём ты говоришь? Если в этом доме кто-то и стоит на первом месте, то это твой отец. Как, по-вашему, вы могли бы учиться, одеваться, есть, если бы на вас не работал

отец? Он принес себя в жертву вам — так и должны поступать родители, и они делают это безо всякого шума.

— Разреши мне, мама, воспользоваться случаем, чтобы поблагодарить тебя за все то, чем ты ради нас пожертвовала, — сказала Эверил.

Джоан с сомнением посмотрела на дочь. Она не верила в искренность Эверил. Но не может же ребенок издеваться настолько открыто...

— Ведь правда же, отец когда-то хотел стать фермером? — мрачно спросил Тони.

— Фермером? Нет, конечно. Кажется, много лет назад у него была какая-то мальчишеская фантазия. Но в его семье все были юристы. Это семейная фирма, и она по-настоящему знаменита в этой части Англии. Ты должен этим гордиться и быть рад, что и ты пойдешь туда работать.

— Я не собираюсь идти туда работать, мама. Я хочу уехать в Восточную Африку и завести ферму.

— Чепуха, Тони. Чтобы я больше не слышала таких глупостей. Конечно, ты пойдешь работать в фирму! Ты — единственный сын.

— Я не собираюсь быть юристом, мама. Отец знает, и он мне обещал.

Джоан ошеломленно уставилась на него, пораженная его холодной решимостью.

Потом она упала в кресло, на глаза навернулись слезы. Как им не стыдно так ее пугать.

— Я не знаю, что на вас нашло, почему вы так со мной разговариваете. Если б здесь был ваш отец... В общем, по-моему, все вы ведете себя не лучшим образом.

Тони что-то пробормотал, повернулся и, опустив голову, вышел из комнаты.

Эверил своим безразличным голосом сказала:

— Тони уже твердо решил стать фермером, мама. Он хочет пойти учиться в сельскохозяйственный колледж. По-моему, это сумасшествие. Будь я парнем, я лучше стала бы адвокатом. Юриспруденция — это очень забавно.

— Никогда не думала, — всхлипывала Джоан, — что мои дети могут быть так жестоки ко мне.

Эверил глубоко вздохнула. Барbara, которая все еще истерически рыдала в углу, выкрикнула:

— Я знаю, папа умрет! Я знаю — и тогда мы останемся одни во всем мире. Я не смогу этого вынести. О, я не смогу этого вынести!

Эверил опять вздохнула, с отвращением переводя взгляд с безумно рыдающей сестры на тихо плачущую мать.

— Что ж, — сказала она, — если я больше ничего не могу сделать...

С этими словами она спокойно вышла из комнаты. В точности как и должна была сделать Эверил.

Эту ужасную сцену Джоан не вспоминала много лет.

Конечно, все это легко понять. Потрясение, вызванное болезнью отца, загадочный диагноз «нервный срыв». Детям всегда надо переложить вину на кого-то другого. Вот они и сделали из матери козла отпущения, потому

что она подвернулась под руку. Потом Тони и Барбара извинились. Эверил, по-видимому, не считала, что ей есть за что извиняться, и, возможно, с ее точки зрения, это так и было. Бедный ребенок не виноват в том, что она действительно, похоже, родилась без сердца. Да, пока Родни не было дома, Джоан чувствовала себя глубоко несчастной. Дети ходили мрачными, отрывались и по возможности старались не попадаться ей на глаза. Джоан полагала, что причина этого крылась в ее собственном состоянии. Она знала, что все трое ее нежно любят. Кроме того, они находились в трудном возрасте – Барбара еще училась в школе, Эверил исполнилось восемнадцать лет. Тони проводил бо́льшую часть времени на соседней ферме. Джоан злилась на то, что мальчик вбил себе в голову эту глупую идею, а мягкосердечный Родни поддерживал его. Боже мой, думала Джоан, как же тяжело, что именно мне всегда приходится делать все неприятные вещи. В школе мисс Харли есть такие хорошие девочки, так почему Барбара должна дружить с какими-то странными особами? Надо ясно дать ей понять, что она может приводить сюда только тех своих подруг, которых я одобряю. И тогда, я полагаю, опять будут слезы и она станет дуться. Эверил, конечно, мне помогать не станет, а я терпеть не могу ее глумливый тон. Для посторонних людей он звучит просто чудовищно.

Да, думала Джоан, воспитание детей – неблагодарное и трудное дело.

Этого никто по-настоящему не ценит. Надо обладать тактом и добродушием. Точно знать, когда надо проявить твердость, а когда уступить. Ни один человек толком не знает, что мне пришлось пройти, когда заболел Родни. Джоан слегка поморщилась: эта мысль напоминала ей о язвительном замечании доктора Маккуина, что в любом

разговоре рано или поздно кто-нибудь скажет: «Никто не знает, через что я прошел в то время». Все тогда засмеялись и согласились, что это истинная правда.

Что ж, думала Джоан, шевеля пальцами ног в туфлях, чтобы выпрясти песок, но в данном случае все действительно так. Никто не знает, через что она тогда прошла, даже Родни.

Потому что, когда Родни вернулся домой, все встало на свои места: дети снова были веселыми и добродушными, как всегда. В доме опять воцарились покой и мир. А значит, все дело было в том, что они беспокоились. Она, тревожась за Родни, теряла самообладание, а дети становились раздражительными и жестокими. Но в общем, им пришлось тогда тугу, и она не могла объяснить, почему на ум приходят такие события, приходят именно сейчас, когда хочется приятных, а не тяжелых воспоминаний.

Все началось – с чего же это все началось? А, с попыток вспомнить стихи. Хотя едва ли, подумала Джоан, можно вообразить что-либо более нелепое, чем бродить по пустыне и декламировать стихи! Это не имело смысла, потому что все равно здесь никого нет.

Ну и что, уговаривала она себя, не надо поддаваться панике. Все это глупости, просто нервы...

Она быстро повернулась и пошла назад, к гостинице.

Она просто силой заставляла себя не бежать.

Что такого страшного в том, чтобы быть одной? Ничего. Может, она страдает – как это называется? Не клаустрофobia – это боязнь замкнутого пространства, а

здесь наоборот. Слово начинается на «А». Боязнь открытого пространства.

Все можно объяснить с научной точки зрения.

Но научное объяснение, хотя и утешало, в данный момент по-настоящему не помогало.

Легко сказать самой себе, что все вполне логично и разумно, но трудно контролировать странные обрывки мыслей, которые возникают у тебя в голове и снова прячутся, как ящерицы в норы.

Мысль о Мирне Рэндольф, думала она, похожа на змею, а все остальные – на ящериц.

Открытое пространство – а она всю свою жизнь жила в коробке. Да, в коробке с игрушечными детьми, игрушечными слугами и игрушечным мужем.

Нет, Джоан, что ты говоришь – разве можно быть такой глупой? Твои дети вполне настоящие.

Да, дети были настоящими и такими же были Кук и Агнес, таким же был Родни. Тогда, может быть, я не настоящая? Возможно, я просто игрушечная жена и мать.

О господи, это ужасно. Она становилась непоследовательной. Может, опять почитать стихи? Должна же она хоть что-нибудь вспомнить.

И тогда громко, с неуместным жаром Джоан воскликнула:

– С тобою нас весна разъединила!

Она не помнила продолжения. Да, кажется, и не хотела. Этой строчки было достаточно самой по себе. Она все объясняла, разве не так? Родни, подумала она, Род-

ни... Стобою нас весна разъединила. Только сейчас, подумала она, не весна, а ноябрь...

А потом ее осенило: но это же он сказал тогда – в тот вечер...

Это был ключ, ключ к чему-то такому, что ее ожидали, прячась в тишине. Тому самому, от чего она бежала.

Но как можно убежать, когда повсюду из своих нор высекают ящерицы?

Есть так много вещей, о которых нельзя думать. Барбара, Багдад, Бланш (интересно, все начинались на «Б»). Родни на платформе. Жестокость Эверил, Тони и Барбары.

В самом деле, сердилась на себя Джоан, почему она не думает о приятных вещах? Ведь и радостей было много. Много, очень много...

Ее свадебное платье из великолепного атласа жемчужного цвета... Эверил в колыбели, покрытой муслином и оплетенной розовыми лентами, такой симпатичный, красивый ребенок, она так хорошо себя вела. Эверил всегда была вежливой, с хорошими манерами. «Ваши дети так хорошо воспитаны, госпожа Скюдамор». Да, Эверил была неплохой девочкой – по крайней мере, на людях. Дома же она вечно спорила и смотрела на Джоан таким взглядом, словно спрашивала, кто она вообще такая. Совсем не так, как дочь должна смотреть на мать. По крайней мере, любящая дочь. Тони тоже при гостях вел себя замечательно, хотя был неисправимо невнимателен и рассеян в отношении разных вещей. Барбара была единственным трудным ребенком в семье, раздражительным и плаксивым.

Тем не менее в детстве все трое были очаровательными, хорошо воспитанными ребятишками с приятными манерами.

Жаль, что дети выросли и начались проблемы.

Но она не станет об этом думать. Она будет вспоминать их детство. Эверил в танцевальном классе в своем хорошеньком платьице из розового шелка. Барбара в красивом вязаном платье от Либерти. Тони в том веселеньком детском комбинезончике, который так удачно сшила Нэнни.

Однако, сказала себе Джоан, можно подумать и о чем-то другом, кроме одежды! О каких-то приятных вещах, которые они ей говорили? О радостных моментах?

С учетом тех жертв, на которые ты пошла, того, что все делалось во имя детей...

Еще одна ящерица высунула голову из норы. Эверил вежливо задает вопрос, рассудительно, тоном, которого Джоан уже стала бояться:

– А что такого ты для нас делаешь, мама? Ты ведь не купаешь нас, правда?

– Нет...

– Ты не подаешь нам обеды, не расчесываешь волосы. Все это делает Нэнни. Она укладывает нас спать и будит по утрам. Ты не шьешь нам одежду – все это тоже делает Нэнни. Она же водит нас гулять.

– Да, дорогая. Я наняла Нэнни, чтобы она смотрела за вами. Это значит, что я плачу ей деньги.

– Я думала, деньги ей платит отец. Разве не он платит за все, что у нас есть?

– В какой-то степени так, дорогая, но это же одно и то же.

– Но тебе не надо каждое утро ходить на работу, это надо только отцу. Почему ты не ходишь на работу?

– Потому что я смотрю за домом.

– Но разве Кейт, Кук и...

– Хватит, Эверил.

Это было то самое, что надо было сказать Эверил, после чего она умолкла. Она всегда слушалась. Но при этом ее покорность часто вызывала большее смущение, чем если бы она дерзила.

Родни однажды рассмеялся и сказал, что в деле Эверил приговор был всегда один – оправдать за недостатком улик.

– Не думаю, что здесь есть над чем смеяться, Родни. Едва ли ребенку в возрасте Эверил подобает быть таким – таким рассудительным.

– Ты думаешь, она слишком мала, чтобы понимать природу суждений?

– О, не говори таким казенным языком.

– А кто сделал из меня юриста? – Родни ехидно улыбнулся.

– Нет, серьезно, я думаю, это неуважение к старшим.

– По-моему, Эверил удивительно вежлива для ребенка. У нее нет обычной для детей невыносимой откровенности – как, например, у Барбары.

Да, это так, согласилась Джоан. Барбара во время очередной вспышки могла выкрикнуть:

– Ты отвратительна, ты ужасна, я тебя ненавижу! Я хотела бы умереть. Ты будешь жалеть, если я умру.

– Барбара просто очень темпераментна. А потом всегда извиняется.

– Да, бедный чертенок. Она не думает того, что говорит. А у Эверил чутье на всякий обман.

– Чутье, – вспыхнула Джоан. – Не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Ну, брось, Джоан. Все эти истины, которыми мы их пичкаем. Наши претензии на всезнание. Необходимость притворяться, будто мы делаем все лучше всех и знаем больше всех, потому что эти беспомощные маленькие люди целиком в нашей власти.

– Ты говоришь так, будто они рабы, а не дети.

– А разве нет? Они едят пищу, которую даем им мы, носят одежду, в которую мы их одеваем, и более или менее говорят то, что мы им велим. Это цена, которую они платят за покровительство. Но с каждым днем они подрастают и обретают бо́льшую свободу.

– Свобода, – презрительно фыркнула Джоан. – А разве она есть?

Родни ответил медленно и тяжело:

– Нет, не думаю. Ты права, Джоан...

И он, понурившись, вышел из комнаты. А она с внезапной болью подумала, что знает, каким будет Родни, когда станет старым...

Родни на вокзале Виктория – свет на морщинках его усталого лица, – и он просит ее заботиться о себе.

А потом, минутой позже...

Зачем постоянно возвращаться к этим мыслям? Это неправда. Родни по ней очень сильно скучает! Он несчастен в доме один среди слуг! Ему наверняка не придет в голову пригласить кого-нибудь на обед, разве только какого-нибудь глупца вроде Харгрейва Тейлора – Джоан никак не могла взять в толк, почему Родни нравится этот тупица. Или майор Миллс, зануда, который никогда не говорил ни о чем другом, кроме как о пастищах и скотоводстве...

Конечно, Родни без нее скучает...

Глава 6

Она вернулась в гостиницу. Вышел индиец и спросил:

— Госпожа хорошо погуляла?

Да, ответила Джоан, она славно прошлась.

— Ужин скоро будет готов. Очень хороший ужин, госпожа.

Джоан выразила свою благодарность, но замечание индийца было простой формой вежливости, потому что ужин оказался в точности таким, как всегда, только с персиками вместо абрикосов. Возможно, это и впрямь вкусный ужин, но его недостаток в том, что он всегда один и тот же.

Ложиться спать было еще слишком рано, и Джоан опять горько пожалела, что не взяла с собой побольше книг или шитья. Она даже попробовала перечитать самые интересные места из «Мемуаров» Кэтрин Дайзарт, но из этого ничего не вышло.

Если бы найти какое-нибудь занятие, думала Джоан, хоть какое-нибудь. Хотя бы колоду карт. Она могла бы разложить пасьянс. Или добыть какую-нибудь игру — трикtrak, шахматы, шашки, — можно было бы поиграть с самой собой! Любую игру — домино, змеи на лестницах...

Действительно, что за странные фантазии ей приходят. Ящерицы, высывающие головы из нор. В голове кружились разные мысли — пугающие мысли, беспокойные мысли... незваные.

Но если это так, зачем они? В конце концов, человек ведь способен контролировать свои мысли — или нет?

Возможно ли, что в каких-то ситуациях мысли подчиняют себе человека... выскакивая из нор, словно ящерицы, или мелькая в голове, как зеленая змея.

Они приходят откуда-то...

Джоан непонятно почему охватывала паника.

Должно быть, это аграфобия, боязнь открытого пространства. (Конечно же, это то самое слово – «аграфобия». Всегда все можно вспомнить, если достаточно хорошо подумать.) Да, конечно. Боязнь открытого пространства. Любопытно, что она этого за собой не знала. Но прежде у нее и не было такого опыта. Она всегда жила среди домов, садов, у нее была куча дел, ее окружало множество людей. Множество людей – вот что главное. Если бы здесь кто-нибудь был, с кем можно поговорить.

Хотя бы Бланш...

Смешно вспомнить, как ее пугала мысль о том, что Бланш может возвращаться домой вместе с ней.

Насколько все было бы иначе, если бы с ней ехала Бланш. Они могли бы поговорить о прежних днях в школе Сент-Энн. Как же это было давно! Что сказала Бланш? «Ты шла все время вверх, а я – вниз». Нет, она потом исправилась. «Ты осталась той же, кем была, – девочкой из Сент-Энн, гордостью школы».

Неужели правда, она так мало изменилась с тех пор? Об этом думать приятно. Нет, с одной стороны – приятно, а с другой – не очень. Это казалось каким-то... каким-то застоем.

Что сказала мисс Гилби во время их прощального разговора? Прощальные разговоры мисс Гилби с ее де-

вочками были одной из тщательно оберегаемых традиций школы Сент-Энн.

Джоан мысленно перенеслась на много лет назад, и ее старая директриса с удивительной ясностью предстала перед ее взором. Большой, вызывающе торчащий нос, пенсне, безжалостные внимательные глаза, величественная походка, огромный бюст – затянутый настолько, что казался абсолютно твердым.

Огромная фигура мисс Гилби, справедливо вызывавшая трепет и восхищение, и на родителей производила такое же впечатление, как на учениц. Нельзя отрицать, мисс Гилби была воплощением Сент-Энн!

Джоан увидела себя, входящую в святая святых – директорский кабинет, украшенный цветами и гравюрами Медичи, олицетворение учености и благопристойности.

Мисс Гилби, сидевшая за столом, величественно повернулась к ней:

– Входи, Джоан. Садись, милочка.

Джоан села в указанное ей кресло, покрытое кретоном. Мисс Гилби сняла пенсне и вдруг улыбнулась наигранной и немного пугающей улыбкой.

– Ты покидаешь нас, Джоан, чтобы уйти из замкнутого мира школы на широкие просторы, которые именуются жизнью. Прежде чем ты уйдешь, я хотела бы поговорить с тобой в надежде на то, что некоторые из моих слов будут направлять тебя в твоем дальнейшем пути.

– Да, мисс Гилби.

– Здесь, в этих стенах, в окружении сверстниц, ты была ограждена от сложностей и трудностей, которые во взрослой жизни неизбежны.

– Да, мисс Гилби.

– Я знаю, что здесь ты была счастлива.

– Да, мисс Гилби.

– И ты была молодцом. Я довольна твоими успехами. Ты – одна из наших лучших учениц.

Джоан слегка смущалась:

– О... я рада, мисс Гилби.

– Но теперь жизнь ставит перед тобой новые проблемы, у тебя появятся новые обязанности...

Разговор шел своим чередом. Время от времени Джоан бормотала:

– Да, мисс Гилби.

Голос директрисы словно гипнотизировал ее.

Одним из замечательных качеств мисс Гилби было великолепное владение голосом, который, по выражению Бланш Хэгтард, стоил целого оркестра. Она начинала с мягкостью виолончели, переходила к похвалам в тонах флейты и предупреждала подобно фаготу. В обращениях к «умницам» рассуждения о будущей профессии выдувались словно из медных труб, а другим об обязанности жены и матери рассказывали скрипки.

Ближе к концу своей речи мисс Гилби начала говорить пиццикато:

– И теперь самое важное. Не ленись думать, Джоан, дорогая моя! Не оценивай все только с внешней стороны – потому что это проще и приносит меньше боли. В жизни надо жить, а не наводить лоск. И не будь слишком самодовольной!

– Да... то есть нет, мисс Гилби.

– Потому что, между нами, это твой маленький недостаток, разве нет, Джоан? Думай о других, моя дорогая, и не слишком много о самой себе. Будь готова к тому, чтобы принять на себя ответственность.

И затем наступил момент кульминации:

– Жизнь, Джоан, должна быть непрестанным движением вперед – восхождением по каменным ступенькам нашего смертного «я» к сферам более высоким. Будут боль и страдания. Они бывают у всех. Даже Господь Бог не избежал страданий в нашей бренной жизни. Как он познал муки Гефсиманского сада, так познаешь их и ты – и если ты не познаешь этого, Джоан, это будет означать, что ты далеко отклонилась от истинного пути. Помни об этом, когда наступит час сомнений. И помни, моя дорогая, я всегда рада получать весточки от моих бывших учениц и всегда готова помочь им советом, если они его попросят. Благослови тебя Бог, милая.

А потом последнее благословение прощального поцелуя мисс Гилби – поцелуя, в котором было больше торжественности, чем человеческого тепла.

Слегка растерянная, Джоан вышла.

Она вернулась в спальню и увидела там Бланш Хэггард в пенсне Мэри Грант, с подушкой, засунутой спереди под жакет, которая давала оркестровый концерт перед восторженной аудиторией.

– Ты уходишь, – гремела Бланш, – из замкнутого мира школы на широкие и грозные просторы, которые имеются жизнью. Жизнь поставит перед тобой новые проблемы, у тебя появятся новые обязанности...

Джоан присоединилась к слушателям. По мере того как Бланш приближалась к кульминации, аплодисменты становились все громче.

— Тебе, Бланш Хэггард, я скажу только одно слово. Дисциплина. Дисциплинируй свои эмоции, учись самоконтролю. Само тепло твоего сердца может оказаться опасным. Только при строгой дисциплине ты сможешь достичнуть высот. У тебя большие дарования, дорогая. Используй их во благо. У тебя много и недостатков, Бланш, — много недостатков. Но это недостатки щедрой натуры, и их можно исправить. Жизнь, — голос Бланш превратился в пронзительный фальцет, — это непрестанное движение вперед. Восхождение по каменным ступенькам нашего смертного «я» (смотри Вордсворт). Помни свою школу и помни, что тетушка Гилби дает советы и оказывает помощь в любое время, если в письмо вложен конверт с маркой и обратным адресом.

Бланш умолкла, но, к ее удивлению, ее не приветствовали ни смехом, ни аплодисментами. Все словно окаменели, повернувшись к открытой двери, в проеме которой величественно стояла мисс Гилби с пенсне в руках.

— Если ты мечтаешь о сценической карьере, Бланш, то, полагаю, найдется несколько хороших театральных школ, где тебя научат правильно дышать и поставят дикцию. К этому у тебя, кажется, есть кое-какой талант. Будь добра, положи на место подушку.

С этими словами она развернулась и поспешно удалилась.

— Фують, — бросила Бланш. — Старая мегера. С ее стороны это очень даже по-спортивному — но она знает, как унизить.

Да, думала Джоан, мисс Гилби – замечательная личность. Она ушла из Сент-Энн через один семестр после того, как туда послали учиться Эверил. Новая директриса не была такой яркой натурой, и в школе все стало потихоньку разваливаться.

Бланш верно сказала – мисс Гилби была мегерой. Но она знала, как себя поставить. И конечно, она оказалась совершенно права в отношении Бланш. Дисциплина – вот что было необходимо Бланш в жизни. Щедрая натура – да, возможно. Но ей явно не хватало самоконтроля. Да, Бланш была щедра. Например, те деньги, которые ей послала Джоан, она истратила не на себя. На них купили секретер для Тома Холлидэя. Самой Бланш он на дух был не нужен. Добросердечная, милая Бланш. И тем не менее она уехала и бросила двоих малышей, которых сама же произвела на свет.

Это означает, что есть женщины, у которых просто полностью отсутствует материнский инстинкт. Дети, думала Джоан, должны всегда быть прежде всего. В этом они с Родни всегда были согласны. Родни проявлял, можно сказать, самоотверженность. Например, она как-то заметила, что его милую солнечную гардеробную надо бы отдать под детскую, и он очень охотно согласился перебраться в маленькую комнатку, выходящую на задний двор. Детям нужен солнечный свет. Они с Родни честно исполняют свой родительский долг. И дети их радовали, особенно пока были маленькими – такими милыми, симпатичными ребятишками. Не то что неухоженные мальчишки Шерстон. Миссис Шерстон, похоже, вообще не обращала внимания на то, как выглядят ее дети. И сама, кажется, участвовала в самых диких играх: ползала по земле, как индеец, издавая дикие вопли и крики, а одна-

жды, когда они пытались играть в цирк, очень правдоподобно изображала морского льва.

Все дело в том, решила Джоан, что и саму Лесли Шерстон никогда толком не воспитывали.

Да, бедная женщина, у нее была очень печальная жизнь.

Джоан вспомнила, как она неожиданно встретилась в Сомерсете с капитаном Шерстоном.

Она гостила у друзей и понятия не имела, что Шерстоны поселились там, но случайно столкнулась с капитаном Шерстоном, когда он, по своему обыкновению, выходил из пивной.

Джоан не видела его после освобождения, и ее потрясло, во что превратился самодовольный и уверенный в себеправляющий банком.

Как ужасно выглядят крупные и воинственные мужчины, потерпевшие крах. Сутулые плечи, мятый жилет, дряблые щеки, бегающий взгляд.

Подумать только, что кто-то когда-то доверял этому человеку.

Шерстон смущался, встретив ее, но тут же овладел собой, и его приветствие казалось неумелой пародией на его прежние манеры.

— О, миссис Скюдамор! Мир действительно тесен. Что же привело вас в Скиpton-Хэйнс?

Так он и стоял, расправив плечи и стараясь вспомнить прежние добродушно-покровительственные интонации. Это было жалкое представление, и Джоан невольно почувствовала Шерстону.

Как страшно пережить такое крушение! Сознавать, что в любой момент можешь встретить кого-то из прежних знакомых, кто, может быть, даже не захочет узнавать тебя.

Нет, она не станет вести себя так. Естественно, она проявит милосердие.

Шерстон тем временем говорил:

— Вы должны обязательно повидаться с моей женой. Мы устроим чай. Да, да, милая леди, я настаиваю!

Джоан, хотя и неохотно, согласилась пойти с ним, и по дороге Шерстон продолжал неловко ломать комедию.

Сейчас она посмотрит на их маленькую норку — хотя не такую уж и маленькую. Довольно приличный участок. Конечно, это тяжелый труд — выращивать овощи и фрукты для продажи. Анемоны и яблоки идут лучше всего.

Продолжая говорить, он открыл засов довольно ветхой, облупившейся калитки, за которой начиналась заросшая травой дорожка. Лесли трудилась на грядках.

— Посмотри, кого я привел! — крикнул Шерстон. Лесли откинула с лица волосы.

Джоан сразу же заметила, как она постарела и как плохо выглядит. Усталость и боль оставили свою печать на ее лице. Но в основном она была в точности такой, как прежде: веселая, неряшливая и полная энергии.

Пока они стояли и разговаривали, из школы вернулись мальчики, которые, с громкими воплями промчавшись по дорожке, бросились к Лесли и уткнулись в ее живот головами, крича: «Мама, мама, мама», а Лесли, в течение нескольких минут терпеливо пережидавшая эту

атаку, вдруг очень строгим голосом сказала: «Тихо! У нас гости».

Мальчики тут же превратились в двух вежливых ангелов, которые за руку поздоровались с миссис Скюдамор и стали говорить чуть ли не шепотом.

Все это напомнило Джоан ее двоюродного брата, который дрессировал охотничих собак. Собаки по команде садились на задние лапы и ждали, но стоило хозяину произнести заветное слово, мчались куда глаза глядят. Сыновей Лесли, подумала она, кажется, воспитывают таким же образом.

Они прошли в дом. Лесли стала готовить чай, мальчики ей помогали, и вот появился поднос с караваем, маслом, домашним джемом и неуклюжими чашками. Лесли и мальчики смеялись.

Но самым любопытным было то, как изменился Шерстон. Неловкость и наигранность вдруг исчезли. Перед Джоан предстал радужный хозяин, счастливый, довольный самим собой и семьей. Словно за этими стенами внешний мир и все его суждения перестали для него существовать. Мальчики шумно просили, чтобы отец помог им в какой-то их затее. Лесли напомнила, что он обещал починить мотыгу, и спрашивала, стоит ли навязать букеты анемон завтра или это можно будет сделать в четверг утром.

Джоан подумала, что таким он ей даже нравится и что теперь она понимает Лесли. Кроме всего прочего, он наверняка был когда-то очень красивым парнем.

Но то, что случилось дальше, ее просто поразило.

— Расскажи нам историю про надзирателя и слиновый пудинг! — нетерпеливо потребовал Питер. И когда

отец озадаченно посмотрел на него, пояснил: – Ну, ту, про то, как ты был в тюрьме, что сказал один надзиратель и другой надзиратель.

Шерстон замялся.

– Давай, давай, Чарльз, – подбодрила его Лесли. – Это очень смешная история. Миссис Скюдамор она понравится.

И Шерстон рассказал правда довольно смешной случай – хотя не настолько, насколько казалось мальчикам. Они просто умирали со смеху. Джоан вежливо улыбнулась, но была удивлена и несколько шокирована. Потом, когда Лесли пригласила ее наверх, она изумленно заметила:

– Поразительно – они знают!

Лесли, подумала Джоан, наверное, и правда бесчувственная особа – она выглядела вполне довольной.

– Когда-нибудь они все равно узнали бы, – сказала она. – Так ведь? Так пусть знают сейчас. Так проще.

Так проще, согласилась Джоан, но разумно ли это? А как же хрупкий идеализм детского ума, доверие, уважение? – она осеклась.

Лесли ответила, что едва ли ее дети слишком хрупки и идеалистично настроены. По ее мнению, для них куда хуже знать, что что-то такое было, а им не говорят что.

– Нет, – отмахнулась Лесли, – скрывать и все такое – это намного хуже. Когда они меня спросили, почему уехал папа, я посчитала, что должна быть честной, и рассказала им, что он украл деньги из банка и попал в тюрьму. В конце концов, они знают, что такое красть. Питер,

бывало, воровал варенье, и за это его отправляли спать. Если взрослые люди делают неправильные вещи, их отправляют в тюрьму. Все очень просто.

— Все равно, для ребенка смотреть на отца сверху вниз...

— Они не смотрят на него сверху вниз. — Лесли опять выглядела довольной. — На самом деле они его очень жалеют — и они любят слушать о его тюремной жизни.

— Все равно, это нехорошо, — решительно заявила Джоан.

— О, ты так думаешь? — задумчиво проговорила Лесли. — Может быть, ты и права. Но это хорошо для Чарльза. Он вернулся съежившимся — как собака. Я не могла этого вынести. Поэтому я подумала, что единственный выход — это быть во всем совершенно честными. В конце концов, нельзя же просто выкинуть из своей жизни три года. По-моему, лучше воспринимать это как нечто житейское.

В этом, сказала себе Джоан, вся Лесли Шерстон: неряшливая, ленивая, не обладающая тонкостью души. Всегда идущая по пути наименьшего сопротивления.

Но надо отдать ей должное, она была верной женой.

— Знаешь, Лесли, — тепло проговорила Джоан, — я правда считаю, что ты молодец: ты не оставила мужа и все держала, пока он был, гм, вдалеке. Родни и я часто об этом говорим.

Какая смешная и кособокая улыбка была у этой женщины. Джоан раньше не замечала. Возможно, ее по-

хвала заставила Лесли смутиться. Довольно холодно она спросила:

– Как Родни?

– Очень занят, бедняжка. Я всегда ему говорю, что время от времени надо устраивать выходные.

– Это нелегко. Я полагаю, его работа, как и моя, требует от человека всего. На отдых времени не остается.

– Да. Это действительно так, а Родни – человек очень добросовестный.

– На отдых времени не остается, – повторила Лесли и, медленно подойдя к окну, выглянула во двор.

Что-то в очертаниях ее фигуры показалось Джоан странным – Лесли обычно носила довольно бесформенные вещи, но...

– О, Лесли, – невольно вырвалось у нее, – ты не...

Лесли обернулась и, встретившись с ней глазами, медленно кивнула.

– Да, – сказала она. – В августе.

– О боже! – Джоан просто поверить не могла.

И вдруг, к ее удивлению, Лесли разразилась страстной речью. Это чем-то походило на последнее слово подсудимого.

– Для Чарльза это очень важно. Очень! Понимаешь? Не могу объяснить тебе, что он чувствует. Это как знак – знак того, что он не отверженный, что все по-прежнему идет своим чередом. Он даже попытался бросить пить, когда узнал.

Лесли говорила с таким жаром, что Джоан лишь спустя какое-то время поняла смысл последней фразы.

— Конечно, тебе лучше знать, но я думаю, это было неразумно — в данный момент.

— Ты имеешь в виду с точки зрения денег? — засмеялась Лесли. — О, мы справимся. Дело идет в гору, и в любом случае еда у нас будет.

— У тебя не очень здоровый вид.

— Здоровый. О, я здорова как бык. Даже слишком. Смерти придется потрудиться.

И она вздрогнула, как будто — уже тогда — предчувствовала болезнь и мучительную смерть...

Потом они опять спустились вниз, Шерстон сказал, что дойдет с миссис Скюдамор до угла, покажет ей кратчайший путь через поля. Идя по дорожке, Джоан обернулась и увидела, как Лесли с мальчиками с радостным визгом катались по земле. В отношении Лесли к детям есть нечто звериное, с некоторым отвращением подумала Джоан и склонила голову, внимательно слушая, что говорил капитан Шерстон.

А он довольно бессвязно твердил, что на свете не было, нет и не будет женщины, подобной его жене.

— Вы представить себе не можете, миссис Скюдамор, что она для меня значит. Представить не можете. Никто не может. Я ее не стою. Я это знаю...

Джоан заметила, что в его глазах стояли слезы. Он всегда был склонен к сентиментальности.

— Всегда одна и та же, всегда весела — кажется, думает, что все, что бы ни случилось, интересно и забавно.

Никогда ни слова упрека. Ни слова. Но я стану ее достоин – клянусь, стану.

Джоан пришла в голову мысль, что капитан Шерстон мог бы наилучшим образом выразить свою признательность, перестав так часто посещать пивную «Энкор энд Белл», и она с трудом удержалась, чтобы этого не сказать.

Наконец они простились: конечно, подтвердила Джоан напоследок, она с ним полностью согласна, и увидеть их было очень приятно. Она пошла через поля и, оглянувшись, увидела, что капитан Шерстон стоит у «Энкор энд Белл» и посматривает на часы – сколько времени осталось до открытия.

Все это, заявила она Родни, вернувшись, очень печально.

А Родни, видимо, нарочно, чтобы ее подразнить, ответил:

– Судя по твоим словам, они, кажется, счастливы вместе.

– Ну да, если это можно так назвать.

Родни заметил, что, по его мнению, Лесли Шерстон добивается неплохих успехов в очень нелегком деле.

– Конечно, она очень старается. И только подумай – она собирается завести еще одного ребенка.

Родни встал и медленно прошел к окну. Он стоял и смотрел в окно – очень похоже, подумала Джоан, на то, как стояла Лесли. Через какое-то время он спросил:

– Когда?

— В августе, — ответила Джоан. — По-моему, это очень глупо.

— Думаешь?

— Посуди сам, дорогой. Они и сейчас еле-еле сводят концы с концами. Ребенок добавит им хлопот.

— Лесли сильная, — задумчиво проговорил он.

— Да, но в конце концов она же просто сломается. Она и сейчас выглядит больной.

— Она уже выглядела больной, когда уезжала отсюда.

— И старой. Это только сказать легко, что для Чарльза Шерстона с появлением ребенка все изменится.

— Она так сказала?

— Да. Она сказала, что все должно измениться.

— Наверно, это так, — согласился Родни. — Шерстон из тех людей, которые целиком зависят от мнения окружающих. Когда судья вынес ему приговор, он весь обмяк, как проколотый воздушный шар. Горестное зрелище и одновременно отвратительное. Единственная надежда для Шерстона — каким-то образом вернуть себе самоуважение. Это потребует больших усилий.

— И все-таки, я думаю, еще один ребенок...

Родни перебил ее. Он отвернулся от окна, и Джоан с изумлением взглянула в его побелевшее от гнева лицо.

— Она ведь его жена, так? У нее было два варианта: либо совсем бросить его и забрать детей, либо, черт возьми, остаться ему женой. Это она и сделала — а Лесли ничего не делает наполовину.

Джоан спросила, с чего он так кипятится. Ничего особенного, ответил он, но ему до смерти надоело жить в этом стерильном мирке, где просчитывается стоимость всего и не допускается никакого риска. Джоан заметила, что надеется, что он не разговаривает подобным образом со своими клиентами, а Родни ухмыльнулся и сказал, чтобы она не беспокоилась, потому что он всегда советует им не доводить дело до суда.

Глава 7

Наверное, нет ничего странного, что в ту ночь Джоан снилась мисс Гилби. Директриса в соломенной шляпе бродила с ней в пустыне и менторским тоном изрекала: «Тебе, Джоан, следует заняться ящерицами. Ты слабовата в естественной истории». На что Джоан, конечно, ответила: «Да, мисс Гилби».

А мисс Гилби продолжала: «Не притворяйся, что ты не понимаешь, о чём я говорю, Джоан. Ты все прекрасно понимаешь. Дисциплина, моя дорогая».

Джоан проснулась и на несколько минут мыслями вернулась к Сент-Энн. Правда, гостиница чем-то напоминала школьное общежитие. Голые, беленые стены, железные кровати.

Боже мой, подумала Джоан, впереди еще целый день.

Что ей сказала во сне мисс Гилби? «Дисциплина».

Что ж, в этом что-то есть. В самом деле, очень глупо с её стороны так паниковать из-за ничего! Надо собрать свои мысли, разложить все по полочкам – проверить свою идею насчет агорафобии.

Определенно сейчас в гостинице она чувствовала себя в полном порядке. Может, разумнее вообще не выходить на улицу?

Нет, так тоже не годится. Провести целый день в четырех стенах, в полутемной комнате, где пахнет баранным жиром и парафином, притом что ей нечего читать и нечего делать.

Чем занимаются заключенные в своих камерах? Конечно, они чем-то занимаются – шьют мешки для почты или что-то в таком роде. Иначе они бы сошли с ума.

Одиночное заключение может свести с ума.

Джоан казалось, что она уже провела здесь несколько недель. А на самом деле прошло сколько – два дня?

Два дня! Невероятно. Как это у Омара Хайяма? «Сам с собой и с десятью тысячами лет». Что-то типа того. Почему она ничего не помнит?

Нет, нет и еще раз нет. Ее попытки читать стихи ни к чему хорошему не привели. В стихах было что-то такое, что выводило ее из равновесия. Слишком много души.

О чем это она? Ведь чем больше души в стихах, тем лучше. Она, Джоан, всегда считала себя натурой духовной.

«Ты всегда была холодна как рыба...»

Почему ей опять вспомнились слова Бланш? Очень вульгарное и несправедливое замечание – очень в духе Бланш! Что ж, она вполне могла казаться холодной людям вроде Бланш, которые позволяли своим страстям разорвать себя на части. Бланш не виновата, что она вульгарна, так уж сложилось. В детстве она казалась такой славной и воспитанной, но вульгарность, видимо, всегда в ней была.

Холодна как рыба! Ничего подобного.

Самой Бланш не помешало бы немного больше походить на рыбу!

Она, судя по всему, вела жизнь в высшей степени предосудительную.

Как она сказала? «Всегда можно подумать о своих грехах!»

Бедная Бланш. Но ведь она тогда признала, что это не займет Джоан надолго. Она поняла разницу. И наполовину в шутку предположила, что Джоан скоро устанет от подсчета своих достоинств. (Наверное, правда, люди склонны считать свои достоинства чем-то совершенно естественным!) А что она сказала потом? Что-то довольно любопытное...

А, да. Она высказалась в том духе, что, если на протяжении многих дней тебе нечего делать, кроме как думать о себе, можно обнаружить в себе...

Довольно забавная мысль, в своем роде.

Действительно, очень забавная мысль.

Только Бланш сказала, что сама она не хотела бы проводить такой опыт.

И за этим ясно читалось, что она боится.

Любопытно, думала Джоан, неужели так правда можно узнать о себе нечто новое?

Я не привыкла копаться в себе...

Я никогда не была самоуглубленной.

...Интересно, подумала Джоан, как я выгляжу в глазах других людей?

...Я имею в виду не вообще, а в частностях.

Она попыталась вспомнить, что говорили ей люди...

Например, Барbara:

— Твои слуги, мама, всегда само совершенство. Как тебе удается?

Это своего рода похвала, свидетельствующая о том, что дети считают ее хорошей хозяйкой. Так оно и есть, она отлично управлялась со всем в доме. И слуги ее любили — по крайней мере, они делали то, что она им говорила. Возможно, они не проявляли особого сочувствия, если у нее начиналась мигрень, но ничего подобного от них и не требовалось. А что сказала эта повариха — отличная повариха, — когда Джоан сделала ей замечание — что-то насчет того, что ей тяжело работать без единого слова благодарности, — что полная нелепость.

— Вы всегда мне выговариваете, когда что-то не так, мадам, но похвалы, когда все хорошо, из вас клещами не выпячнешь.

— Вы должны понимать, что, если ничего не говорится, значит, все в порядке, — холодно ответила Джоан.

— Может быть, мадам, но это просто обидно. Я ведь тоже человек — я столько мучилась с этим рагу по-испански, которое вы заказали, но я сама не люблю полуфабрикаты.

— Оно было великолепно.

— Да, мадам. Я так и подумала, его ведь вы съели, но ничего не сказали.

— А вам не кажется, что вы ведете себя довольно глупо? — раздраженно ответила Джоан. — В конце концов, вас наняли для того, чтобы готовить, вам платят хорошие деньги.

— О да, мадам.

— Но это не означает, что вы достаточно хороший повар. Если меня что-то не устраивает, я об этом говорю.

— Да, действительно, мадам.

— А вы, как видно, на это обижаетесь?

— Да нет, мадам, думаю, нам не стоит больше говорить об этом, а в конце месяца я уйду.

Слуги, думала Джоан, часто бывали неблагодарными. Истеричными и обидчивыми. Все они, конечно, обожали Родни, просто потому, что он мужчина. Их не приходилось понукать, если требовалось сделать что-то для хозяина. А Родни порой проявлял неожиданную осведомленность в их делах.

— Не трогай Эдну, — сказал он как-то, к удивлению Джоан. — Ее молодой человек загулял с другой девушкой, и это совсем выбило ее из колеи. Поэтому она роняет вещи, по два раза поливает овощи и вообще такая рассеянная.

— И откуда, скажи на милость, тебе все известно, Родни?

— Она призналась мне в этом сегодня утром.

— Очень странно, что она говорила об этом с тобой.

— Просто я спросил ее, что случилось. Я заметил, что у нее были красные глаза, словно она плакала.

Родни, подумала Джоан, очень добрый человек.

Однажды она ему сказала:

— Я думала, проработав столько лет адвокатом, ты должен устать от людских бед.

А он задумчиво ответил:

— Да, так можно подумать. Но нет. О человеческой природе больше адвоката знает разве что врач. Но это только усиливает жалость ко всему роду человеческому — настолько люди уязвимы и подвластны страхам, подозрениям, жадности, а иногда бывают такие бескорыстные и храбрые. В этом, наверное, и состоит единственное благо — учиться милосердию.

У Джоан чуть не вырвалось: «Единственное благо? Что ты имеешь в виду?» Но почему-то она этого не сказала. Лучше не надо. Нет, лучше этого не трогать.

Но иногда практическое выражение человеколюбия Родни ее тревожило.

Взять хотя бы историю с закладной старого Ходдесдона.

Она узнала об этом не от Родни, а от болтливой жены племянника Ходдесдона и вернулась домой расстроенная.

Правда ли это, что Родни выдал ссуду из своих личных сбережений?

— Кто тебе сказал? — вспыхнул Родни.

Джоан объяснила, потом спросила:

— Почему он не мог занять деньги обычным порядком?

— Его положение сейчас слишком шатко с точки зрения банкиров. Фермерам сейчас вообще очень трудно получить заем.

— Но почему давать взаймы должен ты?

— О, все будет в порядке. Ходдесдон — опытный фермер. Его подвели недостаток средств и два неурожайных года.

— Как бы то ни было, факт остается фактом: его дела плохи, и ему приходится занимать деньги. Я, право, не считаю, что это хорошая затея, Родни.

И вдруг совершенно неожиданно Родни вышел из себя.

Понимает ли она, спросил он, что повсюду в Англии фермерские хозяйства переживают сейчас? Неурожай, налоги, близорукая политика правительства? Вывалив на Джоан весь этот беспорядочный набор сведений о сельском хозяйстве страны, он перешел к перечислению проблем старика Ходдесдона:

— Такое может случиться с каждым. Независимо от того, насколько ты разумен и трудолюбив. Могло бы случиться и со мной, будь я на его месте. Главная причина — нехватка средств. А кроме всего прочего, прости, но это не твоё дело, Джоан. Я же не вмешиваюсь в то, как ты ведешь хозяйство и воспитываешь детей.

Джоан тогда обиделась — сильно обиделась. Разговаривать таким тоном совсем не в духе Родни. Тогда они едва не поссорились.

И все из-за надоедливого старика Ходдесдона. Родни просто помешался на этом старом пне. Днем по воскресеньям он ходил на ферму, беседовал с Ходдесдоном и возвращался домой, набитый сведениями о видах на урожай, болезнях скота и прочих совершенно неинтересных предметах.

Он даже порой донимал гостей такого рода беседами.

Джоан припомнила, как на какой-то вечеринке Родни и миссис Шерстон сидели в саду на скамейках и Родни говорил без умолку. Джоан удивилась: о чем они могут беседовать? Родни казался очень возбужденным, а Лесли Шерстон слушала с неподдельным интересом.

Оказалось, они говорили всего лишь о молочных стадах и о необходимости поддерживать в стране численность племенного поголовья.

Едва ли эта тема занимала хоть сколько-нибудь Лесли Шерстон, у которой не было ни особых познаний, ни интереса к подобного рода делам. Однако она слушала Родни очень внимательно, не отводя взгляда от раскрасневшегося и оживленного лица Родни.

— Родни, стоит ли докучать бедной миссис Шерстон такими вещами?

Тогда Шерстоны приехали в Крейминстер в первый раз — они еще не были близко знакомы.

Родни смущился, блеск в его глазах угас.

— Извините, — пробормотал он.

А Лесли Шерстон ответила быстро и резко, как она всегда говорила:

— Вы не правы, миссис Скюдамор. То, что рассказывал мистер Скюдамор, мне очень интересно.

Глаза ее сверкнули, и Джоан отметила про себя: «Да, это женщина с характером...»

И в этот момент к ним подбежала слегка запыхавшаяся Мирна Рэндолльф и выпалила:

— Родни, дорогой, вы должны прийти и сыграть сет со мной. Мы вас ждем.

Она говорила в такой очаровательно повелительной манере, какую может позволить себе только по-настоящему хорошенькая девушка, потом взяла Родни за руки, подняла его и, улыбнувшись, утащила к теннисному корту. Даже не спросила, хотел этого Родни или нет!

Мирна шла рядом с ним, привычно держа его руку и заглядывая ему в лицо.

Все это прекрасно, сердито подумала Джоан, но мужчинам не нравятся девушки, которые так на них кидаются.

А потом, внезапно ощущив странный холодок, возразила себе, что, возможно, мужчинам это и по вкусу.

Она оглянулась и увидела, что Лесли Шерстон наблюдает за ней. Но взгляд ее больше не горел гневом. Скорее казалось, что она жалеет Джоан, что было по меньшей мере неуместно.

Джоан беспокойно заворочалась на своей узкой кровати. С чего она опять вспомнила Мирну Рэндолф? А, она пыталась понять, как относятся к ней люди. Мирна, наверное, испытывала к ней неприязнь. Ну что ж, пожалуйста. Девушка такого сорта при случае разобьет чью угодно семейную жизнь!

Ну ладно, ладно, чего теперь-то горячиться и беспокоиться?

Надо вставать и завтракать. Может, для разнообразия ей приготовят яйцо-пашот? Ей так надоели эти жесткие омлеты.

— Приготовить яйцо в воде? Вы имеете в виду сварить?

Джоан сказала, что нет. Она знала по опыту, что вареное яйцо в гостинице всегда оказывается крутым, и попыталась объяснить, как готовят яйцо-пашот. Индиец покачал головой:

— Если яйцо без скорлупы положить в воду, оно все растечется. Я приготовлю для госпожи отличное жареное яйцо.

Джоан съела два отличных жареных яйца, немного подгоревших по краям, с крепкими, твердыми бледными желтками. Вообще-то, подумала она, лучше бы омлет.

Завтрак закончился слишком быстро. Джоан спросила, нет ли каких-нибудь новостей о поезде. Индиец ответил, что нет.

Значит, сегодня все то же самое. Еще один долгий день.

Но сегодня, по крайней мере, она спланирует его разумно. Вся беда в том, что до сих пор она пыталась просто убить время.

Она ощущала себя пассажиром, ожидающим поезда на железнодорожной станции, — отсюда эти нервозность и тревога.

Предположим, она будет расценивать это время как период отдыха и строгой самодисциплины. Своего рода отшельничество. Так это называют католики. Отшельники уходили от мира и возвращались духовно обновленными.

Почему бы, думала Джоан, мне тоже не искать духовного обновления?

В последнее время, пожалуй, жизнь была слишком монотонной. Чересчур приятной, чересчур легкой.

Ей привиделась тень мисс Гилби, которая стояла рядом и говорила хорошо знакомым голосом фагота: «Дисциплина!»

На самом деле это она сказала Бланш Хэггард. Джоан же она заявила, правда, не слишком любезно:

— Не будь самодовольной, Джоан.

Это было несправедливо. Джоан вовсе не была самодовольной — не настолько она глупа. «Думай о других, моя дорогая, и не слишком много о самой себе». Что ж, она так и делала — всегда думала о других. Она редко думала о себе — и никогда не ставила себя на первое место. Она всегда была бескорыстной — заботилась о детях, о Родни.

Эверил!

Почему она вдруг подумала об Эверил?

Почему так ясно представила себе лицо старшей дочери — с вежливой, слегка презрительной улыбкой?

Нет сомнения, Эверил никогда должным образом не ценила свою мать. Ее слова, весьма саркастические, порой сильно раздражали. Нет, она не грубила, но...

А что но?

Этот спокойный, оценивающий взгляд, приподнятые брови. То, как Эверил тихо уходила из комнаты.

Конечно, Эверил ее любила, все дети ее любили...

Любили ли?

Любили ли дети ее – было ли им вообще до нее дело?

Джоан приподнялась в кресле, потом села опять.

Откуда такие мысли? Что ее заставляет об этом думать? Такие пугающие, неприятные мысли. Выбрось их из головы, старайся не думать об этом...

Голос мисс Гилби – пиццикато...

– Не ленись думать, Джоан. Не оценивай все только с внешней стороны, потому что это проще и приносит меньше боли...

Может, поэтому-то она и гонит от себя эти мысли? Потому что боится боли?

Эверил...

Любила ли Эверил ее? Была ли Эверил – ну, Джоан, смотри правде в глаза, – была ли Эверил хоть немного привязана к ней?

Ну, правда состоит в том, что Эверил была довольно своеобразной девочкой – холодной, бесчувственной.

Нет, пожалуй, не бесчувственной. Эверил – единственная из троих детей – доставляла им настоящие неприятности.

Холодная, послушная, спокойная Эверил. Какой же удар их ждал! Какой удар!

Джоан распечатала письмо без всякой задней мысли. Оно было написано безграмотно, корявым почерком, и она решила, что оно от одного из многих пенсионеров, которым она покровительствовала.

Она читала, почти ничего не понимая:

«Хочу сообщить, как разводит шашни ваша старшая дочь с др в Санитурume. Целуются в кустах какой позор и это надо прекратить».

Джоан с отвращением уставилась на грязный клочок бумаги.

Как гнусно, как омерзительно...

Она слышала об анонимных письмах, но никогда их раньше не получала.

Ваша старшая дочь – Эверил? Неужели Эверил? Разводит шашни (отвратительное выражение) с др в Санитурume. «Др» – доктор Каргилл? Этот знаменитый специалист, добившийся таких успехов в лечении туберкулеза, человек, который по крайней мере лет на двадцать старше Эверил и у которого очаровательная больная жена.

Какая чушь! Какая мерзкая чушь.

В этот момент в комнату вошла Эверил и лишь с легким любопытством – Эверил никогда не проявляла искренней заинтересованности – спросила:

– Что-нибудь случилось, мама?

Сжимая дрожащей рукой письмо, Джоан едва смогла ответить:

– Я думаю, мне лучше даже не показывать его тебе, Эверил. Это... это такая мерзость.

Голос задрожал. Эверил спокойно подняла тонкие брови, изображая удивление:

– Что-нибудь в письме?

– Да.

– Обо мне?

– Тебе лучше его даже не видеть, дорогая.

Но Эверил, пройдя через комнату, спокойно взяла письмо у нее из руки.

Постояла с минуту, читая его, потом вернула его и сказала задумчивым, бесстрастным голосом:

– Да, не очень приятно.

– Неприятно? Это омерзительно – совершенно омерзительно. Надо подавать в суд за такую ложь.

– Это противное письмо, но это не ложь, – спокойно произнесла Эверил.

Комната закружилась перед глазами Джоан.

– Что ты имеешь в виду, что ты можешь иметь в виду? – выдохнула она.

– Не надо поднимать такой шум, мама. Мне жаль, что ты узнала об этом подобным образом, но полагаю, что рано или поздно ты должна была узнать.

– Ты хочешь сказать, что это правда? Что ты и доктор Каргилл...

– Да. – Эверил мотнула головой.

– Но это же безнравственно, позорно. Человек его возраста, женатый – и ты, молодая девушка...

– Не надо разыгрывать площадной мелодрамы, – нетерпеливо оборвала ее Эверил. – Все совсем не так. Это происходило очень постепенно. Жена Руперта – инвалид, на протяжении уже многих лет. Мы – ну, нас просто потянуло друг к другу. Вот и все.

– Ничего себе все!

У Джоан было много что сказать, и она сказала. Эверил лишь пожимала плечами и не прерывала этот поток излияний. Потом, когда Джоан закончила свою речь и умолкла, заметила:

– Я ценю твою точку зрения, мама. Могу сказать, что на твоем месте я чувствовала бы то же самое – хотя не думаю, что сказала бы кое-что из того, что говорила ты. Но факты есть факты. Руперт и я любим друг друга. Мне жаль, но на самом деле я не вижу, что ты здесь можешь поделать.

– Поделать? Я поговорю с отцом – сейчас же.

– Бедный отец. Стоит ли тебе его этим беспокоить?

– Я уверена, он знает, как тут быть.

– Он не может ничего сделать. Это просто его ужасно встревожит.

Это было началом скандала.

В самый разгар бури Эверил оставалась хладнокровной и, казалось, ни о чем не беспокоилась.

И в то же время упрямо стояла на своем.

Джоан снова и снова повторяла Родни:

– Я не могу избавиться от ощущения, что с ее стороны это игра. У Эверил просто не может быть никакого сильного чувства.

Но Родни качал головой:

– Ты не понимаешь Эверил. В ее чувствах меньше эмоций, чем души и сердца. Если она любит, то любит так глубоко, что вряд ли когда-нибудь сможет забыть.

— О, Родни, я действительно думаю, что все это ерунда. В конце концов, я лучше тебя знаю Эверил. Я ее мать.

— Это не значит, что ты знаешь о ней абсолютно все. Эверил всегда что-нибудь недоговаривает — по необходимости. Испытывая сильное чувство, она намеренно приуменьшает его на словах.

— Мне это кажется неестественным.

— Можешь мне поверить, что это так, правда.

— По-моему, ты преувеличиваешь, а на самом деле это просто глупое увлечение школьницы. Ей это льстит, ей нравится воображать...

Родни ее перебил:

— Джоан, дорогая, бесполезно убеждать себя, говоря то, во что ты сама не веришь. Любовь Эверил к Каргиллу серьезна.

— Тогда ему должно быть стыдно.

— Да, люди так скажут. Но поставь себя на место этого бедняги. Больная жена и, с другой стороны, пыл и красота юного и щедрого сердца Эверил, жар и свежесть ее души.

— Он же на двадцать лет старше ее!

— Я знаю. Будь он на десять лет помоложе, искушение не стало столь непреодолимым.

— Он, наверное, ужасный человек — совершенно ужасный.

— Да нет. Это прекрасный и очень гуманный человек, человек, страстно влюбленный в свою профессию, который сделал действительно выдающееся открытие.

Он всегда был неизменно добрым и мягким по отношению к жене.

– Ты пытаешься сделать из него святого.

– Вовсе нет. Кстати, большинство святых, Джоан, испытывали свои искушения. Они редко бывали бесчувственными и холодными. Но Каргилл – обычный человек. Обычный настолько, чтобы влюбиться и страдать. Настолько, чтобы разрушить свою жизнь – и бросить дело, которому отдавал все силы. Тут уж как сложится.

– Сложится что?

– Все зависит от нашей дочери, – медленно произнес Родни. – От того, насколько она сильна и проницательна.

– Мы должны увезти ее отсюда, – решительно заявила Джоан. – Может быть, отправить ее в круиз? В северные столицы или в Грецию? Что-нибудь в этом духе.

– Ты вспомнила, как поступили с твоей старой школьной подругой Бланш Хэггард, – улыбнулся Родни. – В ее случае это не слишком хорошо помогло.

– Ты полагаешь, что Эверил рванет назад из какого-нибудь порта?

– Скорее Эверил вообще никуда не поедет.

– Чепуха. Мы должны настоять.

– Джоан, дорогая, постарайся посмотреть правде в глаза. Ты не можешь применять силу к взрослой девушке. Мы не в силах ни запереть Эверил в спальне, ни заставить ее уехать из Крейминстера, – и я не хочу делать ни того, ни другого. Это лишь полумеры. Эверил убедит только то, к чему она питает уважение.

– Что же?

– Правда.

– Почему бы тебе не пойти к Руперту Каргиллу и не пригрозить ему скандалом?

Родни опять вздохнул:

– Я боюсь, ужасно боюсь, Джоан, торопить события.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что Каргилл все бросит, и они вместе уедут.

– Но разве это не будет концом его карьеры?

– Несомненно. Я не думаю, что ему припишут нарушение профессиональной этики, но в его особых обстоятельствах люди от него отвернутся.

– Тогда, если он осознает это...

– Он сейчас не совсем в себе, – нетерпеливо возразил Родни. – Неужели ты совсем ничего не понимаешь в любви, Джоан?

– В такого рода любви – нет, могу тебя заверить...

И тут Родни ее удивил. Он улыбнулся ей и очень тихо сказал:

– Бедняжка Джоан.

Поцеловал ее и спокойно ушел.

Да, подумала она, хоть он чувствует, как она страдает из-за всех этих передряг.

Да, действительно, это было беспокойное время. Эверил молчала, ни с кем не разговаривала – иногда даже не отвечала, когда к ней обращалась мать.

Я сделала все, что могла, думала Джоан. Но если тебя даже не хотят слушать...

Бледная, нудно вежливая Эверил говорила:

— В самом деле, мама, зачем все это? Разговоры, разговоры, разговоры... Я принимаю во внимание твою точку зрения, но неужели ты не понимаешь, что, что бы ты ни говорила или ни делала, это ничего не изменит?

Так все и шло до того сентябрьского дня, когда Эверил с лицом, которое было бледнее обычного, обратилась к родителям:

— Думаю, мне лучше сказать вам. Руперт и я считаем, что больше так продолжаться не может. Мы вместе уезжаем. Надеюсь, его жена даст ему развод. А если нет, это неважно.

Джоан начала возмущаться, но Родни остановил ее:

— Позволь мне, Джоан. Эверил, я хочу поговорить с тобой. Пошли ко мне в кабинет.

С едва заметной улыбкой Эверил сказала:

— Ты совсем как директор школы, отец.

Джоан взорвась:

— Я мать, Эверил, я настаиваю...

— Пожалуйста, Джоан. Я хотел бы поговорить с Эверил наедине. Не будешь ли ты добра оставить нас?

В голосе Родни было столько спокойной решимости, что Джоан уже собиралась выйти из комнаты, но ее остановил спокойный и звонкий голос Эверил:

— Не уходи, мама. Я не хочу, чтобы ты уходила. Пусть отец все скажет при тебе.

Ну, это, по крайней мере, означает, что мать для нее что-то значит.

Какими же странными взглядами обменялись Эверил с отцом: подозрительными, оценивающими, недружелюбными, как два соперника на сцене.

Потом Родни слегка улыбнулся и сказал:

— Я начинаю. Боишься?

Эверил ответила спокойно и немного удивленно:

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, отец.

А Родни вдруг ни к месту заметил:

— Жаль, что ты не мальчишка, Эверил. Порой ты бываешь совершенно ужасна, как мой дядя и твой дед Генри. У него был изумительный дар скрывать слабости собственной позиции и выставлять напоказ слабости оппонента.

— В моей позиции нет никакой слабости, — быстро ответила Эверил.

— Я докажу тебе, что есть, — возразил Родни.

— Ты ни в коем случае не должна поступать небрежно и глупо, Эверил, — взвилась Джоан. — Мы с отцом не допустим этого.

При этих словах Эверил чуть улыбнулась и посмотрела не на мать, а на отца, сделав вид, будто замечание относилось к нему.

— Пожалуйста, Джоан, предоставь это мне, — проговорил Родни.

— Я считаю, — заметила Эверил, — что у мамы есть полное право говорить то, что она думает.

— Спасибо, Эверил, — сказала Джоан. — Я как раз собираюсь это сделать. Моя дорогая дочь, пойми: то, как ты хочешь поступить, совершенно недопустимо. Ты молода, романтична и все видишь в ложном свете. О том, что сейчас ты делаешь под влиянием минуты, ты будешь горько сожалеть впоследствии. И подумай, какое горе ты причинишь отцу и мне. Ты об этом подумала? Я уверена, что ты не хочешь причинять нам боли, — мы всегда тебя нежно любили.

Эверил вполне терпеливо слушала, но не отвечала. Она не отрывала глаз от лица отца.

Когда Джоан закончила, она все еще смотрела на Родни, и на ее губах играла едва заметная, насмешливая улыбка.

— Ну, отец, — спросила она, — тебе есть что-нибудь добавить?

— Не добавить, — ответил Родни. — Я сам хочу кое-что сказать.

Эверил вопросительно посмотрела на него.

— Эверил, — осведомился Родни, — ты хорошо понимаешь, что такое брак?

Глаза Эверил слегка расширились. Она помолчала немного, потом уточнила:

— Ты хочешь сказать мне, что брак заключается на Небесах?

— Нет, — произнес Родни. — Можно считать брак таинством или не считать. Я хочу сказать тебе, что брак — это договор.

— Ой, — вырвалось у Эверил.

Казалось, она немного, совсем немного ошеломлена.

– Брак, – продолжал Родни, – это договор, который заключается двумя дееспособными людьми, отдающими себе отчет в том, на что они идут. Это договор о сотрудничестве, и стороны берут на себя определенные обязательства, а именно: поддерживать друг друга в любых ситуациях – будь люди здоровы или больны, бедны или богаты, в лучшие времена и в худшие.

Эти слова произносятся в церкви при одобрении и благословении священника, но тем не менее они представляют собой договор, так как любое соглашение, которое добровольно заключается между двумя людьми, является договором. Несмотря на то что некоторые из принятых обязательств не обеспечиваются правовой санкцией судов, тем не менее люди, которые взяли их на себя, не вправе их нарушать. Думаю, ты согласишься, что это справедливо.

Последовала пауза, потом Эверил сказала:

– Может быть, так когда-то и было. Но в наши дни на брак смотрят по-другому, многие не венчаются в церкви и не произносят слова из церковной службы.

– Возможно. Но восемнадцать лет назад Руперт Каргилл взял на себя обязательства, произнеся эти слова в церкви, и ты не станешь отрицать, что он говорил эти слова чистосердечно и собирался им следовать.

Эверил пожала плечами.

– Ты признаешь, – продолжал Родни, – что Руперт Каргилл заключил договор, хотя и не обеспеченный законом, с женщиной, которая стала его женой? В то время он осознавал возможность бедности и болезни и прямо

заявил, что они не окажут влияния на постоянство его обязательств.

Эверил побледнела:

– Я не понимаю, к чему ты клонишь.

– Я хочу добиться от тебя признания того, что брак, если отрешиться от всех сентиментальностей, представляет собой деловое соглашение. Ты признаешь это?

– Признаю.

– И Руперт Каргилл собирается разорвать этот договор при твоем молчаливом согласии?

– Да.

– Не считаясь с законными правами и интересами другой стороны?

– С ней все будет нормально. Не так уж она и любит Руперта. Думает только о своем здоровье и...

– Я не хочу сантиментов, Эверил, – перебил Родни.

– Я говорю о фактах.

– Я не сентиментальна.

– Сентиментальна. Ты понятия не имеешь о мыслях и чувствах миссис Каргилл. Ты их представляешь себе так, чтобы они устраивали тебя.

Я от тебя хочу только одного: признания того, что у нее есть свои права.

Эверил вскинула голову:

– Очень хорошо. У нее есть права.

– В таком случае ты хорошо представляешь себе, что ты собираешься сделать?

– Ты закончил, отец?

– Нет, я хочу сказать еще одно. Ты ведь отдаешь себе отчет в том, что Каргилл ведет очень ценную и важную работу и его методы лечения туберкулеза дали поразительные результаты и сделали его выдающейся фигурой в мире медицины, и в том, что его личные дела могут повлиять на его карьеру. Работа Каргилла, настолько полезная для людей, сильно пострадает, если не сказать погибнет из-за того, что вы собираетесь сделать.

– Ты пытаешься убедить меня в том, что мой долг отказаться от Руперта ради того, чтобы он продолжал приносить пользу человечеству? – В голосе Эверил прозвучала издевка.

– Нет, – сказал Родни. – Я думаю о нем самом. – В его голосе вдруг послышалась какая-то неистовость: – Поверь мне, Эверил, человек, который не занимается тем, чем он хочет заниматься, – тем, чем он должен заниматься, – живет только наполовину. Говорю тебе, если ты отберешь у Каргилла его работу, наступит день, когда ты увидишь того, кого ты любишь, несчастным, отчаявшимся, усталым, почти мертвецом. И если ты думаешь, что твоя любовь или любовь любой другой женщины того стоят, тогда, должен тебе откровенно сказать, ты просто глупая сентиментальная девчонка.

Он остановился. Откинулся в кресле. Пригладил рукой волосы.

– Ты говоришь мне все это. Но откуда я знаю, – пробормотала Эверил. Она запнулась и повторила: – Но откуда мне знать...

– Что это правда? Могу лишь сказать, что я считаю это правильным, и добавить, что я исхожу из собственно-

го опыта. Я говорю с тобой, Эверил, как мужчина и как отец.

— Да, — ответила Эверил. — Вижу.

— Твое дело, Эверил, подумать... — проговорил Родни уже другим, усталым и тихим голосом, — подумать о том, что я сказал тебе, и принять или отвергнуть мои слова. Я считаю, тебе хватит мужества и дальновидности.

Эверил медленно подошла к двери. Она постояла, держась за ручку, потом обернулась.

Когда она заговорила, Джоан поразила внезапная горькая мстительность, сквозившая в ее тоне.

— Не думай, — сказала она, — что я когда-нибудь буду благодарна тебе, отец. Кажется... кажется, я тебя не-навижу.

Она вышла и захлопнула за собой дверь.

Джоан сделала движение, чтобы выйти за ней, но Родни жестом остановил ее.

— Оставь ее, — произнес он. — Оставь ее. Неужели ты не понимаешь? Мы добились своего...

Глава 8

И на этом, вспоминала Джоан, все и закончилось.

Эверил ходила молчаливой, отвечала однозначно, когда к ней обращались, сама старалась ничего не говорить. Похудела и побледнела.

Месяц спустя она сказала, что хочет уехать в Лондон и поступить в школу секретарей.

Родни сразу же согласился. Эверил уехала от них, не выказав ни малейшего сожаления по поводу расставания.

Когда три месяца спустя она приехала домой на каникулы, то вела себя вполне normally, и, судя по ее словам, в Лондоне жила довольно весело.

Джоан вздохнула с облегчением и сообщила об этом Родни:

— Все прошло. Я никогда и не думала, что это по-настоящему серьезно, — просто одна из фантазий, которые бывают у глупых девчонок.

Родни посмотрел на нее, улыбнулся и сказал:

— Бедняжка Джоан.

Эта его фраза всегда ее раздражала.

— Но надо признать, в свое время ситуация действительно вызывала беспокойство.

— Да, — согласился он. — Она действительно вызывала беспокойство. Но ведь не у тебя, а, Джоан?

— Что ты имеешь в виду? Все, что касается детей, тревожит меня намного больше, чем их.

— Да? — сказал Родни. — Интересно...

Да, думала Джоан, теперь в отношениях между Эверил и ее отцом появилась некая холодность. От прежней их дружбы мало что осталось, за исключением формальной вежливости. С другой стороны, с матерью Эверил была вполне мила, на свой манер.

Пожалуй, решила Джоан, теперь, когда она не живет дома, она стала больше ценить меня.

Сама она радовалась, когда приезжала Эверил. Спокойствие старшей дочери, ее здравый смысл, казалось, немного облегчали ситуацию в доме.

Барбара стала взрослой и совершенно неуправляемой.

Джоан все больше не нравились ее приятели, она, по-видимому, готова была дружить со всеми без разбора. В Крейминстере много хороших девочек. Но Барбара, видимо, из простого упрямства не хотела общаться ни с кем из них.

— Они скучные, мама.

— Чепуха, Барбара. Я уверена, Мэри и Элисон очаровательные девочки, очень веселые.

— Они ужасны. Носят ленты.

Джоан изумленно на нее посмотрела:

— Ради бога, Барбара, о чем ты? Какая разница?

— Есть. Это что-то вроде знака.

— По-моему, ты говоришь ерунду, дорогая. А Памела Грейлинг — мы когда-то были очень дружны с ее матерью. Почему бы тебе побольше с ней не общаться?

– О, мама, с ней совсем не интересно.

– Ну а я считаю, все они очень хорошие девочки.

– Да, хорошие и мертвые. И какое мне дело до того, что ты думаешь?

– Не груби, Барбара.

– Я просто хочу сказать, что не тебе же общаться с ними. Поэтому важно то, что думаю я. Мне нравятся Бетти Эрл и Примроуз Дин, но ты всегда воротишь нос, когда я привожу их на чай.

– Откровенно говоря, дорогая, они довольно невоспитанные девочки – отец Бетти возит эти ужасные экскурсии на шарабанах, но на дочь у него просто нет времени.

– Зато у него много денег.

– Деньги – это еще не все, Барбара.

– Вопрос в том, мама, могу я сама выбирать друзей или нет?

– Конечно, можешь, Барбара, но ты должна прислушиваться и к моим советам. Ты еще очень юная.

– Значит, не могу. Как мне надоело, что мне не позволяют ничего. Это какая-то тюрьма.

Как раз в этот момент вошел Родни и спросил:

– Что тюрьма?

– Наш дом – вот что! – выкрикнула Барбара.

Но вместо того, чтобы отнестись к этому серьезно, Родни просто рассмеялся и поддразнил:

– Бедняжка Барбара – с ней обращаются как с чернокожей рабыней.

– Да.

– И совершенно правильно. Я одобряю рабство для дочерей.

И Барбара обняла отца и прошептала:

– Милый папочка, ты такой – такой смешной. Я никогда не могу долго на тебя обижаться.

Джоан начала с негодованием:

– Я надеюсь...

Но Родни только смеялся, а когда Барбара вышла из комнаты, сказал:

– Не принимай близко к сердцу, Джоан. Юным кобылкам надо немножко взбрыкнуть.

– Но эти ее ужасные друзья...

– Мимолетное увлечение внешней яркостью. Это пройдет. Не беспокойся, Джоан.

Легко говорить не беспокойся, негодующе подумала Джоан. До чего они все дойдут, если она не будет беспокоиться? Родни слишком мягок, ему не понять тревог матери.

Но все печали из-за подружек Барбары не шли ни в какое сравнение с тем, что испытала Джоан, когда зашла речь о ее кавалерах.

Джордж Хармон и этот отвратительный Уилмор, который работал в конкурирующей юридической фирме, бравшийся за самые сомнительные дела, и вдобавок слишком много пил, чересчур громко разговаривал и любил скачки. Именно с этим Уилмором Барбара исчезла из ратуши во время рождественского благотворительного вечера и вновь появилась пять танцев спустя, бросая ви-

новатые и одновременно вызывающие взгляды на то место, где сидела мать.

Они сидели на крыше, а так могли вести себя только легкомысленные девушки, сказала Барбаре Джоан, которую это очень расстроило.

— Не будь такой ханжой, мама. Это глупо.

— Я вовсе не ханжа. И могу тебе заметить, Барбара, что многие старые обычаи, касающиеся выезда молодых девушек в свет, теперь опять в моде. Юные леди не гуляют в одиночку с молодыми людьми, как это было десять лет назад.

— В самом деле, мама, можно подумать, что я провела с Томом Уилмором два дня.

— Не говори со мной так, Барбара, мне это неприятно. И я слышала, что тебя видели в пивной «Дог энд Да-к» с Джорджем Хармоном.

— О, мы просто зашли освежиться.

— Но ты же слишком молода, чтобы вести себя подобным образом. Мне не нравится, когда девушки пьют спиртное, хотя в наши дни это не редкость.

— Мы пили только пиво. А в основном играли в дартс.

— Мне это не нравится, Барбара. И более того, я этого не потерплю. Мне не нравятся Джордж Хармон и Том Уилмор, и я не хочу, чтобы они бывали у нас в доме, понятно?

— Хорошо, мама, это твой дом.

— Я вообще не понимаю, что ты в них нашла.

— Ну, я не знаю. — Барбара пожала плечами. — С ними так интересно.

— Я не желаю, чтобы ты приводила их в дом, слышишь?

Потому Джоан и была так раздосадована, когда както в воскресенье вечером Родни пригласил Джорджа Хармона домой на ужин. Со стороны Родни, считала она, это была обычная мягкотелость. Сама Джоан напустила на себя самый неприступный вид, и молодой человек был, по-видимому, довольно сильно сконфужен, несмотря на то что Родни разговаривал с ним дружески и изо всех сил старался, чтобы тот чувствовал себя непринужденно. Джордж Хармон то говорил слишком громко, то мямлил, то хвастался, то просил прощения.

Позднее в тот вечер Джоан обрушилась на Родни с упреками:

— Ты же должен понимать, что я запретила Барбаре приводить его сюда?

— Да, я знаю, Джоан, но это ошибка. Барбара не разбирается в людях. Она воспринимает только внешнее и не умеет отличать подделку от настоящего. Видя кого-то в привычной для него и чуждой для себя обстановке, она не может разобраться, что к чему. Именно поэтому ей надо общаться с людьми в привычной атмосфере. Иначе она так и будет видеть Хармана как романтического изгнаниника, а не просто глупого и хвастливого юношу, который слишком много пьет и за всю жизнь ни одного дня по-настоящему не работал.

— Я бы могла сказать ей об этом!

Родни улыбнулся:

— Джоан, дорогая, что бы ты или я ни говорили, на молодежь это не произведет никакого впечатления.

Джоан убедилась в правоте Родни, когда приехала Эверил.

На этот раз они принимали Тома Уилмора, и тот ничего не мог противопоставить холодной неприязни Эверил.

Потом Джоан уловила обрывок разговора между сестрами.

— Он тебе не нравится, Эверил?

А Эверил, презрительно пожав плечами, решительно ответила:

— Мне он кажется отвратительным. У тебя действительно ужасный вкус в отношении мужчин, Барбара.

После этого Уилмор исчез со сцены, и однажды Барбара воскликнула с полнейшей убежденностью:

— Том Уилмор? Да он же ужасен!

Джоан сама устраивала теннисные состязания и вечеринки, но Барбара упорно отказывалась в них участвовать:

— Не надо так суетиться, мама. Тебе всегда хочется кого-то приглашать. Я терпеть не могу, когда в доме чужие, а ты всегда зовешь таких дундуков.

Обидевшись, Джоан резко ответила, что в таком случае она умывает руки:

— Я не знаю, чего ты хочешь!

— Я хочу, чтобы меня оставили в покое.

Барбара – самый трудный ребенок из всех трех, сказала как-то Джоан Родни. Родни согласился, слегка нахмурившись.

– Если бы она хоть говорила, чего ей хочется, – продолжала Джоан.

– Она сама не знает. Она еще совсем юная, Джоан.

– Вот поэтому-то и надо решать за нее.

– Нет, моя дорогая, ей надо учиться жить своим умом. Просто позволь ей быть... позволь ей приводить сюда друзей, если она захочет, но не надо ничего устраивать. Именно это, по-видимому, вызывает у молодежи наибольшее отторжение.

В этом все мужчины, подумала Джоан с некоторым раздражением. Лучше оставить все как есть. Бедный, дорогой Родни, он всегда витал в облаках, а ей приходится быть практичной! И притом все говорят, что он отличный юрист.

Джоан припомнила, как однажды вечером Родни прочитал в местной газете объявление о женитьбе Джорджа Хармона на Примроуз Дин и, насмешливо улыбнувшись, откомментировал:

– Твоя давняя страсть, а, Барб?

Барбара весело рассмеялась:

– Да. Я им страшно увлеклась. Но на самом деле он полное ничтожество. Правда.

– Я всегда считал его самым заурядным, не слишком приятным молодым человеком. Не представляю, что ты могла в нем найти.

— Теперь я тоже не представляю. — В восемнадцать лет Барбара говорила беспристрастно о глупостях, совершенных в семнадцатилетнем возрасте. — Но знаешь, папа, мне действительно казалось, что я влюблена в него. Я думала, что мама постараётся разлучить нас, и тогда я с ним убегу, а если ты или мама попробуете нас задержать, тогда я суну голову в духовку и покончу с собой. Как Джульетта!

Я правда намеревалась это сделать, папа, — немного обиженно проговорила Барбара. — В конце концов, если жизнь становится невыносимой, остается только один выход — убить себя.

Джоан, не в силах больше хранить молчание, резко вмешалась в разговор:

— Не произноси таких страшных слов, Барбара. Ты не понимаешь, что говоришь!

— Я забыла, что ты здесь, мама. Конечно, ты никогда бы ничего подобного не сделала. Ты всегда была бы спокойной и рассудительной, что бы ни случилось.

— Надеюсь.

Джоан с трудом взяла себя в руки. Когда Барбара вышла из комнаты, она сказала Родни:

— Ты не должен поощрять в ребенке такой вздор.

— Она вполне могла дойти до этого сама.

— Разумеется, она никогда бы не сделала ничего такого, о чем она говорит.

Родни промолчал, а Джоан с удивлением на него посмотрела:

— Не думаешь же ты...

— Нет, конечно. Став старше, она научится контролировать свои эмоции. Но Барбара очень неуравновешена, Джоан, надо это учитывать.

— Все это настолько нелепо!

— Да, для нас — потому что у нас есть чувство меры. Но не для нее. Она всегда искренна и действует под влиянием минуты. Она не способна посмотреть на себя со стороны и лишена чувства юмора. Сексуально она не по годам развита...

— Да брось ты, Родни! Ты говоришь так, будто разбираешь дело в уголовном суде.

— Уголовные дела затрагивают живых людей, запомни.

— Но хорошо воспитанные девочки вроде Барбары не...

— Что «не», Джоан?

— Неужели мы должны разговаривать в таком тоне?

Родни вздохнул:

— Нет, разумеется. Но мне хотелось бы, да, мне очень хотелось бы, чтобы Барбара встретила какого-нибудь приличного молодого парня и по-настоящему в него влюбилась.

А потом, словно в ответ на эти мольбы, Уильям Рэй приехал из Ирака погостить у своей тетки леди Херриот.

Джоан впервые увидела его примерно через неделю после этого. Барбary не было дома, и гости провели в гостиную. Джоан с интересом взглянула на высокого, крепко сложенного молодого человека с выступающим подбо-

родком, загорелым лицом и немигающими голубыми глазами.

Покраснев, Билл Рэй пробормотал куда-то себе в воротник, что он племянник леди Херриот и что он зашел, гм, чтобы вернуть ракетку мисс Скюдамор, которую она, гм, на днях забыла.

Джоан собралась с мыслями и любезно с ним поздоровалась.

Барбара такая рассеянная, сказала она. Повсюду забывает свои вещи. Ее сейчас нет дома, но она, вероятно, скоро придет. Мистер Рэй может подождать ее и пока выпить чаю.

Мистер Рэй с явной охотой согласился, поэтому Джоан позвонила, чтобы принесли чай, и стала расспрашивать о тетушке.

Минут пять ушло на обсуждение здоровья леди Херриот, после чего разговор стал затухать. От мистера Рэя толку в этом смысле было немного. Лицо его оставалось красным, он сидел прямо и смотрел отсутствующим взглядом, словно у него что-то болело. К счастью, в этот момент принесли чай, и это его на время отвлекло.

Джоан продолжала любезно болтать, хотя это ей стоило некоторых усилий, но очень обрадовалась, когда с работы, немного раньше обычного, вернулся Родни. Он завел речь об Ираке, расшевелил парня несколькими простыми вопросами, и Билл Рэй начал понемногу успокаиваться, так что вскоре говорил почти свободно. Родни увел его к себе в кабинет. Было уже почти семь часов, когда Билл ушел, и при этом, кажется, не слишком торопился это сделать.

- Славный парень, – сказал Родни.
- Да, только очень застенчивый.
- Нет. – Родни казался довольным. – По-моему, он не всегда такой.
- Как же долго он здесь пробыл!
- Больше двух часов.
- Ты, должно быть, смертельно устал, Родни.
- О нет, я получил удовольствие. Он большой умница, этот мальчик, с необычным взглядом на вещи. Философский склад ума. У него есть и характер, и голова на плечах. Да, он мне понравился.
- Должно быть, и ты ему понравился, раз он разговаривал с тобой так долго.

На лице Родни выразилось удивление.

– Он оставался не для того, чтобы разговаривать со мной. Он надеялся, что вернется Барбара. Ты что, Джоан, не распознаешь любовь, когда ее видишь? Бедный парень сгорал от смущения. Потому он и был красным как свекла. Ему, наверное, понадобилось много усилий, чтобы уговорить себя прийти сюда, – а когда пришел, его леди и нет. Это один из случаев любви с первого взгляда.

Вскоре, как раз к обеду, вернулась Барбара. Джоан сказала:

- У нас был один из твоих приятелей, Барбара, племянник леди Херриот. Он принес твою ракетку.
- О, Билл Рэй? Он ее нашел-таки? Мы как-то вечером никак не могли ее найти.

— Он ждал тебя некоторое время, — сказала Джоан.

— Жаль, что я его не застала. Я ходила в кино с Крэббами. На редкость глупый фильм. Вам Билл не очень надоел?

— Нет, — ответил Родни. — Он мне понравился. Мы говорили о политике на Ближнем Востоке. Думаю, тебе было бы скучно.

— Я люблю слушать о далеких странах. Мне очень хотелось бы попутешествовать. Так надоело сидеть в Крейминстере. Билл, по крайней мере, особенный.

— Можно поступить учиться, — предложил Родни.

— Учиться! — Барbara сморщила нос. — Ты знаешь, папа, я такая лентяйка. Я не люблю работать.

— Думаю, так могли бы сказать большинство людей, — заметил Родни.

Барbara бросилась к нему и обняла:

— Ты слишком много работаешь. Я всегда так думала. Это стыд! — Потом, отпустив его, она сказала: — Я позвоню Биллу. Он говорил что-то насчет того, чтобы пойти на скачки в Марсдене...

Родни стоял и смотрел ей вслед, когда она направилась к телефону в конце коридора. Взгляд его был вопросительным и исполненным сомнения.

Родни понравился Билл Рэй, да, несомненно, он ему понравился сразу. Тогда почему же он был так встревожен, так обеспокоен, когда однажды Барbara влетела и объявила, что они с Биллом помолвлены и собираются в ближайшее время пожениться, чтобы она могла уехать с ним в Багдад?

Билл был молод, имел хорошие связи, собственные деньги и неплохие перспективы. Почему Родни тогда стал возражать и настаивать на том, чтобы они отложили свадьбу? Почему он ходил и хмурился неуверенно и растерянно?

И почему потом, прямо накануне бракосочетания, произошла та внезапная вспышка, когда он утверждал, что Барбара слишком молода? Ну что ж, Барбара отмела это возражение, а через шесть месяцев после того, как она вышла замуж за своего Билла и уехала в Багдад, Эверил тоже объявила о помолвке с биржевым маклером, человеком по имени Эдвард Харрисон Уилмотт.

Это был спокойный, приятный человек лет тридцати четырех, очень состоятельный.

Ну вот, думала Джоан, все постепенно устраивается. Родни довольно спокойно отнесся к помолвке Эверил, а когда она на него нажала, сказал: «Да, да, лучше и быть не может. Прекрасный парень».

После того как Эверил вышла замуж, Джоан и Родни остались в доме одни.

Тони учился в сельскохозяйственном колледже, потом провалил экзамены и вообще причинял им много беспокойства, но наконец уехал в Южную Африку, где у одного из клиентов Родни была большая апельсиновая ферма.

Тони писал им восторженные письма, хотя и не слишком длинные. В очередном письме сообщил о своей помолвке с девушкой из Дурбана. Джоан сильно расстроилась, что ее сын женится на девушке, которую они в глаза не видели. Денег у нее тоже не было, и вообще,

сказала она Родни, что они о ней знали? Совершенно ничего.

Родни ответил, что это дело Тони и надо надеяться на лучшее. Судя по фотографиям, которые прислал сын, она симпатичная девушка и, кажется, готова вместе с Тони начинать с нуля в Родезии.

— И я полагаю, они теперь проживут там всю жизнь и едва ли когда-нибудь приедут домой. Следовало заставить Тони пойти работать в фирму — как я в свое время говорила!

Родни улыбнулся и посетовал, что у него не слишком хорошо получается заставлять людей что-либо делать.

— Нет, правда, Родни, ты должен был настоять. Он бы скоро успокоился. Часто так бывает.

Да, ответил Родни, это правда. Но риск слишком велик.

— Риск? — Джоан не поняла. Что он имеет в виду?

Родни ответил, что имеет в виду риск того, что мальчик не будет счастлив.

Джоан заметила, что ее порой выводят из себя все эти разговоры о счастье. Как будто больше никто ни о чем не думает. Счастье — не единственное, что есть в жизни. Есть и другие вещи, намного более важные.

— Какие, например? — спросил Родни.

— Ну, — ответила Джоан после минутного колебания, — долг.

Родни заявил, что, безусловно, никто не должен стать адвокатом.

Джоан, немного раздраженная, бросила, что он наверняка прекрасно понимает, о чем идет речь. Долг Тони состоит в том, чтобы радовать отца и не разочаровывать его.

– Тони меня не разочаровал.

Но конечно же, воскликнула Джоан, Родни не нравится то, что его единственный сын живет на краю света и они, возможно, никогда его не увидят.

– Да, – со вздохом признал Родни. – Я очень скучаю по Тони. В доме было такое солнечное, радостное создание. Да, я по нему скучаю...

– Вот и я о том же. Тебе надо было проявить твердость!

– В конце концов, Джоан, это его жизнь. А не наша. Наша закончена, исчерпана, хочешь ты того или нет.

– Ну да, я полагаю, в какой-то мере это так. – Она с минуту подумала и потом добавила: – Что ж, это была очень приятная жизнь. Она, конечно, такой и осталась.

– Я рад этому.

Он ей улыбнулся. У Родни была приятная улыбка, дразнящая. Иногда казалось, что он улыбается чему-то такому, чего ты сама не видишь.

– Дело в том, – сказала Джоан, – что мы с тобой правда очень подходим друг другу.

– Да, мы не так уж многоссорились.

– Потом нам повезло с детьми. Было бы ужасно, если бы они пошли по плохой дорожке, были несчастны или что-то такое.

– Смешная ты, Джоан, – сказал Родни.

– Но, Родни, ведь правда, это было бы очень горько.

– Не думаю, чтобы что-нибудь огорчило тебя надолго, Джоан.

– Ну... – Она задумалась. – Конечно, меня очень трудно вывести из равновесия. Знаешь, я думаю, долг каждого – не поддаваться обстоятельствам.

– Восхитительное и очень удобное качество.

– Ведь это приятно, не правда ли, – улыбнулась Джоан, – чувствовать, что добился успеха?

– Да, – вздохнул Родни. – Это, должно быть, действительно приятно.

Джоан засмеялась и легонько потрясла его за плечо:

– Не скромничай, Родни. Ни у одного здешнего юриста нет большей практики, чем у тебя. Она намного больше, чем была во времена дяди Генри.

– Да, у фирмы хорошо идут дела.

– А с появлением нового компаньона капитал увеличится. Ты собираешься завести нового компаньона?

Родни покачал головой:

– О да, нам нужна свежая кровь. И Олдерман, и я стареем.

Да, это верно, подумала Джоан. У Родни в волосах появилось много седины.

Джоан поднялась и посмотрела на часы.

Это утро проходило довольно быстро, и уже не было этого хаотического кружения мыслей в голове.

Что ж, это свидетельствует о том, что ключевым действительно было слово «дисциплина». Привести свои мысли в порядок, вспоминать только о приятном. Вот она и сделала это сегодня утром — и видите, как быстро это утро прошло. Часа через полтора уже будет обед. Может, стоит немножко пройтись, не уходя далеко от гостиницы? Хоть какое-то разнообразие, перед тем как вернуться и опять есть эти горячие, тяжелые блюда.

Джоан пошла в спальню, надела свою фетровую шляпу и вышла.

Мальчик-араб стоял на коленях, обратив лицо в сторону Мекки, наклоняясь и распрямляясь в монотонном гнусавом песнопении.

Подошедший индиец назидательно сказал за спиной Джоан:

— У него послеполуденная молитва.

Джоан кивнула. Она не нуждалась в этих объяснениях, поскольку сама прекрасно видела, чем занят мальчик.

— Он говорит, что Аллах всеблаг и милостив.

— Я знаю, — ответила Джоан и решительно пошла к проволочной ограде вокруг вокзала.

Она вспомнила, как на ее глазах шесть или семь арабов пытались сдвинуть с места полуразвалившийся «форд», застрявший в песке, причем все тянули в разных направлениях, а ее зять Уильям объяснял ей, что вдобавок к этим искренним, но бесполезным усилиям они с надеждой произносили: «Аллах милостив».

Аллах, подумала Джоан, должен быть на свете, поскольку только чудо может вызволить машину, которую все тянут в разные стороны.

Любопытно, что все участники этого действия получали от него удовольствие. Воля Аллаха, говорили они и не предпринимали ничего разумного для достижения цели.

Нет, такой образ жизни Джоан не устраивает. Она предпочитает думать и планировать. Хотя, возможно, если жить на таком островке в вакууме, какой является собой Тель-абу-Хамид, в этом нет особой необходимости.

Если прожить здесь долго, размышляла Джоан, можно даже забыть, какой сегодня день недели...

Так, прикинула она, сегодня у нас, кажется, четверг... да, четверг, а я сюда приехала в понедельник вечером.

Она подошла к ограде и на некотором расстоянии за ней увидела человека с винтовкой, одетого в форму. Он прислонился к большому ящику, и она предположила, что он охраняет вокзал или границу.

Он, похоже, спал, и Джоан решила дальше неходить, а то вдруг он проснется и пальнет в нее. В Тель-абу-Хамиде, как ей казалось, такого рода вещи вполне могут случиться.

Джоан тем же путем двинулась обратно, собираясь сделать небольшой крюк и обойти гостиницу. Это позволит убить время без риска заработать новый приступ агорафобии (если это она).

Определенно, одобрительно думала Джоан, утро прошло удачно. Она перебрала мысленно все то, за что

могла быть благодарна судьбе. Эверил вышла замуж за милого Эдварда, такого трезвого, надежного человека и к тому же состоятельного; их дом в Лондоне был вполне уютным. И Барбара вышла замуж. Вот Тони – с ним не все так хорошо, хотя они на самом деле ничего не знают, – Тони не выполнил свой сыновний долг. Ему следовало остаться в Крейминстере и пойти работать в фирму «Олдерман, Скюдамор энд Уитни». Жениться на хорошей английской девушке, которая любит проводить много времени на открытом воздухе, и пойти по стопам отца.

Бедный Родни, его темные волосы покрылись сединой, но сын не станет его преемником.

Верно, Родни слишком попустительствовал Тони. Он должен был обращаться с ним жестче. Твердость – вот что требовалось. Да, думала Джоан, интересно знать, где был бы Родни, если бы я не проявила твердость? Вероятно, весь бы погряз в долгах, пытаясь взять деньги под залог, как Ходдесдон. Интересно, ценит ли Родни то, что она для него сделала...

Джоан посмотрела вперед на какую-то волнистую линию горизонта. Похоже на море! Конечно, это мираж!

Да, мираж... Вода в песках. Совсем не такой, как обычно воображают миражи, – она всегда представляла себе деревья и города или нечто другое, столь же конкретное.

Но даже такой обман заставлял задуматься: а что же такое реальность?

Мираж, повторяла она, мираж. Само словоказалось важным.

О чём она думала? Конечно, о Тони и о том, что он вырос эгоистичным и легкомысленным.

К Тони всегда было крайне трудно подступиться. Он всегда был таким рассеянным, таким молчаливым и, не переставая добродушно улыбаться, поступал всегда так, как ему нравилось. Тони никогда не любил ее так, как, по ее мнению, должен любить сын. Он явно больше был привязан к отцу.

Джоан вспомнила, как Тони в семь лет посреди ночи вошел в комнату, где спал Родни, и спокойно заявил:

— Папа, я, кажется, съел поганку, потому что у меня очень сильно болит живот, и мне кажется, что я умру. Я пришел, чтобы умереть с тобой.

На самом же деле грибы тут оказались ни при чём. Это был приступ аппендицита, мальчику сделали операцию. Но Джоан все-таки удивилась, что ребенок пошел к Родни, а не к ней. Гораздо естественнее было бы позвать маму.

Да, у Тони было много недостатков. Он ленился в школе. Отставал в спортивных состязаниях. И хотя он был очень симпатичным мальчиком и Джоан с гордостью водила бы его везде с собой, ему, похоже, никогда не хотелось никуда идти, и он завел гадкую манеру растворяться в пространстве в тот самый момент, когда Джоан его искала.

— «Зашитная окраска» — так, помнится, называла эту его способность Эверил. Тони со своей защитной окраской намного умнее нас.

Джоан не вполне понимала, что это значит, но ей это причиняло какую-то необъяснимую боль...

Джоан взглянула на часы. Не стоит бродить и перегреваться на солнце. Надо возвращаться в гостиницу. Утро прошло прекрасно – никаких случайностей, никаких неприятных мыслей, никакой агрофобии...

Какой-то ехидный голос внутри заметил: «Ты говоришь как больничная медсестра. Кем ты себя считаешь, Джоан Скюдамор? Инвалидом? Психически нездоровым человеком? И с какой стати так гордишься собой и вместе с тем ощущаешь такую усталость? Разве есть что-то исключительное в том, что ты приятно и нормально провела утро?»

Джоан вернулась в гостиницу и с радостью увидела, что к обеду для разнообразия подали консервированные груши.

Поев, она легла.

До чая можно спать...

Но спать не хотелось. Голова была ясной и свежей. Джоан лежала с закрытыми глазами, но все мышцы были напряжены, словно она чего-то ожидала... какого-то нападения.

Надо расслабиться, говорила себе Джоан, надо расслабиться. Но она не могла расслабиться. Нервы натянуты, сердце бьется, в голове теснятся неясные предчувствия.

Все это ей что-то напоминало. Она покопалась в памяти, и наконец на ум пришло верное сравнение – приемная зубного врача.

Ожидание чего-то очень неприятного, попытки переубедить себя, не думать об этом, и ощущение того, что каждая минута приближает тяжкое испытание...

Но какого испытания она ждет?

Что должно случиться?

Ящерицы, думала она, все ушли обратно в свои норы... потому что приближается гроза... затишье перед бурей... ожидание... ожидание...

Боже мой, мысли опять путались.

Мисс Гилби... дисциплина... духовное уединение...

Отшельничество! Медитация. Что-то типа повторения Ом... Теософия? Буддизм?

Нет, надо следовать своей религии. Размышлять о Боге. О любви к Богу. Богу... Отцу нашему на Небесах...

Или о своем собственном отце с его квадратно подстриженной, медного цвета бородой, глубокими проницательными голубыми глазами и любовью к тому, чтобы все в доме приводить в порядок. Доброжелательный поборник строгой дисциплины – таким был ее отец, типичный отставной адмирал. И мать – высокая, худая, рассеянная и неряшливая, с беззаботной щедростью, заставлявшей людей даже тогда, когда она их раздражала, находить ей всевозможные оправдания.

Мать приходила на вечеринки в разных перчатках, в помятой юбке, в шляпке, криво прикопотой к копне чугунного цвета волос, радовалась и ничуть не стыдилась того, что в ее наряде что-то не в порядке. А адмирал всегда сердился на дочерей, а не на жену.

– Почему вы не можете присмотреть за матерью? Как вы допускаете, чтобы она ходила в таком виде! Я не терплю бездельниц! – гремел он.

И три девочки смиренно отвечали:

— Да, папа, — а потом говорили друг другу: — Все хорошо, но мама и вправду невозможна!

Джоан, конечно, очень любила мать, но эта любовь не заслоняла от нее того факта, что на самом деле ее мать была очень утомительной женщиной, — полное отсутствие порядка и последовательности едва ли искупалось ее веселой беззаботностью и добросердечием.

Джоан поразилась, когда, разбирая бумаги матери после ее смерти, наткнулась на письмо от отца, написанное в двадцатую годовщину их свадьбы.

«Я глубоко опечален, моя милая, что не могу быть сегодня с тобой. В этом письме я хотел бы сказать тебе о том, что все эти годы означала для меня твоя любовь и что ты мне теперь дороже, чем когда-либо прежде. Твоя любовь — это благословение моей жизни, и я благодарен Богу за это и за тебя...»

Джоан никогда не думала, что ее отец испытывал такие чувства к матери...

В декабре, подсчитала Джоан, будет двадцать пять лет, как мы с Родни поженились. Серебряная свадьба. Как было бы приятно, если бы он написал такое же письмо мне...

Она мысленно составила текст:

«Моя дражайшая Джоан, я чувствую, что должен написать обо всем том, чем я тебе обязан и что ты для

меня значишь. Я уверен, ты не представляешь себе, каким благословением свыше стала твоя любовь...»

Почему-то, подумала Джоан, прервавшись на полуфразе, в это не слишком верится. Невозможно представить, чтобы Родни писал такое письмо... Как бы сильно он ее ни любил... Как бы сильно он ее ни любил...

Зачем так вызывающе повторять? Откуда этот озnob? О чем она думала до этого?

Конечно! Джоан вернулась к своим прежним мыслям. Она хотела заняться духовными размышлениями. А вместо этого думала о земных делах – об отце, матери, умерших много лет назад.

Умерли, оставив ее одну.

Одну в пустыне. Одну в этой комнате, похожей на тюремную камеру.

Где не о чем думать, кроме как о себе.

Джоан вскочила. Нет смысла лежать, если не можешь заснуть.

Она ненавидела эти комнаты с высокими потолками и маленькими, занавешенными марлей оконцами. Они берут тебя в осаду. Они заставляют тебя чувствовать себя маленькой, как насекомое. Как же Джоан хотелось оказаться в большой, просторной гостиной с приятным ярким кретоном, с потрескивающим за решеткой камином и множеством людей, людей, к которым ты можешь пойти и которые могут прийти к тебе.

О, поезд должен скоро прибыть – он не может не прибыть скоро. Или машина, или хоть что-нибудь...

— Я не могу здесь оставаться, — громко сказала Джоан. — Я не могу здесь оставаться!

(Разговаривать сама с собой, подумала она, — это очень плохой признак.)

Джоан выпила чаю и вышла прогуляться. Она чувствовала, что не может больше сидеть и думать.

Она будет ходить и не будет думать.

Мысли — вот что тебя расстраивает. Посмотри на людей, которые здесь живут, — на индийца, на арабского мальчика, на повара. Наверняка они никогда не думают.

Иногда я сижу и думаю, а иногда просто сижу...

Кто это сказал? Какой восхитительный подход к жизни!

Она не будет думать, она будет просто ходить. На всякий случай не слишком удаляясь от гостиницы — ну, просто на всякий случай...

Опишем большой круг. Потом еще один. Как зверь. Унизительно. Да, унизительно, но что делать. Ей надо быть очень, очень осторожной. Иначе...

Иначе что? Она не знала. Не имела ни малейшего представления.

Нельзя думать о Родни, нельзя думать об Эверил, о Тони, о Барбаре. Нельзя думать о Бланш Хэггард. Об алых бутонах рододендрона. (Особенно об алых бутонах рододендрона!) Нельзя думать о поэзии...

Нельзя думать о Джоан Скюдамор. Но это же я сама! Нет, не я. Да, я...

Если тебе не о чем думать, кроме как о себе, интересно, до чего можно дорыться?

— Мне неинтересно, — громко сказала Джоан.

Звук ее голоса удивил ее. Чему она так сопротивляется?

Битва, думала она, борюсь и проигрываю битву.

Но против кого? Против чего?

Неважно, думала она. Мне неинтересно...

Это хорошая фраза. Держись за нее.

Странное ощущение, словно кто-то ходит рядом с ней. Кто-то, кого она хорошо знает. Если повернуть голову... Ну, она повернула голову... Никого. Совсем никого.

Но ощущение, что рядом кто-то есть, не проходило. Родни, Эверил, Тони, Барбара — никто из них ей не поможет, никто из них не может ей помочь, никто из них не захочет ей помочь. Им нет никакого дела.

Она вернется в гостиницу и скроется от того, кто ее преследует.

Индиец стоял перед дверью. Джоан слегка покачивалась, когда шла. То, как он на нее смотрел, ее взбесило.

— Что такое? — спросила она. — В чем дело?

— Госпожа выглядит не очень хорошо. Может быть, у госпожи лихорадка?

Вот оно что. Конечно, так и есть. У нее лихорадка! Как глупо, что не подумала об этом раньше.

Джоан поспешила прошла в комнату. Надо измерить температуру и поискать хинин. Где-то у нее был хинин.

Она поставила градусник.

Лихорадка – конечно, это лихорадка! Бессвязные мысли, страхи, предчувствия, сильное сердцебиение.

Все чисто физическое.

Она вынула градусник и взглянула на него.

Температура нормальная.

Джоан еле-еле дотянула этот вечер. Она начала по настояющему о себе тревожиться. Дело было не в солнце, не в лихорадке – это нервы.

Просто нервы – так говорят люди. Она сама говорила так о других. Но она не знала, что это такое. Теперь знает. Просто нервы, вот уж действительно! Нервы – это ад! Ей нужен доктор, приятный, полный сочувствия доктор, лечебница и добрая, заботливая сестра, которая все время при ней. «Госпожу Скюдамор нельзя оставлять одну». У нее же была отмытая добела тюрьма посреди пустыни, полуграмотный индиец, слабоумный арабский мальчик и повар, который прислал ей еду из риса, консервированного лосося, печеної фасоли и сваренных вкрутую яиц.

Все не так, думала Джоан, совсем не тот уход, который необходим в моем случае...

После ужина она пошла к себе в комнату и посмотрела на пузырек с аспирином. Оставалось шесть таблеток. Она приняла их все. На завтра ей ничего не оставалось, но она чувствовала, что должна что-то предпринять. Больше никогда, думала она, я не отправлюсь в путешествие, не взяв с собой снотворного.

Джоан разделась и легла.

Как ни странно, она почти сразу же заснула.

В ту ночь ей снилось, что она бродит по большому тюремному зданию с извилистыми коридорами. Джоан пыталась выйти оттуда, но никак не могла найти дорогу, хотя ее не покидало ощущение, что она ее хорошо знает...

Надо только вспомнить, твердила она себе, надо только вспомнить.

Наутро она проснулась вполне спокойной, хотя и усталой.

— Надо только вспомнить, — повторила она.

Джоан поднялась, оделась и позавтракала.

Она чувствовала себя вполне нормально, если не считать какой-то смутной тревоги.

Наверное, все это опять скоро начнется, думала она. Ну что же, я с этим ничего не могу поделать.

Она вяло сидела в кресле. Сейчас она выйдет, но только не сразу.

Она не будет думать ни о чем конкретно — и не будет пытаться не думать. И то и другое слишком утомительно. Она просто позволит себе плыть по течению.

Главная контора фирмы «Олдерман, Скюдамор энд Уитни». Белые таблички. Имение покойного сэра Джаспера Фоукса. Полковник Этчингэм Уильямс.

Лицо Питера Шерстона, живо и нетерпеливо смотрящее из-за стола. Как же он похож на мать — нет, не совсем, — глаза Чарльза Шерстона. Этот быстрый, бегаю-

щий косой взгляд. На месте Родни я бы ему особенно не доверяла, подумала Джоан.

Смешно, что ей пришла в голову такая мысль!

После смерти Лесли Чарльз Шерстон совсем опустился. Он спился за пару месяцев. Детей забрали родственники. Третий ребенок, девочка, умерла через полгода после рождения.

Джон, старший мальчик, занимался лесом. Теперь он был где-то в Бирме. Джоан вспомнила Лесли и ее раскрашенные вручную чехлы. Если Джон, как его мать, и мечтал видеть, как что-то быстро растет, он сейчас наверняка счастлив. Джоан слышала, что дела у него идут хорошо.

Питер Шерстон пришел к Родни и попросился на работу в фирму.

— Моя мама говорила, что вы мне поможете, сэр.

Симпатичный, открытый мальчик, улыбчивый, энергичный, всегда готовый угодить — Джоан он всегда нравился больше, чем его брат.

Родни был рад взять мальчика к себе. Возможно, на это повлияло и то, что его собственный сын предпочел уехать за границу и отрезал себя от семьи.

Со временем, возможно, Родни стал бы относиться к Питеру как к сыну. Он часто бывал у них в доме и всегда очаровывал Джоан. Непринужденные, приятные манеры — совсем не такие вкрадчивые, как у его отца.

Но как-то Родни вернулся домой обеспокоенным и больным. В ответ на ее вопросы он раздраженно ответил, что ничего страшного, абсолютно ничего. А неделю спу-

стя мимоходом сообщил, что Питер уезжает – он решил пойти на авиационный завод.

– О, Родни, ты был к нему так добр. Он так нравился нам обоим!

– Да, симпатичный парень.

– А в чем проблема? Он ленился?

– О нет, у него склад ума вполне подходящий для бухгалтерской работы.

– Как и у его отца?

– Да, пожалуй. Но всех ребят в его возрасте влекут открытия – полеты и тому подобные вещи.

Но Джоан не слушала. Ее собственные слова навели ее на некую мысль. Питер Шерстон уехал очень неожиданно.

– Родни, что-нибудь было нехорошо?

– Нехорошо? Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду – ну, как его отец. Интонации у него как у Лесли, но взгляд как у отца. О, Родни, это правда, да? Он что-то такое сделал?

Помолчав, Родни ответил:

– Вышла одна небольшая неприятность.

– Со счетами? Он взял деньги?

– Мне бы не хотелось говорить об этом, Джоан. Ничего серьезного.

– Жулик, как и его отец! Странная штука наследственность.

— Очень странная. Кажется, она сработала не в том направлении.

— Ты думаешь, он мог бы быть похож на Лесли? Но и она не отличалась благоразумием, так ведь?

— Я считаю, что она была очень добросовестным и умным человеком, — сухо ответил Родни. — Она держалась за свою работу и хорошо ее выполняла.

— Бедняга.

— Мне надоело, что ты ее вечно жалеешь, — отрезал Родни. — Меня это раздражает.

— Но, Родни, это жестоко. У нее действительно была ужасно печальная жизнь.

— Я вовсе так не думаю.

— А потом смерть...

— Я не хочу, чтобы ты об этом говорила. — Он отвернулся.

Все боятся рака, подумала Джоан. Если только возможно, его называют как-нибудь по-другому — злокачественное новообразование, серьезная операция, неизлечимый недуг, нечто внутреннее. Даже Родни не любил упоминать об этом. В конце концов, никогда не знаешь — а каждый двенадцатый умирает от этого, разве нет? И часто эта болезнь нападает на самых здоровых людей. На людей, которые раньше никогда ничем не болели.

Джоан вспомнила, как она услышала эту новость от миссис Лэмберт на Маркет-сквер.

— Дорогая, вы слышали? Бедная миссис Шерстон!

— Что с ней?

– Умерла! – Это было сказано со смаком. А потом почти шепотом: – Кажется, что-то внутреннее... Оперировать было невозможно... Я слышала, она страшно мучилась. Но бодрилась. За две недели до смерти еще работала, пока ей не стали колоть морфий. Жена моего племянника видела ее полтора месяца назад. Она выглядела ужасно: худая, как щепка, но все такая же – смеялась и шутила. Мне кажется, люди всегда верят, что поправятся. Да, у нее была печальная жизнь, бедная женщина. Теперь ей, наверное, легче...

Джоан поспешила домой, чтобы рассказать Родни, но Родни спокойно ответил, что да, он знает об этом. Он оформлял ее завещание, поэтому с ним связались сразу же.

Лесли Шерстон оставила после себя не слишком много. То, что осталось, должно было быть поделено между детьми. Крейминстер взволновало ее пожелание, чтобы ее прах привезли сюда для захоронения. «Потому что я была там очень счастлива», – говорилось в завещании.

Итак, Лесли Шерстон похоронили на кладбище у церкви Сент-Мэри в Крейминстере.

Некоторые считали, что это странная просьба, потому что именно в Крейминстере ее мужа осудили за мошенничество. Но другие говорили, что это вполне естественно. До всех этих бед она жила вполне счастливо и, естественно, оглядывалась на это время, как на потерянное блаженство.

Бедная Лесли, и у всей ее семьи трагическая судьба, потому что Питер стал летчиком-испытателем и разбился.

Родни из-за этого ужасно переживал. Непонятно почему, он винил себя в смерти Питера.

— Родни, я решительно не понимаю, с чего ты взял. Это не имеет к тебе никакого отношения.

— Лесли направила его ко мне — она сказала ему, что я дам ему работу и буду о нем заботиться.

— Ну, ты так и сделал. Ты взял его в фирму.

— Я знаю.

— А он смошенничал, и ты его не наказал, ничего ему не сделал, ты сам покрыл убытки, ведь правда?

— Да, да, конечно. Но может быть, Лесли именно потому направила его ко мне, что понимала, что он слаб, как Шерстон? С Джоном все в порядке. Она поручила мне Питера, чтобы защитить слабое место. Это была странная смесь. Нечестность Чарльза Шерстона и мужество Лесли. Его командир писал мне, что он был у них лучшим пилотом — абсолютно бесстрашным, великолепным, как он выразился, с полетом. Парень добровольно вызвался испытать на самолете новое секретное устройство. Знали, что оно опасно. Потому он и погиб.

— Ну, я считаю, что это похвально, очень похвально.

Родни сухо усмехнулся:

— О да, Джоан. Но говорила бы ты это с таким удовольствием, если б погиб твой собственный сын? Хотела бы ты для Тони подобной достойной смерти?

Джоан посмотрела на него:

— Но Питер не был нашим сыном. Это совсем другое.

— Я думаю о Лесли... О том, что чувствовала бы она...

Джоан слегка поерзала в кресле.

Почему все время, пока она здесь, ее мысли постоянно вертятся вокруг этого семейства? У нее были и другие друзья, друзья, которые значили для нее гораздо больше, чем любой из Шерстонов.

Лесли никогда ей особенно не нравилась, она только ее жалела. Бедная Лесли, лежащая под каменной плитой.

Джоан задрожала. Мне холодно, подумала она, мне холодно. Кто-то переступает через мою могилу.

Но думала она о могиле Лесли Шерстон.

Здесь холодно, холодно и мрачно. Выйду на солнце. Не хочу здесь больше оставаться.

Кладбище – и могила Лесли Шерстон. И алый, тяжелый бутон, который упал с пиджака Родни.

Ломает буря майские цветы...

Глава 9

Джоан почти выбежала на солнце.

Она начала быстро ходить вокруг дома, не обращая внимания на консервные банки и на кур.

Так было лучше. Солнечное тепло.

Тепло – больше не холодно.

Она выбралась из всего этого...

Но что она подразумевает под «выбралась из всего этого»?

Джоан вдруг показалось, что рядом с ней возникла тень мисс Гилби, которая внушительным тоном говорила:

– Дисциплинируй свои мысли, Джоан. Будь более точна в выражениях. Точно реши, от чего именно ты пытаешься скрыться.

Но она не знала. Не имела ни малейшего представления.

Какой-то страх, неотступная угроза.

Что-то такое, что было всегда, ожидало, и единственное, что ей оставалось, – это вилять, крутиться, вертеться...

Да, Джоан Скюдамор, сказала она себе, ты действительно ведешь себя очень странно.

Но такими разговорами ничему не поможешь. С ней, должно быть, что-то сильно не в порядке. Это не могла быть именно агорафобия (правильно она употребляет это слово или нет?). Почему-то это ее сильно волновало, поскольку на этот раз ей не терпелось выбраться из холода.

ной комнаты – на простор и солнечный свет. Сейчас снаружи она чувствовала себя лучше.

Выходи! Выходи на солнце! Беги от этих мыслей.

Она пробыла здесь достаточно долго. В этой комнате с высоким потолком, похожей на гробницу.

Могила Лесли Шерстон и Родни...

Лесли... Родни...

Беги...

Солнечный свет...

Так холодно в этой комнате...

Холодно и одиноко...

Она ускорила шаг. Бежать от этой ужасной гробницы-гостиницы. Такой мрачной, такой давящей...

В таком доме вполне могут жить привидения.

Что за глупая мысль – это ведь совершенно новое здание, построенное всего два года назад.

Все знают, что в новом здании не может быть привидений.

И если они там есть, значит, это она, Джоан Скюдамор, привезла их с собой.

Это очень неприятная мысль...

Джоан еще ускорила шаг.

По крайней мере, с решимостью думала она, сейчас со мной никого нет. Я совсем одна. Я даже не могу никого встретить.

Как... кто это были – Стэнли и Ливингстон? Встреча в дебрях Африки.

Доктор Ливингстон, я полагаю?

Ничего подобного нет здесь. Здесь можно встретить только одного человека, и это Джоан Скюдамор.

Какая забавная идея! «Познакомьтесь с Джоан Скюдамор», «Рада познакомиться с вами, миссис Скюдамор».

Действительно интересная идея...

Познакомиться с собой...

Познакомиться с собой...

О боже, как страшно...

Джоан было до ужаса страшно...

Ее ноги сами перешли на бег. Джоан побежала вперед, немного спотыкаясь. Мысли спотыкались так же.

...Мне страшно...

...О боже, мне страшно...

...Если бы только здесь кто-нибудь был. Хотя бы кто-нибудь был со мной...

Бланш, подумала она. Как бы мне хотелось, чтобы здесь была Бланш.

Да, Бланш ей хотелось видеть...

Никто ей не близок и не дорог. Никто из ее друзей.

Только Бланш...

Бланш с ее беспечной и щедрой добротой. Бланш добрая. Она ничему не удивлялась и не возмущалась.

И в любом случае Бланш она нравилась. Бланш считала, что она преуспела в жизни. Бланш ее любила.

А больше никто...

Да, именно так – эта мысль все время была у нее в голове, – настоящая Джоан Скюдамор знала это, знала всегда...

Ящерицы выскаивают из нор...

Правда...

Маленькие кусочки правды, которые вылезают подобно ящерицам и говорят: «Вот и я. Ты меня знаешь. Ты знаешь меня очень хорошо. Не притворяйся, что не знаешь».

И она действительно их знала – это было самой ужасной частью правды.

Она могла узнать каждую из ящериц. Ухмыляющихся ей, смеющихся над ней.

Все эти маленькие кусочки правды. Они все время вставали у нее перед глазами с тех пор, как она оказалась здесь. Все, что надо было сделать, – это соединить их вместе.

История ее жизни – подлинная история Джоан Скюдамор...

Вот что поджидало ее здесь...

Раньше у нее не возникало потребности об этом думать. Было очень легко заполнить свою жизнь незначащими мелочами, которые не оставляли ей времени на то, чтобы разобраться в себе.

Как это сказала Бланш?

– Если на протяжении многих дней тебе не о чем думать, кроме как о себе самой, интересно, до чего можно дорваться?

И насколько же высокомерным, самодовольным, глупым был ее ответ:

— По-твоему, можно выяснить что-то такое, чего не знала раньше?

Мне иногда кажется, что ты ни о ком ничего не знаешь.

Это уже Тони.

Насколько же прав был Тони.

Она ничего не знала о своих детях, о Родни. Она их любила, но не знала.

А надо было знать.

Если ты любишь людей, ты должна о них знать.

А не знала ты потому, что гораздо легче верить в приятные, удобные вещи, в которые хотелось верить, чем терзать себя тем, что было правдой на самом деле.

Как Эверил — Эверил и боль, от которой страдала Эверил.

Она не хотела признавать, что Эверил страдала...

Эверил, которая всегда ее презирала...

Эверил, которая видела ее нас kvозь с раннего детства...

Эверил, которую жизнь сломала и искалечила, может быть, навсегда.

Но она была мужественной...

Вот чего не хватало ей, Джоан. Мужества.

«Мужество — это еще не все», — сказала как-то она.

А Родни переспросил: «Не все?...»

Родни был прав.

Тони, Эверил, Родни – они ее обвинители.

А Барбара?

Что было с Барбарой? Почему доктор молчал? Что они все от нее скрывали?

Что сделала эта девочка – эта порывистая, неуправляемая девочка, которая вышла замуж за первого человека, сделавшего ей предложение, чтобы уехать из дома?

Да, совершенно верно – именно так поступила Барбара. Она была несчастлива дома. Несчастлива потому, что Джоан не пошевельнула пальцем, чтобы сделать дом ее домом.

Она не любила Барбару, не понимала ее. Бодро и эгоистично она решала все за Барбару, не учитывая ее вкусов и желаний. Она знала ее друзей, украдкой унижая их. Неудивительно, что Барбара так уцепилась за возможность сбежать.

Она поспешила выйти замуж за Билла Рэя, хотя (как говорил Родни) не любила его. А что случилось потом?

Роман? Несчастная любовь? Скорее всего, майор Рид. Вот почему упоминание о нем вызвало такую реакцию. Подобный мужчина может очаровать глупого ребенка, еще не ставшего взрослым.

А потом в припадке отчаяния, во время одной из тех диких вспышек, к которым она была склонна с раннего детства и во время которых она теряла всякое чувство меры – да, именно так, – Барбара попыталась лишить себя жизни.

И она была очень, очень больна – опасно больна.

Знал ли об этом Родни? – подумала Джоан. Он явно пытался отговорить ее от поездки в Багдад.

Нет, конечно, Родни не знал. Иначе он бы ей рассказал. А может быть, и нет, не рассказал бы. Он делал все возможное, чтобы убедить ее остаться дома.

Но она решила твердо. Нельзя же не поехать к бедному ребенку.

Конечно, похвальный порыв.

Только не есть ли это лишь часть правды?

Не прельщало ли ее больше само путешествие – возможность увидеть новые места, переменить обстановку? А заодно сыграть роль любящей матери. Да, она так и видела себя – очаровательную, полную жизни женщину, которую радостно встречают ее бедная дочь и встревоженный зять. Как замечательно, скажут они, что ты к нам примчалась.

На самом деле, конечно, они не радовались. Откровенно говоря, они растерялись. Предупредили доктора, сами держали язык за зубами и делали все возможное и невозможное, чтобы она не узнала правду. Они не хотели, чтобы она знала, потому что они ей не доверяли. Барбара ей не доверяла. Как скрыть случившееся от матери – вот что больше всего ее тревожило.

С каким же облегчением они вздохнули, когда Джоан объявила, что должна возвращаться. Они очень хорошо притворялись, вежливо предлагая оставаться еще. Но когда в какой-то момент она сказала, что подумает об этом, как же быстро Уильям начал ее отговаривать.

На самом деле единственное хорошее, чего она добилась своей поездкой на Восток, было то, что Барбара и

Уильям объединились в своих усилиях избавиться от нее и сохранить тайну. Как ни странно, от ее визита будет какой-то толк. Джоан вспомнила, как Барбара, все еще очень слабая, часто просительно смотрела на Уильяма и Уильям поспешно начинал болтать невесть что, чтобы замять очередной бестактный вопрос Джоан.

А Барбара смотрела на него с благодарностью — с любовью.

Они стояли на платформе и провожали ее. И Джоан помнила, как Уильям держал Барбару за руку, а Барбара чуть опиралась на его плечо.

«Держись, дорогая, — вот что хотел сказать он. — Уже все — она уезжает...»

Сейчас поезд уйдет, и они вернутся в свой дом с террасой в Олвэе, будут играть с Мопси — они очень любят Мопси, очаровательного ребенка, — такую смешную карикатуру на Уильяма. Барбара скажет: «Слава богу, она уехала, и наш дом опять принадлежит нам».

Бедный Уильям, который так любит Барбару и который, наверное, столько выстрадал, но сохранил в себе любовь и нежность!

«Не беспокойся о ней! — говорила Бланш. — Все с ней будет в порядке. Есть ребенок и все остальное».

Добрая Бланш пыталась успокоить ее. А она, Джоан, была совершенно спокойна.

Все, что она чувствовала, — это высокомерная, пренебрежительная жалость к своей старой подруге.

Благодарю тебя, Господи, что я не такая, как эта женщина.

Да, она даже осмелилась молиться...

А сейчас она отдала бы что угодно, чтобы с ней была Бланш!

Бланш с ее милосердием, не пытавшаяся никого судить.

В ту ночь в гостинице при железной дороге она молилась, облачившись в воображаемую мантию превосходства.

Как же ей молиться сейчас, поняв, что королева-то голая?

Джоан пошатнулась и упала на колени.

...Господи, молилась она, помоги мне...

...Я схожу с ума, Господи...

...Не дай мне сойти с ума...

...Не давай мне больше думать...

Тишина...

Тишина и солнечный свет...

И биение ее собственного сердца...

Бог, думала она, оставил меня...

...Бог мне не поможет...

...Я одна – совсем одна...

Эта ужасная тишина... Это ужасное одиночество...

Маленькая Джоан Скюдамор... глупая, суэтная, тщеславная Джоан Скюдамор...

Совсем одна в пустыне.

Христос, думала она, был один в пустыне.

Сорок дней и сорок ночей...

...Нет-нет, никто не сможет так – никто не сможет этого вынести...

Тишина, солнце, одиночество...

Ее опять охватил страх – страх перед огромным, пустынным пространством, где человек один... или один на один с Богом...

Она с трудом поднялась.

Надо возвращаться в гостиницу – обратно в гостиницу.

Индиец, арабский мальчик, куры, пустые консервные банки...

Люди.

Она обвела пустыню безумным взглядом. Ни гостиницы, ни крохотной пирамиды, на которую походил издали вокзал, ни холмов на горизонте...

Похоже, она забрела дальше, чем прежде, так далеко, что потеряла все ориентиры.

О ужас, она совсем не знает, в какую сторону идти...

Холмы – конечно, холмы не могли исчезнуть, – но по всему горизонту низкие облака... Холмы? Облака? Понять невозможно.

Она заблудилась, совсем заблудилась...

Нет, надо идти на север – правильно, на север.

Солнце...

Солнце стояло прямо над головой... По солнцу направление определить невозможно...

Она заблудилась – заблудилась, она никогда не найдет дорогу обратно...

Джоан рванулась вперед.

Сначала в одну сторону, потом, в панике, обратно. Она бегала туда-сюда дико, отчаянно.

Потом стала кричать – звать на помощь...

Помогите...

Помогите...

(Меня никто не услышит, думала она... Я слишком далеко...)

В пустыне ее крик звучал тонким блеянием. Как заблудшая овца, подумала она, заблудшая овца...

И нашел он свою овцу...

Господь Бог – мой пастырь...

Родни – зеленые пастбища, долина на Хай-стрит...

Родни, звала она, помоги мне, помоги мне...

Но Родни спускался с платформы с расправленными плечами, поднятой головой, радуясь мысли о том, что несколько недель он будет свободен... пусть ненадолго, чувствуя себя опять молодым...

Он не мог ее услышать.

Эверил – Эверил – не поможет ли ей Эверил?

Я твоя мать, Эверил, я всегда...

Но Эверил спокойно вышла бы из комнаты, возможно, сказав:

– Здесь я ничего не могу сделать...

Тони – Тони ей поможет.

Но Тони не мог ей помочь, был в Южной Африке.
Очень далеко...

Барбара – Барбара слишком больна... У нее пищевое
отравление.

Лесли, подумала она. Лесли помогла бы мне, если
бы смогла. Но Лесли умерла. Она страдала и умерла...

Бесполезно – никого...

Она опять побежала – отчаянно, куда глаза глядят,
просто лишь бы бежать...

По ее лицу, шее, по всему телу катил пот.

Это конец, подумала она.

Христос, думала она... Христос...

Христос придет к ней в пустыне.

Христос покажет ей путь к зеленой долине.

...Поведет ее с овцой...

...Заблудшей овцой...

...Раскаивающаяся грешница...

...Через долину тени...

...(Но тени нет – только солнце...)

...Веди, добрый свет. (Но солнце не было добрым...)

Зеленая долина – зеленая долина – надо найти зе-
леную долину...

Путь в нее ведет от Хай-стрит, там, в центре Крей-
министера.

Путь в нее ведет из пустыни...

Сорок дней и сорок ночей.

Прошло только три дня – значит, Христос все еще здесь.

Христос, молилась она, помоги мне...

Христос...

Что это такое?

Там – далеко справа – крохотное пятнышко на горизонте!

Это гостиница... она не заблудилась... она спасена...

Спасена...

Ноги Джоан подкосились – она бессильно упала...

Глава 10

Джоан постепенно приходила в себя...

Она чувствовала себя совершенно разбитой и больной...

И слабой, слабой, как ребенок.

Но она была спасена. Гостиница на месте. Теперь, оправившись немного, она могла встать и дойти до нее.

Но пока она еще спокойно полежит и все обдумает. Все тщательно обдумает – больше не притворяясь.

В конце концов Бог не оставил ее...

У нее больше не было этого ужасного ощущения одиночества...

Но я должна думать, сказала она себе. Я должна думать. Я должна во всем разобраться. Именно поэтому я здесь – чтобы во всем разобраться...

Ей надо было раз и навсегда понять, кто же такая Джоан Скюдамор...

Именно для этого она пришла сюда, в пустыню. В этом ослепительном свете она увидит, кем она была. Увидит правду, на которую ей не хотелось смотреть, но которую на самом деле она всегда знала.

Вчера был какой-то ключ. Может, с этого лучше и начать.

Потому что именно тогда ее в первый раз охватила паника?

Она читала стихи – вот с чего все началось.

С тобою нас весна разъединила.

Это было то самое, что заставило ее подумать о Родни, и она сказала: «Но ведь сейчас ноябрь...»

Совсем так же, как Родни в тот вечер: «Но ведь на дворе октябрь...»

В тот вечер, когда он сидел на склоне в Эшлдауне с Лесли Шерстон, — они сидели и молчали, отодвинувшись друг от друга чуть ли не на полтора метра. Даже друзья так не сидят, подумала тогда она.

Но теперь она знала — и тогда могла бы понять, — почему они сидели на таком расстоянии.

Они не смели сесть ближе...

Родни — и Лесли Шерстон...

Не Мирна Рэндольф — Мирна Рэндольф пустышка. Она нарочно пестовала этот миф о Мирне Рэндольф, потому что знала, что за этим ничего нет. Использовала Мирну Рэндольф как занавесу, чтобы прикрыть правду.

И отчасти — будь же на этот раз честной сама с собой, Джоан, — отчасти потому, что ей легче было принять Мирну Рэндольф, чем Лесли Шерстон.

Признать, что Родни увлекся Мирной Рэндольф, красивой и чувственной, перед внешностью которой мог устоять только святой, — это меньше задевало ее гордость.

Но Лесли Шерстон — Лесли, которая не была красива, молода, одевалась непонятно во что. Лесли с усталым лицом и смешной, кособокой улыбкой. Признать, что Родни мог любить Лесли — любить ее так страстно, что даже не позволял себе подойти к ней ближе чем на четыре фута, — было выше ее сил.

Отчаянное стремление, боль неудовлетворенного желания – такая сила страсти, которую сама она никогда не знала...

Все это связывало их в тот день на Эшелдауне, и Джоан почувствовала – потому и убежала так быстро и так стыдливо, ни на секунду не признавшись себе в том, что она на самом деле видела...

Родни и Лесли, молча сидящие там и даже не смотрящие друг на друга – потому что не осмеливались сделать это.

Лесли, которая так отчаянно любила Родни, что захотела быть похороненной в городе, где он жил...

Родни, который смотрел на мраморную плиту, говоря: «До идиотизма глупо думать, что Лесли Шерстон лежит под этим холодным куском мрамора». И падающий бутон рододендрона, этот алый всплеск.

«Кровь сердца, – сказал он. – Кровь сердца».

А позже:

«Я устал, Джоан. – И потом так странно: – Мы не можем все быть храбрыми...»

Он думал о Лесли, когда говорил это. О Лесли и о ее мужестве.

«Мужество – это еще не все...»

«Разве?»

А нервный срыв Родни – его причиной была смерть Лесли.

В Корнуолле он слушал чаек, не проявляя интереса к жизни и спокойно улыбаясь...

Презрительный мальчишеский голос Тони: «Ты что, вообще об отце ничего не знаешь?»

Она не знала. Она совсем ничего не знала! Потому что она решительно не хотела знать.

Лесли, глядящая в окно и объясняющая, почему она решила завести еще ребенка от Шерстона.

Родни, который тоже глядел в окно и говорил: «Лесли ничего не делает наполовину...»

Что они видели, эти двое, когда они там стояли? Видела ли Лесли яблони и анемоны в своем саду? Видел ли Родни теннисный корт и пруд с золотыми рыбками? Или они видели луга и смутные очертания деревьев на склонах Эшелдауна...

Бедный Родни, бедный усталый Родни...

Родни с его дразнящей улыбкой, Родни, который говорил: «Бедняжка Джоан...» – и всегда был добрым, любящим, никогда ее не подводил.

Ну, она была ему хорошей женой, разве нет?

Она всегда ставила на первое место его интересы...

Подожди – а так ли это?

Родни, глядящий на нее умоляющими глазами... печальными глазами. Всегда печальными глазами.

Родни, который говорил: «Откуда я мог знать, что мне это так противно?» – серьезно смотрел на нее и спрашивал: «Откуда ты знаешь, что я буду счастлив?»

Родни, молящий о жизни, о которой он мечтал, жизни фермера.

Родни, в базарный день стоявший в своем кабинете у окна и смотревший на коров.

Родни, объясняющий Лесли Шерстон про молочные породы.

Родни, сказавший Эверил: «Человек, который не занимается тем, чем он хочет заниматься, живет только на половину».

Вот что она, Джоан, сделала...

Она лихорадочно пыталась защититься от этого нового открытия.

Она хотела как лучше! Надо быть практичным! Надо думать о детях. Дело не в ней.

Но возмущение утихло.

Разве дело не в ней?

Может, суть в том, что она сама не хотела жить на ферме? Она хотела, чтобы ее дети имели все самое лучшее, но что было самым лучшим? Разве Родни не вправе был решать, что должны иметь его дети?

Разве не отец должен выбирать, какой жизнью жить его детям, в то время как мать создает для них уют и преданно следует за мужем?

На ферме, говорил Родни, детям хорошо.

Тони там наверняка понравилось бы.

Родни позаботился, чтобы Тони не мешали жить так, как он захочет.

«У меня не слишком хорошо получается, – говорил Родни, – заставлять людей что-то делать».

А она, Джоан, не постеснялась его заставить...

Но я же люблю Родни, подумала она с болью. Я люблю Родни. Так было не потому, что я его не любила...

И внезапно она осознала, что именно потому ее поступок нельзя простить.

Она любила Родни, но тем не менее совершила это.

Если бы она его ненавидела, ее можно было бы понять.

Если бы она была к нему безразлична, это не имело бы большого значения.

Но она любила его и, тем не менее, лишила его права самому строить свою жизнь.

И поэтому, потому что она беспринципно воспользовалась своим женским оружием – ребенком в колыбели, ребенком, который был внутри нее, – она отняла у него нечто такое, что он никогда не смог обрести. Она отняла у него частично его право называться мужчиной.

Потому что по мягкости характера он не оказал ей сопротивления и не подчинил ее себе, пожертвовав своим мужским достоинством...

Родни... Родни, думала она.

И еще она подумала, что не сможет ему этого вернуть... не сможет возместить... не сможет сделать ничего...

Но я люблю его – я правда его люблю...

И я люблю Эверил, Тони и Барбару...

Я всегда их любила...

(Но недостаточно, недостаточно – вот в чем суть.)

Родни – Родни, подумала она, неужели ничего не изменишь? Неужели я ничего не могу сказать?

С тобою нас весна разъединила...

Да, думала она, как много прошло времени... с той весны, с той самой весны, когда мы впервые полюбили друг друга...

Я оставалась той, кем была – Бланш права, – я осталась девочкой, которая окончила школу Сент-Энн. Легко живущей, лениво думающей, довольной собой, боящейся всего, что могло бы причинить боль...

Мне не хватает мужества...

Что же я могу сделать? – думала она. Что я могу сделать?

И ей пришло в голову: я могу пойти к нему. Я могу сказать: «Извини. Прости меня...»

Да, я могу это сказать... Я могу сказать: «Прости меня. Я не знала. Я просто не знала...»

Джоан встала. Ноги подгибались. Они были как будто чужими.

Она шла медленно и с болью – как старуха.

Шаг – еще шаг – одной ногой – потом другой...

Родни, думала она, Родни...

Какой же она чувствовала себя больной, какой слабой.

Это был долгий путь – очень долгий.

Из гостиницы навстречу ей выбежал индиец, лицо его расплывалось в улыбке. Он махал руками и бурно жестикулировал:

– Хорошая новость, госпожа, хорошая новость!

Она непонимающе посмотрела на него.

– Видите? Поезд пришел! Поезд на станции! Сегодня вечером вы уедете на поезде.

Поезд? Поезд, который увезет ее к Родни.

(«Прости меня, Родни... Прости меня...»)

Она услышала, что смеется – дико, неестественно, индиец уставился на нее, и она взяла себя в руки.

– Поезд, – сказала она, – пришел как раз вовремя...

Глава 11

Это было как сон, подумала Джоан. Да, это было как сон.

Они миновали проволочное заграждение, арабский мальчик нес ее чемоданы и громко разговаривал по-турецки с недоверчиво смотрящим на него человеком, который был начальником станции.

А чуть дальше стоял знакомый спальный вагон с высунувшимся из окна проводником в форме шоколадного цвета.

«Алеппо – Стамбул» – надпись на вагоне.

Звено, связывающее место отшельничества в пустыне с цивилизацией!

Вежливое приветствие на французском, дверь ее купе распахнута, постель уже устелена простынями, на ней лежит подушка.

Снова цивилизация...

Внешне Джоан опять стала спокойной, уверенной путешественницей, той же самой миссис Скюдамор, которая меньше недели назад уехала из Багдада. Только сама Джоан знала о той удивительной, почти пугающей перемене, которая произошла в ней.

Поезд пришел в самый подходящий момент. Именно тогда, когда те последние барьеры, которые она сама так старательно возвела, были снесены волной страха и одиночества.

Ей явилось – как это говорили в давние времена – Видение. Видение самой себя. И хотя сейчас она могла

казаться обычной английской леди, поглощенной дорожными хлопотами, ее душу терзали боль и угрызения совести, которые пришли к ней там, в тишине и беспощадном свете солнца.

Она почти машинально отвечала на вопросы индийца.

— Почему госпожа не пришла к обеду? Обед готов. Очень вкусный обед. Уже почти пять часов. Слишком поздно для обеда. Может быть, чаю?

Да, сказала она, она бы выпила чаю.

— Но куда госпожа уходила? Я выглядывал и нигде не видел госпожи. Не знаю, в какую сторону ушла госпожа.

Она зашла довольно далеко, объяснила Джоан. Дальше, чем обычно.

— Это опасно. Очень опасно. Госпожа могла заблудиться. Не знать, куда идти. Пойти не туда.

Да, подтвердила Джоан, в какой-то момент она растерялась, но, к счастью, пошла в верном направлении. Сейчас она выпьет чаю и потом отдохнет. Когда отходит поезд?

— Поезд отходит в восемь тридцать. Иногда он дождается других пассажиров. Но сегодня не будет других пассажиров. Дороги в очень плохом состоянии — в руслах полно воды, — не прорвешься.

Джоан кивнула.

— Госпожа выглядит очень усталой. Может быть, у госпожи лихорадка?

Нет, ответила Джоан, сейчас у нее нет лихорадки.

— Госпожа выглядит как-то не так.

Да, подумала она, госпожа изменилась. Возможно, это отражалось на ее лице. Она прошла в свою комнату и посмотрелась в засиженное мухами зеркало.

В чем разница? Она определенно выглядела старше. Под глазами круги, лицо покрыто желтой пылью и потом. Джоан умылась, расчесала волосы, попудрилась, накрасила помадой губы и снова посмотрелась в зеркало.

Да, определенно что-то изменилось. Изменилось выражение лица, которое смотрело на нее из зеркала. Что-то исчезло — может быть, самоуверенность?

Какой же самоуверенной она была! Она все еще испытывала то острое отвращение к себе, которое пришло к ней там, — отвращение и смирение.

Родни, думала она, Родни...

Она держалась за него как за последнюю соломинку. Рассказать ему обо всем, не щадя себя. Это важно. Вместе они попробуют жить по-новому, если еще не поздно. Она скажет: «Я дура и неудачница. Своей мудростью, своей добротой научи меня жить».

Вот так, и попросит прощения. Потому что Родни есть что ей прощать. И какое милосердие проявил Родни, что он ее не ненавидел. Неудивительно, что Родни так любили, так обожали дети (даже Эверил, подумала она, никогда не переставала любить его), что слуги старались ему угодить, что у него повсюду были друзья. Никогда в жизни, думала она, Родни не причинил никому зла.

Джоан вздохнула. Она очень устала, у нее болело все тело.

Выпив чаю, Джоан прилегла на кровать, пока не настало время поужинать и отправляться к поезду.

Теперь она не ощущала беспокойства или страха, страстного стремления найти занятие или чего-то такого, что ее отвлечет. Уже не было ящериц, которые выпрыгивали из нор и пугали ее.

Она встретила саму себя и узнала саму себя...

Теперь она хотела только отдохнуть, полежать с пустой головой и, как всегда, на дне души со смутной картиной доброго лица Родни...

И вот она в поезде. Выслушав многословные объяснения проводника о поломке на железной дороге, Джоан отдала ему свой паспорт и билет и получила от него заверения в том, что он отправит телеграмму в Стамбул с просьбой забронировать одно место в экспрессе «Симплон Ориент». Она также поручила ему послать из Алеппо телеграмму Родни. «Поездка затягивается все в порядке люблю Джоан».

Родни получит ее до предполагавшегося срока ее возвращения.

Итак, все было устроено, Джоан больше не надо было что-то делать или о чем-нибудь думать. Она могла расслабиться, как усталый ребенок.

Пять дней тишины и покоя, пока экспресс «Таурус энд Ориент» рвался вперед на запад, с каждым днем приближая ее к Родни и к прощению.

Они прибыли в Алеппо на следующее утро. До тех пор Джоан была единственным пассажиром, но теперь поезд был забит до отказа. Из-за задержек и отмен с ме-

стами случилась путаница; люди возмущались, спорили, пререкались на разных языках.

Джоан ехала первым классом, а в экспрессе «Ориент» спальные купе первого класса были двухместными.

На остановке дверь открылась, и вошла высокая женщина в черном. За ней следовал проводник, который высунулся из окна и стал принимать у носильщиков чемоданы.

Они заполонили все купе – дорогие чемоданы с отпечатанными коронами.

Высокая женщина разговаривала с проводником по-французски, указывая ему, куда поставить вещи. Наконец он ушел. Женщина обернулась и улыбнулась Джоан заученной улыбкой.

– Вы – англичанка. – Она говорила с едва заметным акцентом.

У нее было длинное, бледное, утонченно подвижное лицо и несколько странные светло-серые глаза. Джоан дала бы ей лет сорок пять.

– Прошу прощения за вторжение. Ужасно, что поезд уходит в такую рань и мне пришлось вас потревожить. Да, эти вагоны, к сожалению, старые – в новых купе отдельные. Но так или иначе, – она улыбнулась доброй, почти детской улыбкой, – мы не будем слишком действовать друг другу на нервы. До Стамбула всего два дня пути, а со мной ужиться не так уж трудно. Если я буду слишком много курить, скажите. А сейчас я оставляю вас спать, а сама пойду в вагон-ресторан, который они только что прицепили, – она слегка кивнула, словно желая

придать вес своим словам, — и подожду завтрака. Еще раз извиняюсь, что я вас побеспокоила.

— Да нет, все в порядке, — ответила Джоан. — Обычное дело.

— Я вижу, вы меня понимаете, — это хорошо, мы пойдадим.

Она вышла, и Джоан из-за закрытой двери слышала, как друзья, стоявшие на платформе, обращались к ней: «Саша, Саша» — и говорили на каком-то языке, который Джоан на слух не могла распознать.

Сама Джоан к этому времени уже совсем проснулась. Проспав ночь, она чувствовала себя отдохнувшей. Ей всегда хорошо спалось в поезде. Она встала и начала одеваться. К тому времени как поезд тронулся, она почти закончила свой туалет. Выходя, она бросила взгляд на наклейки на чемоданах своей попутчицы.

Принцесса Хохенбах Салм.

В вагоне-ресторане ее новая знакомая завтракала и весьма оживленно беседовала с невысоким, полным французом.

Принцесса приветственно помахала ей рукой и указала на место рядом с собой.

— Вы такая энергичная! — воскликнула она. — На вашем месте я бы лежала и спала. Ну а теперь, месье Бодьер, продолжайте ваш рассказ. Это весьма интересно.

Принцесса болтала по-французски с месье Бодьером, по-английски с Джоан, на беглом турецком с официантами и временами обменивалась через проход репликами на таком же беглом итальянском с довольно меланхоличным офицером.

Француз закончил свой завтрак и удалился, вежливо поклонившись.

– Вы просто полиглот, – заметила Джоан.

На вытянутом бледном лице появилась на этот раз грустная улыбка.

– Почему бы и нет? Я сама русская. Была замужем за немцем, долго жила в Италии. Я могу говорить на восьми языках – на некоторых хорошо, на некоторых не очень. Ведь разговаривать – это такое удовольствие, вы не думаете? Все люди интересны, а ты живешь на земле так мало! Надо обмениваться мыслями, опытом. На земле недостаточно любви, я так считаю. Саша, говорят мне друзья, есть люди, которых невозможно любить, – турки, армяне. А я отвечаю – нет. Я всех их люблю. Гарсон, добавки.

Джоан слегка вздрогнула, потому что последнее предложение было словно продолжением предыдущего.

Официант вагона-ресторана уважительно поспешил к ним, и Джоан поняла, что ее попутчица была важной персоной.

Все утро и день они ехали по равнине, потом начали медленно взбираться в горы.

Саша сидела в своем углу, читала, курила и время от времени делала неожиданные и порой приводящие в смущение замечания. Джоан втайне восхищалась этой странной женщиной, обитательницей другого мира, мыслившей совершенно иначе, чем она привыкла.

Смешение общих фраз и вызывающей откровенности придавало ей странное очарование.

— Вы не читаете? — спросила вдруг Саша. — И ничего не делаете руками? Не вяжете. Это нехарактерно для большинства англичанок. И в то же время вы чистой воды англичанка — не ошибешься.

Джоан улыбнулась:

— По правде сказать, читать мне нечего. Я застряла в Тель-абу-Хамиде из-за поломки на железной дороге и прочитала все книги, которые у меня были.

— И не купили ничего в Алеппо? Вы довольствуетесь тем, чтобы просто сидеть и смотреть в окно на горы, но даже их не видите — вы смотрите на что-то такое, что видите вы одна, так ведь? В вашей душе бушуют какие-то сильные чувства или вы их недавно пережили. У вас горе? Или радость?

Джоан замялась, слегка нахмурившись.

Саша рассмеялась:

— А, ну это очень по-английски. Вам кажется дерзостью, если я задаю вопросы, которые мы, русские, считаем вполне естественными. Если бы я вас спросила, где вы были, в каких отелях останавливались, что видели, есть ли у вас дети и чем они занимаются, много ли вы путешествовали, знаете ли вы хорошего парикмахера в Лондоне — вы отвечали бы с удовольствием. Но если спрошу что-нибудь, что мне хочется узнать, — не случилось ли у вас горе, верен ли вам муж, много ли вы спите с мужчинами, что было в вашей жизни самым прекрасным, ощущаете ли вы любовь Бога, — вы обиженно замкнетесь и не будете со мной разговаривать. Но ведь это все намного интереснее.

— Я полагаю, — медленно ответила Джоан, — что мы как нация очень скрытны.

— Да-да. У недавно вышедшей замуж англичанки даже нельзя спросить, не собирается ли она завести ребенка. То есть нельзя спросить за обедом. Нет, надо отвести ее в сторону и поинтересоваться шепотом. И однако, если ребенок уже есть, в колыбельке, можно спросить: «Как ваш малыш?»

— Но ведь это довольно интимные темы, разве нет?

— Нет, я так не думаю. На днях я встретила подругу, которую не видела много лет, венгерку. Мици, спросила я, ты замужем уже несколько лет, а у тебя нет детей, почему? Она ответила мне, что не может понять, в чем дело. Пять лет, сказала она, они с мужем старались изо всех сил — ох как старались! Что же им с этим делать? И поскольку разговор происходил на вечеринке за обедом, все начали давать советы. И некоторые из них были весьма практичные. Кто знает, может, из этого что-нибудь получится.

Джоан ничего не ответила.

Ей внезапно безумно захотелось излить душу этой дружелюбной, необычной чужестранке, поделиться с кем-нибудь переживаниями, через которые она прошла. На самом деле ей требовалось какое-то подтверждение их реальности, чья-то оценка.

— Да, правда, — медленно проговорила она, — я испытала довольно сильное потрясение.

— Да? Что же это было? Мужчина?

— Нет. Нечто совершенно иное.

— Я рада. Так часто переживания связаны с мужчинами — и в конце концов все становится немножко скучно.

— Я была совсем одна в гостинице в Тель-абу-Хамиде. Ужасное место — мухи, консервные банки, проволока, а внутри холодно и темно.

— Это просто спасение в летнюю жару, но я вас понимаю.

— Мне не с кем было поговорить, я скоро прочла все книги и дошла — дошла до очень странного состояния.

— Да-да, так бывает. Очень интересно. Продолжайте.

— Я начала обнаруживать какие-то вещи — в самой себе. Вещи, о которых я раньше никогда не знала. Или скорее такие, о которых я и раньше знала, но никогда не хотела их признавать. Я не могу вам этого точно объяснить...

— Да нет, можете. Это легко. Я пойму.

Интерес Саши был настолько непритворным, что Джоан начала говорить без всякого смущения. Для Саши разговоры о чьих-то чувствах или интимных отношениях были вполне естественны, и Джоан стала рассказывать в подробностях о своих беспокойствах, страхах и, наконец, панике.

— Наверное, это покажется вам нелепым, но я почувствовала, что я совсем одна — совсем, — что сам Бог меня покинул...

— Да, иногда такое чувствуешь — со мной тоже так бывало. Когда темно и очень страшно...

— Там было не темно — светло — ослепительно яркий свет — нигде не спрячешься: ни укрытия, ни тени.

— Ну, мы говорим об одном и том же. Для вас ужасен был свет, потому что вы так долго прятались в полу-мраке. А для меня это была темнота, когда я не видела ничего, потерявшись в ночи. Но ощущения одинаковы — осознание своей собственной ничтожности, оторванности от всего — и от Бога.

— А потом это случилось — подобно чуду. Я все уви-дела. Саму себя и какой я была. Все мои иллюзии развея-лись. Это было — это было как рождение заново...

Она с беспокойством посмотрела на собеседницу. Саша наклонила голову.

— И я поняла, что мне надо делать. Мне надо ехать домой и все начинать сначала. По-другому... С нуля...

Воцарилась тишина. Саша задумчиво смотрела на Джоан с каким-то странным выражением лица. Та немно-го раздраженно бросила:

— О, я полагаю, это звучит очень мелодраматично и неубедительно...

— Нет-нет, — перебила ее Саша, — вы меня не пони-маете. Ваши переживания вполне реальны — так случалось со многими: с апостолом Павлом, с другими святыми — и с простыми смертными и грешниками. Обращение. Видение. Душа, познающая собственную греховность. Да, все это реально, настолько же реально обедать или чи-стить зубы. Но я удивлюсь, если...

— Я знаю, что была жестока, причиняла боль тем, кого я люблю.

— Да-да, вас мучает совесть.

— И я так тороплюсь вернуться туда — домой, я имею в виду. Есть так много такого, что я хочу рассказать ему.

— Кому? Вашему мужу?

— Да. Он был так добр, так терпелив. Но он не был счастлив. Я не сделала его счастливым.

— И вы думаете, что вы сможете сделать его счастливым теперь?

— Мы, по крайней мере, объяснимся. Он узнает, что я раскаиваюсь. Он сможет мне помочь — о, как же это говорится? — Джоан припомнила нужные слова: — Родиться к новой жизни.

— Это под силу святым, — печально заметила Саша.

— Но я — я не святая. — Джоан пристально посмотрела на нее.

— Нет. Именно это я имела в виду. — Саша помолчала, а потом уже другим тоном добавила: — Простите, что я вам об этом сказала. И возможно, это неправда.

Джоан казалась немного смущенной.

Саша закурила еще одну сигарету и жадно затянулась, глядя в окно.

— Не знаю, — проговорила Джоан неуверенно, — зачем я вам все это рассказала...

— Это естественно, потому что вы об этом думаете и вам хотелось поговорить, это очень понятно.

— Обычно я очень сдержанна.

Саша, казалось, изумилась:

— И очень гордитесь этим, как все англичане. О, вы любопытная нация — очень занятная. Вы настолько же

стесняетесь своих достоинств, настолько готовы хвастаться своими недостатками.

— Я думаю, вы несколько преувеличиваете, — холодно заметила Джоан.

Она вдруг почувствовала, как бесконечно далека от нее, уроженки Британских островов, эта иностранка в противоположном углу купе, которой несколько минут назад она доверила свое самое сокровенное переживание.

Шаблонным голосом Джоан спросила:

— Вы поедете и дальше на «Симплон Ориент»?

— Нет, я переночую в Стамбуле, а оттуда в Вену, — ответила Саша и беззаботно добавила: — Возможно, я там умру, а может быть, и нет.

— Вы хотите сказать, — неуверенно спросила озадаченная Джоан, — что у вас есть предчувствие?

— О нет. — Саша рассмеялась. — Дело не в этом. Мне предстоит там операция. Очень серьезная операция. Не так часто она заканчивается успешно. Но в Вене хорошие хирурги. Тот, к которому я еду, он очень умный — еврей. Я всегда говорила, что было бы глупо уничтожить всех евреев в Европе. Они хорошие врачи и хирурги, да и творчески весьма одарены.

— О господи, — сказала Джоан. — Я очень сожалею...

— Что я могу умереть? Но какая разница? Каждый когда-нибудь умирает. У меня есть мысль, что, если я останусь жива, я уйду в один известный монастырь — там очень строгие порядки. Никто никогда не говорит — только бесконечные медитации и молитвы.

Джоан, впрочем, не могла представить себе Сашу вечно молчашую и погруженную в медитации.

А та уже серьезно продолжала:

— Скоро понадобится много молиться — когда начнется война.

— Война? — с изумлением переспросила Джоан.

Саша кивнула:

— Ну да, война точно будет. На будущий год или годом позже.

— Честно говоря, — сказала Джоан, — я думаю, что вы ошибаетесь.

— Нет-нет. У меня есть друзья, которые очень хорошо информированы, и они мне говорили об этом. Все уже решено.

— Но война где, против кого?

— Война повсюду. Все страны будут в нее втянуты. Мои друзья полагают, что Германия довольно быстро одержит победу, но я — я не согласна. Если только они не смогут одержать победу действительно очень и очень быстро. Видите ли, я знакома со многими англичанами и американцами и знаю, что они собой представляют.

— Но ведь, — с сомнением проговорила Джоан, — никто по-настоящему не хочет войны.

— А для чего, по-вашему, существует гитлерюгенд?

— Но и у меня есть друзья, — возразила Джоан, — которые долго пробыли в Германии, и они считают, что нацисты не так уж плохи.

— О-ля-ля! — восхликала Саша. — Посмотрим, скажут ли они это года через три. — Она наклонилась впе-

ред. Поезд подходил к станции. – Смотрите, мы подъехали к Силицианским воротам. Красиво, правда? Давайте выйдем?

Они вышли из поезда и стояли, глядя вниз на глубокое ущелье, на лежащие внизу голубые, подернутые дымкой долины...

Солнце клонилось к закату, и воздух был прохладным и звонким.

Джоан подумала: как красиво...

Как бы ей хотелось, чтобы Родни это увидел.

Глава 12

Виктория...

Джоан почувствовала, как сердце ее возбужденно забилось.

Как хорошо оказаться дома.

На мгновение ей почудилось, что она никуда не уезжала. Англия, ее родная страна. Замечательные английские носильщики... Не такой замечательный, но очень английский туманный день!

Не романтичная, не слишком красивая, но просто милая старая Виктория была такой же, как и всегда, так же выглядела и так же пахла!

О, подумала Джоан, как же я рада, что вернулась.

Такая долгая, утомительная поездка через Турцию, Югославию, Италию и Францию. Таможенники, проверка паспортов. Все в разных формах, все на разных языках. Она устала – да, действительно устала – от иностранцев. Даже эта удивительная русская женщина, которая ехала с ней от Алеппо до Стамбула, оказалась в конце концов такой утомительной. С ней было интересно – действительно очень интересно – сначала просто потому, что она совсем другая. Но к тому времени, когда они доехали до побережья Мраморного моря и Хайдар-паша, Джоан определенно не терпелось с ней расстаться. С одной стороны, ей было неловко вспоминать, как она, Джоан, откровенничала с совершенно чужим человеком о своих личных делах. С другой – это трудно выразить словами, – но рядом со своей спутницей Джоан чувствовала себя провинциалкой. Не очень приятное чувство. Было беспо-

лезно убеждать себя, что она, Джоан, ничуть не хуже ее. На самом деле она так не думала. Как ни тяжело, она осознавала, что Саша при всех ее простоте и приветливости была аристократкой, тогда как сама она – всего лишь жена сельского адвоката. Очень глупо, конечно, думать так...

Но теперь все это позади. Она снова была дома, на родине.

Ее никто не встречал, потому что она не посыпала Родни телеграмму о том, когда она приезжает.

Ей казалось, что лучше встретиться с Родни в их доме. Так легче будет начать свои объяснения, сразу, без проволочек.

Ведь нельзя же просить у изумленного мужа прощения на платформе Виктории!

Уж точно нельзя этого делать на платформе прибытия с толпами спешащих людей и таможенными кабинами в конце.

Нет, она спокойно переночует в «Гровнере», а завтра отправится в Крайминстер.

Может, попробовать встретиться с Эверил, размышляла она. Можно позвонить Эверил из гостиницы.

Да, решила Джоан. Она так и сделает.

При себе у нее были только сумка и чемодан, и поскольку Джоан уже прошла досмотр в Дувре, она смогла отправиться с носильщиком сразу в гостиницу.

Она приняла ванну, оделась и после этого позвонила Эверил. Очень удачно, что Эверил оказалась дома.

– Мама? Я и не знала, что ты вернулась.

— Я приехала сегодня днем.

— А отец в Лондоне?

— Нет. Я не сообщала ему, когда я приезжаю. Он помчался бы встречать меня — а вдруг он занят или устал?

— Да, думаю ты права. — В голосе Эверил звучало легкое удивление. — В последнее время он был очень занят.

— Ты часто с ним виделась?

— Нет. Недели три назад он приезжал на день в Лондон, и мы вместе пообедали. А как насчет сегодняшнего вечера, мама? Может быть, пойдем куда-нибудь поужинать?

— Лучше ты приезжай сюда, дорогая, если не возражаешь. Я немного устала после дороги.

— Разумеется. Хорошо, я приеду.

— А Эдвард с тобой не придет?

— У него сегодня вечером деловой обед.

Джоан положила трубку. Сердце ее билось.

Эверил, моя Эверил, думала она...

Каким холодным и ровным был ее голос... Спокойным, бесстрастным, равнодушным.

Через полчаса ей позвонили снизу и сообщили, что миссис Харрисон-Уилмотт ждет ее, и Джоан к ней спустилась.

Мать и дочь приветствовали друг друга с английской сдержанностью. Эверил хорошо выглядит, подумала Джоан. Она немного поправилась. Джоан почувствовала

смутный прилив гордости, когда шла с дочерью в ресторан. Эверил действительно выглядела изящно и изысканно.

Они сели за столик, и Джоан внутренне вздрогнула, когда ее глаза встретились с глазами дочери.

Они были такими холодными и безразличными.

Эверил, как и вокзал Виктория, не изменилась.

Это я изменилась, подумала Джоан, но Эверил об этом не знает.

Эверил спрашивала о Барбаре и о Багдаде. Джоан рассказывала о разных происшествиях по дороге домой. Непонятно почему, разговор был довольно трудным. Он как-то не клеился. О Барбаре Эверил осведомилась почти формально, словно осторожно намекая, что более относящиеся к делу вопросы могут показаться нескромными. Но откуда Эверил знать правду? Это ее обычная манера.

Впрочем, подумала Джоан, с чего я взяла, что это правда? Может быть, это только моя фантазия? В конце концов, нет никаких конкретных доказательств...

Джоан отвергла эту мысль, но сам факт того, что она пришла ей в голову, поразил ее. Она не из тех, кому может что-то мерещиться...

Эверил сказала своим равнодушным тоном:

— Эдвард вбил себе в голову, что должна начаться война с Германией.

Джоан оживилась:

— Именно об этом мне говорила и попутчица в поезде. Она заявляла с полной уверенностью. Это была довольно важная персона, и, казалось, она знает, о чем го-

ворит. Я не могу в это поверить. Гитлер никогда не осмелился начать войну.

— Ну, я не знаю, — задумчиво протянула Эверил.

— Никто не хочет войны, дорогая.

— Ну, иногда у людей случается такое, чего бы они совсем не хотели.

— По-моему, все эти разговоры очень опасны, — решительно заявила Джоан. — Они заставляют людей думать о том, о чем думать не следует.

Эверил улыбнулась.

Они продолжали беседовать довольно бестолково. После ужина Джоан зевнула, а Эверил сказала, что не будет ее больше задерживать — ведь она, наверное, устала.

Да, подтвердила Джоан, она сильно устала.

На следующий день утром Джоан сделала кое-какие покупки и села в поезд, который в 2.30 отходил в Крейминстер. Она приедет домой около четырех часов и будет ждать Родни, который к чаю придет домой из конторы...

Джоан с удовольствием смотрела в окно. Ничего особенного — обычный пейзаж для этого времени года: голые деревья, мелкий туманный дождь — но такой привычный, такой домашний. Багдад с его многолюдными базарами, с его великолепными, увенчанными золотыми куполами мечетями остался далеко позади — такой нереальный, он никогда больше не повторится. Эта долгая, фантастическая поездка, долины Анатолии, ландшафты Тавра, возвышенности, голые долины — долгий спуск по великолепным горам к Босфору, Стамбулу с их минарета-

ми, забавными повозками, запряженными быками. Италия с ее синим Адриатическим морем, которое искрилось, когда они покидали Триест, Швейцария и Альпы в меркнущем свете дня – панорама разных пейзажей – все заканчивается здесь, этой поездкой домой по тихим зимним пригородам...

Может быть, я никуда и не уезжала, подумала Джоан. Я действительно никуда не уезжала...

Она пребывала в растерянности, не могла собраться с мыслями. Встреча с Эверил накануне вечером расстроила ее – спокойный взгляд, которым Эверил на нее смотрела, холодный и равнодушный. Эверил не заметила в ней никакой перемены. Ну а в конце концов, почему она должна была что-то заметить?

Ведь внешне она не изменилась.

Очень нежно Джоан про себя сказала: «Родни...»

Опять к ней вернулся жар – горе – жажда любви и прощения...

Она подумала: это все правда... Я начинаю новую жизнь...

От станции она взяла такси. Агнес открыла дверь и приветствовала Джоан с удивлением и радостью. Джоан было приятно.

Хозяин, сказала Агнес, обрадуется.

Джоан поднялась к себе в спальню, сняла шляпу и сошла вниз.

Комната казалась немножко голой, но это потому, что в ней нет цветов.

Завтра надо будет купить гвоздик в магазине на углу.

Джоан взволнованно ходила по комнате. Сказать ли Родни о том, что, по ее мнению, произошло с Барбарой. Предположим, она скажет, тогда... А если...

Конечно, это неправда. Она все это себе напридумывала. Напридумывала из-за того, что сказала это глупая Бланш Хэггард – нет, Бланш Донован. Действительно, Бланш выглядела ужасно – такая старая и опустившаяся.

Джоан провела рукой по лбу. Она почувствовала, что в ее голове словно крутится калейдоскоп. В детстве у нее был калейдоскоп, и она любила его, у нее захватывало дух, когда цветные стеклышки кружились и вращались, прежде чем сложиться в картинку.

Что с ней?

Эта ужасная гостиница и то потрясение, которое она пережила в пустыне... Она воображала всякие неприятные вещи – что дети ее не любят, что Родни любил Лесли Шерстон (конечно же нет – что за мысль! Бедная Лесли). И она даже пожалела, что отговорила Родни от его странной фантазии завести ферму. На самом деле она поступила тогда очень разумно и дальновидно.

О господи, почему она была в таком смятении? Все те вещи, о которых она думала, в которые верила, – такие неприятные вещи...

Действительно ли это так? Или нет? Она не хотела, чтобы это было правдой.

Ей надо решать, – ей надо решать...

Что ей надо решать?

Солнце, думала Джоан, солнце очень пекло. Солнце вызывает галлюцинации...

Она бегала по пустыне... падала на колени... молилась...

Было ли все то реальностью?

Или реальность – это?

Сумасшествие, абсолютное сумасшествие – те вещи, в которые она поверила. Как спокойно, как приятно вернуться домой в Англию и чувствовать, будто ты никогда не уезжала. Что все так же, как ты об этом всегда думала...

Разумеется, все так же.

Калейдоскоп вертится... вертится...

Складывает то одну картинку, то другую.

Родни, прости меня, я не знала...

Родни, вот она я. Я вернулась домой!

Какая картинка? Которая? Надо выбрать.

Она услышала звук открывающейся входной двери – звук, который она знала так хорошо.

Возвращается Родни.

Какая картинка? Какая картинка? Быстро!

Дверь отворилась. Вошел Родни. В удивлении он остановился.

Джоан быстро шагнула вперед. Она не сразу взглянула ему в лицо. Дай ему минуту, подумала она, дай ей минуту...

А потом радостно сказала:

— Вот и я, Родни... Я вернулась домой...

Эпилог

Родни Скюдамор сидел в небольшом кресле с низкой спинкой, пока его жена разливала чай, гремела ложками и весело болтала о том, как хорошо опять быть дома и найти, что все в нем осталось так, как было, что Родни не поверит, как прекрасно быть опять в Англии, опять в Крейминстере, опять в ее собственном доме!

Обманутая необычным теплом ноябряского дня, по оконному стеклу, важно жужжа, носилась большая муха.

Ж-ж, ж-ж, ж-ж, — жужжала муха.

Дзень-дзень-дзень, — звенел голос Джоан Скюдамор.

Родни сидел, улыбался и покачивал головой.

Шумы, шумы, думал он.

Для некоторых они значат все, для других — ничего.

Он ошибался, решил он, подумав, когда Джоан только приехала, что с ней что-то не так. Все с Джоан в порядке. Она такая, как обычно. Все совсем так, как обычно.

Сейчас Джоан пошла наверх, чтобы распаковать вещи, а Родни направился в свой кабинет, куда он принес из конторы кое-какую работу.

Но сначала он отпер маленький ящик с правой стороны своего письменного стола и вынул оттуда письмо Барбары. Оно пришло авиапочтой и было отправлено за несколько дней до отъезда Джоан из Багдада.

Длинное, написанное мелким почерком письмо, теперь он знал его почти наизусть. Тем не менее Родни

прочитал его снова, немного задержавшись на последней странице.

«Ну вот, дорогой папа, теперь я тебе обо всем рассказала. Я полагаю, ты почти обо всем уже догадывался. Не надо обо мне беспокоиться. Я понимаю, какой я была преступницей и нехорошой маленькой дурочкой. Запомни, мама ни о чем не знает. Было не так легко все от нее скрыть, но доктор Маккуин превзошел сам себя, и замечательно вел себя Уильям. Я правда не знаю, что бы я делала без него, — он всегда был где нужно, готовый не подпускать маму, когда становилось трудно. Я была почти в отчаянии, когда получила телеграмму, что она выезжает к нам. Я знаю, дорогой, что ты наверняка пытался остановить ее, но это оказалось выше твоих сил, — и я полагаю, что со своей стороны она получила удовольствие, — только, конечно, она старалась переустроить для нас всю нашу жизнь, это было просто сумасшествием, а я чувствовала себя слишком слабой, чтобы с этим бороться! Я только сейчас начинаю понимать, что Мопси опять моя! Она такая славная. Как бы мне хотелось, чтобы ты ее увидел. Ты любил нас, когда мы были совсем маленькими или стал любить только позднее? Дорогой папа, я так рада, что мой отец — ты. Не беспокойся обо мне. У меня теперь все в порядке.

Твоя любящая Барб».

Родни на мгновение заколебался. Ему хотелось сохранить письмо. Оно очень многое для него значило — это письменное признание, что дочь любит его и верит ему.

Но профессия научила его, как опасно сохранять письма. Если он внезапно умрет, Джоан начнет перебирать его бумаги и найдет его, а это причинит ей ненужную боль. Не надо ее расстраивать. Пусть остается счастливой и спокойной в том сияющем, надежном мире, который она создала для себя.

Родни прошел через комнату и бросил письмо Барбары в огонь. Да, подумал он, теперь все у нее будет в порядке. У всех у них все будет в порядке. Именно за Барбару он больше всего опасался — с ее неуравновешенным характером и вспыльчивостью. Что ж, кризис наступил, и она из него выбралась, не невредимой, но живой. И она уже понимала, что Мопси и Билл — ее настоящая семья. Хороший парень Билл Рэй. Родни надеялся, что он не слишком сильно страдал.

Да, с Барбарой будет все в порядке. И с Тони все в порядке — хотя он далеко, на своих апельсиновых плантациях в Родезии — и его молодая жена, видимо, славная девушка. Ничто не затронуло Тони — и, возможно, никогда не затронет. У него такой веселый характер.

И с Эверил тоже все в порядке. Как всегда, думая об Эверил, Родни испытывал гордость, а не сожаление. Эверил с ее сухим разумом юриста, с ее стремлением кдержанности, ее холодным, саркастическим тоном. Твердая, как камень, непроницаемая. Он боролся с Эверил, боролся и победил ее единственным оружием, которое признавал ее надменный ум, оружием, которое сам он не любил применять. Холодным убеждением, логическим убеждением, беспощадным убеждением — она принимала только это.

Но простила ли она его? Наверное, нет. Но это не имело значения. Если он убил ее любовь к нему, то со-

хранил и укрепил ее уважение – а, в конце концов, думал он, для таких, как она, при ее жестокой прямоте именно уважение – главное.

Накануне ее свадьбы, разговаривая со своей любимой дочерью через пропасть, он сказал:

– Надеюсь, что ты будешь счастливой.

А Эверил спокойно ответила:

– Я постараюсь быть счастлива.

В этом была вся она – никакой высокопарности, никаких размышлений о прошлом, никакой жалости к себе. Трезвое восприятие жизни – и умение жить, не надеясь на других.

Они уже не зависят от меня, все трое, подумал Родни.

Он отодвинул бумаги на своем письменном столе и пересел на стул справа от камина. Взял договор об аренде Массингхэма и, слегка вздохнув, начал его читать.

«Владелец сдает, а арендатор принимает все земли и строения фермерского хозяйства, находящиеся в...» Он продолжал читать и перевернул страницу. «Не получать более двух урожаев зерновых культур с любой части пахотных земель без летней пахоты под пар (урожай репы и рапса на пахотной земле, хорошо очищенной и удобренной, скормленные на данной земле овцам, считаются приравненными к пахоте под пар) и...»

Он опустил руку и перевел взгляд на пустующее кресло напротив.

Там сидела Лесли, когда он спорил с ней о детях и о том, что им не стоит общаться с Шерстоном. Она должна, говорил он, подумать о детях.

Она думает о них, отвечала она, и, в конце концов, он – их отец.

Отец, который сидел в тюрьме, сказал он. Бывший заключенный – общественное мнение – ostrакизм – они окажутся изгоями в общества – а это несправедливо. Ей следует, сказал он, подумать обо всем этом. Плохо, если детство омрачено несправедливостью. Начало должно быть светлым.

– И честным, – ответила Лесли. – Он их отец. Не столько они принадлежат ему, сколько он принадлежит им. Конечно, я хотела бы, чтобы у них был другой отец, но что есть, то есть.

Да, конечно, он понимал ее. Но сам думал иначе. Он всегда хотел дать своим детям все самое лучшее – и они с Джоан правда это делали. Лучшие школы, самые солнечные комнаты в доме – они во многом себе отказывали, чтобы это стало возможно.

Но у них никогда не было никаких моральных проблем. Не было позора, темной тени, не было провалов, отчаяния, никогда не возникал вопрос: «Мы их защитим? Или пусть все делят с нами?»

Лесли, как он видел, считала, что они должны разделять. Любя их, она не хотела отказываться от того, чтобы возложить часть своего бремени на эти маленькие, неокрепшие плечи. Не из эгоизма, не для того, чтобы облегчить свою собственную тяжесть, а потому, что она не хотела отнимать у них даже малейшей и самой невыносимой частички правды.

Он не соглашался с ней, но признавал ее мужество. Ему самому такое было не под силу. Мужеством в отношении тех, кого она любила.

Он вспомнил, как в тот осенний день Джоан сказала:

— Мужество? О да, но мужество — это еще не все.

А он спросил:

— Разве?

Лесли сидела в его кресле, ее левая бровь слегка приподнялась, а правая опустилась; она немного скривила рот справа, а волосы на фоне выцветшей голубой подушки почему-то казались зелеными.

Он вспомнил свое удивление.

— У тебя не каштановые волосы. Они зеленые.

Это был единственный раз, когда он сказал ей что-то личное. Он не обращал внимания на то, как она выглядит. Усталая и больная, знал он, но тем не менее и к тому же сильная — да, физически сильная. Однажды он не к месту подумал: «Она может взвалить себе на плечи мешок картошки. Совсем как мужчина».

Не очень-то романтическая мысль, да и вообще мало романтического он мог о ней вспомнить. Правое плечо выше левого, левая бровь поднимается вверх, а правая опускается, чуть скривившийся уголок нижней губы, когда она улыбается, каштановые волосы, казавшиеся зелеными на фоне выцветшей голубой подушки.

Отнюдь не прекрасная возлюбленная. А что такое любовь? И правда, что она такое? Спокойствие и уверенность, которые он чувствовал, глядя, как она сидит в его

кресле, ее голова, зеленая на фоне голубой подушки. То, как она вдруг сказала: «Знаешь, я думаю о Копернике...»

Копернике? Почему, бога ради, о Копернике? Монах, придумавший или увидевший иную картину вселенной, который оказался достаточно хитер и ловок, чтобы пойти на сделку с сильными мира сего и описать свои представления в такой форме, чтобы они не вызывали подозрений в ереси.

Почему Лесли, у которой муж сидел в тюрьме, Лесли, вынужденная зарабатывать на жизнь и заботиться о детях, сидела там и, приглаживая волосы, говорила: «Я думаю о Копернике»?

Из-за этого у него при упоминании имени Коперника теперь всегда замирает сердце, а на стене он повесил старую гравюру с изображением монаха, которая напоминала ему: «Лесли».

По крайней мере, я должен был сказать ей, что люблю ее, подумал он. Я мог бы сказать ей об этом – однажды.

Но нужно ли это? В тот день на Эшельдауне, когда они сидели в лучах октябрянского солнца. Он и она вместе – вместе и врозь. Боль отчаянного желания. Между ними было четыре фута – четыре фута, потому что меньше не безопасно. Она это понимала. Она должна была понимать. Это расстояние между ними, в замешательстве думал он, было пронизано желанием.

Они не смотрели друг на друга. Он глядел вниз, на пашни и ферму, слушал отдаленный шум трактора и видел бледно-пурпурные пласти вспаханной земли. А взор Лесли был обращен на лес, который находился за фермой.

Как двое людей, взирающих на обетованную землю, куда они не могут ступить. Тогда я должен был сказать ей, что люблю ее, думал он.

Но никто из них ничего не сказал – только Лесли пробормотала: «Не увядает солнечное лето».

Вот и все. Одна избитая строка. И он даже не знал, что она под этим подразумевала.

Или, может быть, знал. Да, возможно, знал.

Подушка на кресле выцвела. Лицо Лесли тоже. Он не мог ясно припомнить ее лицо, только странно кривившиеся губы.

В последние шесть недель она каждый день сидела там, в кресле, и разговаривала с ним. Конечно, это просто фантазия. Он выдумал Лесли, посадил ее в кресло, вложил в ее уста слова. Он заставлял ее говорить то, что хотел от нее услышать, и она повиновалась, но ее рот кривился в уголке, как будто она смеялась над тем, что он с ней делал.

Это были, думал Родни, очень счастливые шесть недель. Он смог встретиться с Уотсоном и Миллсом, провел приятный вечер с Харгрейвом Тейлором – всего несколько друзей, не слишком много. Приятная прогулка по холмам в воскресенье. Слуги его очень хорошо кормили, и он съедал все медленно, как он любил, с книгой, приставленной к сифону с содовой водой. Иногда оставалась кое-какая работа и после ужина, потом трубка и, наконец, на случай, если он почувствует себя одиноко, поддельная Лесли усаживалась в свое кресло, чтобы составить ему компанию.

Поддельная Лесли, да, но не было ли где-то не слишком далеко настоящей Лесли?

Не увядает солнечное лето.

Он опять посмотрел на договор об аренде.

«...и должен эксплуатировать вышеуказанную ферму надлежащим образом».

Я действительно хороший юрист, с удивлением подумал он.

А потом, без удивления (и без большого интереса): «Я добился успеха».

Содержать ферму – трудная и нудная работа.

Но, господи, как я устал.

Он давно не чувствовал себя таким усталым.

Дверь открылась, и вошла Джоан.

– О, Родни, нельзя же читать без света.

Она быстро прошла через комнату и включила свет. Он улыбнулся и поблагодарил ее.

– Дорогой, это так глупо, сидеть и ломать глаза, хотя всего-то и надо повернуть выключатель. – Присаживаясь, она нежно добавила: – Не знаю, что бы ты делал без меня.

– Я бы приобрел разные нехорошие привычки.

Его улыбка была дразнящей и доброй.

– Помнишь, – продолжала Джоан, – как тебе пришла в голову мысль отклонить предложение дяди Генри и вместо этого завести ферму?

– Да, помню.

— Разве ты теперь не рад, что я тебе этого не разрешила?

Он взглянул на нее, восхищаясь ее горячей уверенностью, моложавой посадкой ее шеи, ее гладким, приятным лицом, на котором не было морщин. Бодрая, уверенная, любящая. Он подумал, что Джоан была ему очень хорошей женой.

И тихо сказал:

— Да, рад.

— Время от времени у каждого возникают безумные идеи.

— Даже у тебя?

Он сказал это, чтобы поддразнить ее, и удивился, увидев, что она нахмурилась. На ее лице появилось выражение, подобное ряби на гладкой поверхности воды.

— Иногда начинаешь нервничать и впадаешь в меланхолию.

Он изумился еще больше. Невозможно представить себе Джоан нервничающей или впадающей в меланхолию.

— Знаешь, я тебе так завидую, что ты побывала на Востоке. — Он решил сменить тему.

— Да, это было интересно. Но мне бы не хотелось жить в городе наподобие Багдада.

— Мне бы хотелось увидеть пустыню, — задумчиво проговорил Родни. — Это, должно быть, прекрасно — пустота и ясный, яркий свет. Меня пленяет именно свет. Все видишь четко...

— Это отвратительно — отвратительно — просто сухая пустота! — Джоан перебила его с непонятной горячностью и обвела комнату настороженным взглядом. Как зверь, подумал Родни, который хочет спрятаться.

Потом она перестала хмуриться и сказала:

— Эта старая подушка совсем выцвела. Надо купить новую.

Родни невольно дернулся, но овладел собой.

В конце концов, почему бы и нет? Подушка выцвела. Лесли Эделайн Шерстон лежала на церковном кладбище под каменной плитой. Фирма «Олдерман, Скюдамор энд Уитни» продвигалась вперед. Фермер Ходдесдон пытался еще что-то получить под заклад.

Джоан ходила по комнате, выискивая пыль, представляя книги и передвигая украшения на каминной полке. Действительно, за последние шесть недель комнату немного запустили.

— Каникулы закончились, — пробормотал Родни.

— Что? — Джоан повернулась к нему. — Что ты сказал?

Он непонимающе взглянул на нее:

— Разве я что-то сказал?

— Мне показалось, ты сказал, что каникулы закончились. Ты, должно быть, задремал и видел сон — как дети идут в школу.

— Да, — согласился Родни. — Наверно, я видел сон.

Она с сомнением смотрела на него. Потом поправила картину на стене.

– Что это? Что-то новое?

– Да. Я купил ее на распродаже в «Хартли».

– О! – Джоан с сомнением разглядывала картину. – Коперник? Она ценная?

– Понятия не имею, – ответил Родни. И задумчиво повторил: – Ни малейшего понятия...

Что представляет ценность, а что нет? Например, память?

«Ты знаешь, я думаю о Копернике...»

Лесли с ее угодившим в тюрьму мужем – пьянство, нищета, болезнь, смерть.

«Бедная госпожа Шерстон, такая печальная жизнь».

Но Лесли не была печальна. Она шла сквозь разочарование, нищету и болезнь, как мужчина шагает через болота, пашни и реки – добро и нетерпеливо, чтобы добраться туда, куда он стремится...

Он задумчиво посмотрел на жену усталыми, но добрыми глазами.

Такая живая, деятельная и занятая, так всем довольная и такая преуспевающая. Она выглядит лет на двадцать восемь, не старше.

И вдруг он почувствовал жалость. Невыразимую жалость к ней.

– Бедная маленькая Джоан.

Она пристально посмотрела на него и сказала:

– Я не бедная. Хотя и маленькая.

Он ответил привычно-насмешливо:

— Малютка Джоан? Вот и я! Нет никого со мной — я одна.

А она, внезапно бросившись к нему, выдохнула:

— Я не одна. Я не одна. У меня есть ты.

— Да, — ответил Родни. — У тебя есть я.

Но, говоря это, он знал, что это неправда. Он подумал: «Ты одна — и навсегда останешься одна. Но, слава богу, никогда об этом не узнаешь».

Примечания

1

Уоррен Гастингс (1732–1818) – английский колониальный деятель, первый генерал-губернатор Индии (1774–1785).